

9

M-45

ЛАН

А. МЕЙСЕЛЬМАН

1937

МОСКВА ГВАРДИЯ

А. М Е Й С Е Л Ь М А Н

Л А М

ОЧЕРКИ ОХОТСКО-КАМЧАТСКОГО
КРАЯ

1 9 * 3 1

ОГИЗ — МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

7-я

Типография Мосполиграф
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“
Москва, Арбат, Филипповский пер., 13.

Главлит № А-87762 Э. Т. 2673 Тираж 10250
М. Г. 5075. Индекс Д-2, 14 печ. лист.
Авторских листов 10¹/₂. Редактор И. П.
Магидович. Техредактор А. Г. Налимов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПО СССР ЧЕРЕЗ ЯПОНИЮ

ГЛАВА I

Рожден я моряком, с жизнью на море знаком (?).

„Гейша“, глупенькая оперетка.

Меня мучила тошнота... особенно усиливалась она, когда напоминали про ром, масло и сахар!

А. Марков, „Русские на Восточном океане“, СПб, 1856.

НАШ маршрут нов. Из Хакодате мы не идем проливом Лаперуза — обычным путем в Охотское море. Наш путь: Японское море, Цугарский пролив, Великий океан и, сквозь Курилы, в Охотское море.

Наш пароход не успели снабдить морскими картами в Шанхае, а попросить русские карты во Владивостоке капитану не пришлось в голову.

Наш капитан, Хессельбарт, — один из стаи славных норвежских мореходов, на всех широтах продающих свое несравненное знание моря. Он ведет судно в четыре тысячи тонн не то по карманному атласу, не то по записной книжке с картой всего мира на последней странице. Но в пути составляется собственная карта.

Однако дело не в старинном аромате открывательства новых путей, — капитан убежден, что его путь сэкономит две вахты.

Капитан около суток не сходит с мостика. Пересечь Курильскую гряду нелегко.

Наконец входим в Охотское море. Ох, скучное море — Охотское море!

В Японском иногда появлялась разная морская шушера; не сгибаясь, вытянувшись у носа нашего корабля, плыли касатки. Командир ГПУ стрелял в них из нагана. В проливе кое-где попадались рыбацьи кунгасы¹, а Курилы, особенно Евтуруп, стояли, чтобы безлюдьем оживлять море.

В Охотском же нет ничегошеньки.

Ходячее мнение, что японцам жить негде, что каждый бросовый клочок земли заселен и обработан, как-то не вяжется с пустынностью Курильских островов. На Евтурупе мы проезжали мимо пологих гор с удобными, как-будто вполне пригодными для пахоты, полянами; такие поляны чувствовались и вглуби. Горный поток бескорыстно свергается в море (туристов здесь маловато, маршрут наш необычен). Лес японского роста, отбежав от моря на километр, пугливо обступает горы, поднимается вверх, иногда скатывается на прибрежные скалы. Вам чудятся домики, пристани, люди. Бинокль с этим не согласен.

В 1713 г. Петр I, считая, что Япония ближе к берегам Сибири, чем она оказалась в действительности, по совету генерала Брюса приказал посадить двух человек в шлюпку и послать на розыски ее. Люди эти отправились в путь, по видимому, из Удского острога, увидели после шестинедельного плавания к востоку какую-то землю, высадились на нее, но на обратном пути погибли². 1719 г. Петр I послал с собственноручной секретной инструкцией двух ге-

¹ Кунгас — японская рыбацья лодка, баркас типа астраханской „рыбницы“.

² Э. Егерман, «Путь до Японии»

одезистов — Евреинова и Лужина — для исследования Курильских островов и собирания подробных сведений о Японии. Экспедиция в 1721 г. на ладье добралась из Большерецка до пятого острова, откуда вернулась обратно в Охотск. Донесение о плавании геодезисты представили Петру в Казани в 1722 г. Они же первые нанесли Курильские острова на карту. Нужно ли добавлять, что плавание на шлюпке и ладье по бурному Охотскому морю уже само по себе немалое геройство. Бесплезная и подневольная храбрость...

Таковы были поиски «Пегой орды» на суше и таинственных Серебряных островов по Охотскому морю. Царское правительство разочаровалось впоследствии в Курильских островах — они были обменены на Сахалин. Но и Сахалин тоже не удержался.

Курилы полудикой цепью заграждают подступ к Охотскому морю. Капитан Сноу был свидетелем образования нового мыса на них: «Это совершалось при замечательно тихом и постепенном под'еме южного склона горы у самой воды». Сноу «отправился на шлюпке вдоль только что изверженной скалы и нашел ее совершенно горячей, хотя рука могла выдерживать жар». Тут же на скалу налетели птицы, клавшие в ту пору яйца, и мыс был обжит членом Королевского географического общества капитаном Сноу и птицами из пород кайр, чаек и бакланов. Три или четыре дня Сноу стоял на корабле близ рождающейся земли, она все росла и временами выбрасываемая масса высоко взлетала кверху.

Все капитаны дальнего плавания с причудами. На одном из зафрахтованных Совторгфлотом пароходов нельзя пройти в капитанскую каюту, охраняемую кошками — персид-

скими, сиамскими, абиссинскими. Про другого капитана мне рассказывали, что он даже в контору Совторгфлота является в браслетах, кольцах и двух парах сережек.

Капитан Хессельбарт — исключение, подтверждающее правило. Его каюта проста. Кустарной работы поставец для трубок и деревянный золоченый бог с верховьев реки Янцзы — больше нет никаких украшений.

Помощник Хессельбарта, темноволосый, маленького роста, молодой, но уже круглый норвежец, без устали возится на пароходе. В каждый свободный момент он бегаёт к себе в каюту плести кружева. Все пассажиры восхищаются его редкостными рукоделиями. Он окончил школу мореплавания в своем родном городе Бергене, а эту школу знает весь морской торговый мир. Второй помощник — китаец, женоподобный, племянник хозяина парохода. Вся команда — китайцы.

Наше судно «Тун-Тук» звали раньше «Седуна». Оно спущено на воду 35 лет тому назад в Глазго и в 1901 г. получило класс в Австралии, о чем свидетельствуют важные листы в рамках над лесенкой, ведущей в кают-компанию.

Индия — Шотландия — обычный рейс этого угольного судна в четыре тысячи тонн сейчас изменен на Владивосток — Хакодате — Охотское побережье. Пароход не приспособлен для пассажирского движения. Наши каюты — три матросских закутка на четыре койки каждый. Мощные железные ребра проходят сквозь и над. Мы в двенадцатиперстной кишке.

Кит плавает, чуть подрагивая корпусом. Лишнее доказательство — нас преследуют касатки.

Помощник вечерами заводит большой и действительно хороший патефон. Карта водных путей земного шара, постоянные круговые рейсы морских пароходов и, на плавном

ходу, вежливо покачивающаяся пластинка с деликатными ниточками голосовых и музыкальных маршрутов. Круговым знакомым рейсом черные волны режет блестящая стальная игра. Она спущена, как судно со ступеней скользнула в лоно антрацитного блеска и — она по морю, море вокруг нее. Гавайские укулеле нежненько стонут южным бризом. Мазурка (у помощника в Шанхае жена — русская эмигрантка), глинковская мазурка налетает заранее предвиденным штормом. На гребешок и плавно вниз — легкая сталь проносится по обтекающему кругом морю. Гавань ждет.

Там верная тишина, там обстоятельное молчание. Округленная темно-изумрудная гавань с ласковыми огоньками (пластинки этой фирмы имеют зеленую наклейку с золотыми буквами).

Фокстроты, испанские народные песни, танго без конца, «Сухой бы я корочкой питалась» в исполнении шанхайской дивы и коронный номер вечера — норвежская плясовая с гармоникой. Эта пластинка отдельно хранится в альбоме, вынимается с предисловием: требуются перемена иголки и обязательная благожелательная реакция слушателя.

За вторым столом счетный персонал Охотской районной конторы Акционерного камчатского общества играет в преферанс. Спускается капитан — он не прочь поиграть в бридж. Но русские играют в преферанс. Преферанс сохранился только в России. Впрочем упрямые старые колонисты на каких-то островах, где капитан бывал, тоже играли в преферанс.

— Это вальс, — громко объясняет капитан, — вальс в два па.

Вальс наводит его на воспоминания, о танцах в частности.

Он танцует, но не увлекается. Нельзя увлекаться модными танцами человеку, который видел уникальные — непотопимые танцы и пляски.

Ему было 16 лет в 1900 г., когда бурское восстание вытеснило его из Норвегии. Увы, англичане не пропустили юношу к бурам. В концентрационном лагере, где его заставили работать, он все еще мечтал помочь бурам. Однажды ему с товарищем разрешили отправиться пешком в город. Путешествие, достаточно длительное, было отдыхом после нудных работ в лагере. Товарищ, вдребезги пьяный, остался в городе. Капитан тогда еще не пил (блаженные времена!). На обратном пути он нес своим друзьям по лагерю две бутылки рома. По дороге черная девушка спросила, куда он идет?—Он ответил. Что он несет?—Он ответил. Они пошли рядом. — Она любит ром, не даст ли он ей немного? — Он промолчал: шесть месяцев тюрьмы белому, который напоит негра или продаст ему вино. Она просила— он отшучивался. Она сделала два быстрых шага и пошла впереди него. Он всего три месяца как приехал из Норвегии, ему и лет-то всего шестнадцать. Он никогда не видел такой походки и смотрел не отрываясь. Голос не действовал на него — он смеялся, когда она говорила на ломаном-переломанном английском языке. А теперь, потрясенный, он молча шел за ней. Наконец ему удалось сдвинуть язык с места. Он крикнул ей по-норвежски—она остановилась, а потом свернула с дороги в лес.

Он сидел оторопело на земле, сдавливая горлышки бутылок, а она танцевала, временами исчезая в лесу, переходя в лес.

На ней мало было одежды, и она танцевала так, что даже его подлинно первая страсть не посмела прорваться сквозь танец и помешать.

Капитан усмехался, растроганно повторяя:

— А ведь мальчик же был, совсем мальчик. Нет, Жозефина Бекер¹ не стоит бурского воспоминания, хотя и вышла замуж за итальянского графа, черная сука. Да и вообще в Буэнос-Айресе в кабаках танцуют в десять раз чище такие вещи, хотя и трудно сказать, в технике ли дело при таких танцах. Мой первый билет на балетный концерт стоил две бутылки рома. Кстати, как вы обходитесь в России без рома — у вас ведь нет сахарного тростника? А впрочем, наверное где-нибудь растет. В России все есть! Россия — замечательная страна, и не только Шаляпиным, которого я слышал, и Павловой, на чей концерт не пошел. Жена говорила: «Ты лишаешь себя удовольствия». Ничего, говорю, — что же делать, я привык. Сестра жены: «Вы допускаете пробелы в своем образовании». Возможно, говорю, возможно. Столица Норвегии была в восторге от Анны Павловой.

Я вспоминаю, что часа за два до этого капитан говорил об Осло: собаки там загоняют иногда лося в город. Капитан, не будучи охотником, любит, однако, слушать и говорить про охотничьи дела.

Рассказы капитана запоминаются. Несколько лет, самых напряженных в своей жизни, он водил суда по Янцзы. По этой огромной и интереснейшей реке ходят пароходы трех типов, в зависимости от особенностей трех ее членений. По самому трудному он ходил несколько лет на сверхмощных пароходах особой конструкции, чтобы заработать на те два портрета, что висят сейчас над его столиком: мальчика типично скандинавского облика и женщины лет 30, скорее француженки. Трудные плавания это были. Пороги, стремнины, на палубе дежурят американские солдаты с пулеметами.

¹ Жозефина Бекер — негритянская танцовщица, «звезда» парижских кабаков.

Впрочем, неизменно отбивались, хотя хунхузы иногда нападают огромными бандами.

Артельщик распределяет нам масло и сахар на руки:

— Товарищи, масло получили?

— Получил, получил.

— Ну, если масло получили, получайте сахар, — сахар хороший, белый сахар, крепкий.

Китайцы нас презирают — мы не обедаем в кают-компании.

Шесть рублей в день на советские деньги — слишком дорого. У нас своя кухня в кормовой части на палубе, своя столовая в одном из трюмов. Нас много, мы едим еще больше, но стол наш прост... китайцы нас презирают...

ГЛАВА II

КАПИТАН говорит о китайцах:

— Когда к вам поступит повар-китаец, он заводит сложную бухгалтерию — сколько и от кого из поставщиков ему полагается. Китаец принес вам разные безделушки, бой открывает ему дверь и пропускает к вам. Вы купили, продавец уходит. Сделка кончена? Не совсем. Торговцу еще надо расплатиться с боем — тот мог и не допустить его к своему хозяину.

Я пробую возражать капитану, он улыбается. Я рассказываю ему слышанное во Владивостоке о китайских партизанах, о работе китайской секции Владивостокского горкома.

Капитан становится серьезным, но менее разговорчивым.

Это мне невыгодно. Я постыдно сдаю позиции.

Мы говорим об охоте.

— Китайцы охотятся?

— Да, даже на тигра. Тигр не должен получить внешнего ранения, его шкура обесценится от этого. Китайцы ловят тигров в западни — ямы, в крепчайшие сети. Веревками, не уступающими прочностью стальному тросу, целая орава охотников буквально распластывает тигра на земле и привязывает за ноги к столам. Тогда живому тигру в прямую кишку вводят раскаленную железную пику во всю длину. Тигр гибнет в диких мучениях, и шерсть от этого будто приобретает блеск и лоск, неповторимый при иных условиях.

Я снижаю торжественность: вот-де у нас, в Приморье, на берегу озера Ханка, вымачивают бобы в самогонке и рассыпают по берегу. Перелетные гуси начисто подбирают бобы и засыпают сладким сном. Тогда их собирают в корзинки, как грибы.

На мой удар капитан отвечает парадом:

— Во время больших перелетов гусей китайцы, зная хорошо места, охотятся ночью с факелами. Вожак, передовой гусь, стоящий на страже, заметив факел, кричит. Китаец перевортывает факел в глубокое ведро. Стадо оглядывается вокруг. Тихо, темно. Несколько времени спустя китаец подходит ближе и снова поднимает факел. Снова кричит страж и снова повторяется то же. И вот здесь-то самое диковинное.

Когда процедура повторяется третий раз, бедный гусь уже не кричит, а срывается с места и улетает, оставляя стадо на произвол судьбы. По уставу гусиной полевой службы, как утверждают китайцы, если бы страж крикнул еще раз и стадо ничего не обнаружило, — беднягу заклевали бы тотчас и всенародно.

Так охотятся на гусей в Китае.

То есть бывает, что и так охотятся на гусей в Китае.

Собственно, капитан может и не стоять на вахте, однако, он стоит по два часа от 4-х дня и 4-х ночи. Это сокращает помощникам их вахту на два часа каждому.

В дождь китаец не выходит из капитанской будки — боится промокнуть, — пренебрежительно бросает капитан. — Китайцы не знают чувства ответственности. Я никогда не видал хороших моряков-китайцев.

Суперкарго¹ Пашковский, прожженный суперкарго Советторгфлота, вторит ему:

— А знаете, почему китайские суда не водят китайские капитаны? — спрашивает он и добавляет спесиво: — ни одна контора в Шанхае не застрахует пароход на плавание с китайским капитаном. Вы думаете, наш брокер² дал бы «Тун-Тук» китайцу, мистер Моллер? Да никогда!

Шанхайские брокерские фирмы ведут дела со всем миром. Суда нужны крупной фирме на время; потом временно же надобность минует — тогда судами управляет брокер.

Выиграл кутила в карты пароход, не знает, что с ним делать — поручает брокеру, и тот ведет «его пароходство». Кредитор получает судно за долги, продать невыгодно — снова брокер ведает всем делом; нанимает капитана, тот помощника, старший механик нанимает своих на машины, стюард нанимает боев и поваров, брокер извещает все это сборище: вы отправляйтесь туда-то и туда-то на такой-то срок и т. д.

И они действительно отправляются, постепенно утрясываясь, слаживаясь друг с другом.

¹ Суперкарго в советском торговом флоте — «ревизор» ведающий грузами.

² Брокер — посредник.

ГЛАВА III

*Лам ламу — по-тунгусс и море.
В XVII веке — Лама, Лам — Охот-
ский край и море, оно же Тунгусское,
Камчатское, Охотское море тож.*

ОХ, СКУЧНОЕ море — Охотское море!

Третий механик, огромный китаец со зверской челюстью, ударил сегодня матроса. Молодцы, они все оказали ему такой дружный отпор, что он стусевался моментально.

— Не забудь, кто с нами едет, — говорили ему матросы, показывая на русских пассажиров.

Наши ребята подбивали задать ему встряску, но китайцы незлобивы, несмотря на все рассказы о пресловутой китайской мстительности и злопамятности.

В кубрике теснота и грязь, но по вечерам жалостливая китайская скрипочка собирает вокруг себя внимательных слушателей, а сквозь вытяжную трубу мне в каюте слышна постоянная песнь поддежурного по вахте китайца.

Противоречия не ищутся в таких мелочах, но вот случай. У матросов есть котенок, — я видел его еще на рейде во Владивостоке, — истощенный до-нельзя. Мой спутник словами и жестами объяснял матросам, что котенка надо кормить: «Чуфан, чуфан надо!» Китайцы улыбались. Как-то недели через две мне уже в пути попался опять этот котенок, еле ползавший по кубрику. Он был так же тощ; матросы-китайцы только шутивно поддевали его ногами, но никто не дал ему даже маленького кусочка пищи. Дело было во время вавтрака, а едят китайцы обильно, опять-таки невзирая на обычно навязываемую им воздержанность в пище.

Это не шовинизм, но я убежден, что наши матросы сделали бы из котенка в две недели здорового толстущего кота.

Работают китайцы-моряки медленно и неумело. Я не раз видел, как, не выдержав этой мазни, наши, а потом и японские рабочие, знакомые с морским хозяйством, сами брались за дело.

Пасмурная погода перешла в сплошной туман. Мы идем Охотским морем, параллельно Сахалину. Через каждые пять минут тяжелый гудок оседает на туманы. Пароходов здесь нет и едва ли могут быть, но морские законы непреклонны, и опять и опять ревет наш гудок, тщетно окликающая холодное Охотское море.

Мы идем два дня в тумане.

Вечер. Капитан спускается с мостика. С каждой вахтой температура воды падает на градус. Наскоро поставленное в Шанхае паровое отопление капризничает, шипит, фыркает, но не обогревает капитанскую каюту, выдвинутую вперед, открытую ветрам.

Капитан брюзжит:

— Холод, холод!

Он уже привык к теплу за двадцать лет плавания на востоке.

Капитан возится у шкапчика.

— На Филиппинах сейчас + 40.

— Капитан, расскажите что-нибудь о Филиппинах.

— Что о них рассказывать, теперь там скука... Неважно, что вы не курите — сигару вы должны взять. Хоть это и манилла, но качество хорошее *La perla de l'Orient*. Филиппины? Там было жарче когда-то — американцы выбивали туземцев. Мавры — слово пахнет средневековьем, но именно мавры, арабы были главными врагами американцев. Муллы впрыскивали бойцам в вены яд, который приводил в бешенство и делал нечувствительной физическую

боль. Спасения не было. Надежды тоже. И все же эти одержимые крошили направо и налево: им была обещана райская обитель за гибель в священной войне.

Но янки породили не одного Эдисона: изобретательство — прикладное искусство американцев. Пророк обязан принять в рай павших воинов, но он не имеет права не считаться с другими постановлениями корана. Американцы стали подбирать с поля брани мертвых мусульманских героев и публично хоронили в одной могиле со свиньей. Похороненный разом лишался доступа в рай. Обиженно отлетали гурии Магометова рая, уже вполне приготовившиеся к встрече. Запах свинины аннулировал диплом на потустороннее блаженство. Подвиг становился бессмысленным. Предложение героизма резко упало.

Наш капитан в пути обычно не пьет. На стоянке можно себе позволить пропустить малость, но до этого — ни-ни! Знаменитый на советском северо-востоке капитан Деревенченко, как только бросали якорь, тотчас наливал себе чайный стакан коньяку, чем, так сказать, и начиналось...

Радио на «Тун-Туке» не работает. Бездействие объясняется тем, что нет какой-то особой лампочки. В Хакодате ее тоже не нашлось, хотя там есть все, что нужно судам, да и за трое суток стоянки можно было выписать из Кобе. Радист, однако, говорит, что принимать он может.

— Хорошо, принимайте хотя бы то, что идет в наш адрес.

— Нет, в наш адрес нельзя принять. Раз мы не можем сообщить о готовности принять, — никто нам и посылать не будет.

Нас четверо в каюте. Бухгалтер с монументальной шишкой за ухом спит внизу. Напротив — промысловый доктор, хирург, день и ночь бредящий операциями. Когда гасят огонь и пора засыпать, доктор начинает вслух мечтать о бухгалтерской шишке: «Без наркоза, даже не надо бюллетеня, хоть через пять минут на службу. Но торопитесь, доброкачественная опухоль переходит в злокачественную».

В темноте содрогается тучное тело бухгалтера. Мне кажется, он готов бежать из каюты. Но сверху мы запеваем гимн авиаторов СССР, как поют его китайцы-партшкольцы во Владивостоке:

«Все выше и выше на верха ходи...»

Звуки улетают в вытяжную трубу, и туда же за ними улетучиваются волнения нижних коек. Сивоконь аккомпанирует на губной гармонике. Веселей, веселей!

Бескрасочный рассвет над Охотским морем 17 июня. На пространстве, неоглядимом ни биноклем, ни встревоженным взглядом капитана, идут льды. Качки нет. Льды заколачивают море, как сбивают торцовую мостовую — торец к торцу. Тысячи черных нерп, выползших на льдины, превращают реальную картину в мир фантастический и сумбурный.

Машина стопорит, судно начинает лавировать. Мы предполагали, что льдов уже с полмесяца как нет. Направление и скорость льдов, их плотность — для нас важнейшие вопросы.

Лед окружает китайский пароход «Тун-Тук», Радио бездействует.

Капитан посылает в ад радиста и суперкарго. Те как будто слушаются, во всяком случае уходят.

Время идет. Вдруг нерпы сотнями бултыхаются в воду, ледяные поля пустеют. Капитан опускает бинокль.

— Не страшно. Ледяные поля — бродяги. Пловучий лед. Очень эффектная картина — я доволен поездкой. Теперь бы только купить медвежьи рукавицы на побережье. Как вы думаете, это можно?

Я с жаром обнадеживаю его.

★ ★ ★

ГЛАВА IV

ТУНГУС с женой едут в трюме. Ночью тунгуска родила ребенка. Пароходный фельдшер пришел, когда роженица уже сидела на нарах и курила. Маленький повидимому, тоже неплохо себя чувствовал.

Норвежцы обрадовались — ребенок рожден на борту, капитан восприемник. 50 рублей отправляются на зубок маленькому. Как раз стоянка близ Охотска. «Мокрый» предлог замечательный — ребенок родился на борту!

Якорь спускают. Капитан (за даму) и помощник танцуют фокстрот в кают-компании. Публика глазееет с интересом. Столы полны пивом и коньяком. Первое закусувается последним и последний первым.

Граммофон поручен командирам ГПУ — приятелям помощника. Они вообще сдружились, помощник и пять командиров ГПУ, едущих на побережье.

Помощник ставит купленный во Владивостоке «Марш Буденного» и отплясывает с фигурами. Сегодня можно — ребенок рожден на борту!

★ ★ ★

ГЛАВА V

ЛЕГКИЙ досчатый барак с поющими щелями; половина — склад, другая — разделена перегородкой на две ка-морки по две койки вместимостью. На одной — я, на другой — мой зав, молодой еще парень из астраханских рыбаков, выдвигенец, забравшийся в эти дали уже полтора года.

Осенью он вырывается отсюда. Когда говорит 'об от'-езде — у него даже голос меняется.

Винчестер и двустволка висят на стенке у окна, напротив столик с моими книгами, над ними карта промыслов. Клетушка наша угловая, одно окно на море прямо, другое — на море сбоку и на тундру, на снежные горы. Кстати, снег лежит еще на многих участках побережья.

Солнце греет слабо. Хуже ленинградских белых ночей неразборчивая охотская ночь. Почти не меняется освещение, перемену замечаешь только в себе, если приглядишься случайно: не хочется много двигаться и чаще посматриваешь на часы.

В Ленинграде часы у меня были сломаны и я долго обходился без этой жизнемерной игрушки. Здесь я подбадривающе гляжу на стрелки. Я не прижму их пальцем, не забуду завести часы, не потеряю их.

С моря подходит катер, он ведет рыбацью лодку-баржу, особой японской постройки, как здесь называют — кунгас. В день приезда сильный прибой не позволил разгрузиться до конца. Японцы работают идеально. Мгновенно на кунгас взлетели восемь канатов, приемщики рассыпались по берегу, и кунгас влетел в полосу прилива. По два кола вбиваются рядом в восьми местах, на колья наматывают канат, пользуясь приливной волной, и в этот же момент ухитряются набросить на корму кунгаса (он пово-ра-

чивается носом к морю) тяжеленный массивный трап-сходни. Невозможно быть проворнее японцев не в показательной, а в обычной, будничной работе.

Серьезнейшее дело — удержать кунгас и сходни на нем во время выгрузки, перебилось у нас неожиданным и забавным образом. Прибой набирался силы, залетал дальше и дальше. Вдруг над мохнатой пеной и в самой воде разорвались серебряные гранаты. Прибой прынул назад, песок и галька взлетели на воздух и забились сверкающими гнутыми пластинами. Берег был полон мелкой рыбы. Мы бросились закидывать ее вглубь на сушу. Через минуту нас захлестнуло волной, рыбу смыло в море, а через две вновь взметнуло пену на берег и рыбу к нашим ногам.

Срочная работа по выгрузке тянулась часа два. Хозяйка наша приготовила полную сковороду жареного уйка, и масло уже застывало. Аппетит взялся его разогреть и справился с этой задачей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЛЮДИ, ДЕЛА И ДНИ ОХОТСКОГО МОРЯ

ГЛАВА I

СЕНДО!

Я освобождаюсь от накомарника, протираю глаза и встаю.

Сендо — это собственно относится не ко мне. Я — цуяку, переводчик (в глаза — цуяку-сан), но японец-писарь стоит возле постели, и нужно вставать, так как он пришел по делу, прислан старшиной, главным японцем на промыслах — сендо.

Когда в доброе старое время между великими или малыми христианскими державами заключался договор, то прежде чем изложить суть дела, высказывались побуждения обеих сторон, а еще до этого договор открывался торжественной формулой: «Во имя святой и неделимой троицы». Для сношений с Турцией существовала упрощенная формула: «Во имя бога, всемогущего и милостивого».

При японо-советских переговорах на нашем малюсеньком и дипломатически бесконтрольном участке Советского Союза мы пользуемся еще более краткой и условной формулой: «Сендо!» Побуждения же наши известны.

Впрочем, посол не говорит: «Сендо, мой господин и повелитель, прислал просить у вас, уважаемый господин переводчик»... Нет, речь строится иначе.

— Сендо, — начинает он ссылкой на отсутствующий авторитет и, в то время как я натягиваю штаны, продолжает: — просит дать 6 кусков манильского шпагата, 10 б момме, прядева белого 4 мотка, корзин малых 2 штуки, гвоздей кунгасных 2 фунта...

Я беру ключи и мы идем в склад.

— Проволоки тонкой пять кен.

Я передаю манильский шпагат.

— Неводной краски пять фунтов.

Три мотка прядева бросаю ему сверху.

— Ножей для резки, — намерен он продолжать и сразу прекращает свой акафист: — господин переводчик, надо четыре мотка прядева, а не три!

Добравшись до проволоки, я передаю ему четвертый кусок прядева, и он без удовольствия кончает:

— Ножей для резки рыбы «магири» 20 штук.

— Рыба еще не идет, — объясняю я ему, — и ножей нет. К рыбе ножи будут.

На рыбалки не распространяются правила хорошего тона — к рыбе ножи будут. У каждого японца-рыбака есть свой отличный нож в деревянном резном футляре. На футляре вырезана рыба, зачастую стилизованная и всегда искусно. Во время больших приливов на Камчатке, если японца захлестнет волна и понесет в море, он выхватывает свой длинный нож и, всадив его с размаха в песок, удерживается.

Нам задержали доставку продуктов с главного склада, и сендо важно прислал подарки (их придется потом откупать русскими продуктами): сладкое консервированное мясо, ситро и сладкое консервированное молоко. Чтобы полюбоваться эффектом подарка, он является сам и с большим увлечением насаждает на консервы. Я думаю, что ему просто надоело общество своих соотечественников.

Он беседует о жалованьи, получаемом советскими служащими в Хакодате. Собственно, он говорит нам комплименты: фирма, которая хорошо платит, — богатая, уважаемая фирма. В данном случае этой заслуживающей уважения фирмой является Советский Союз.

— Торугупредство, — говорит он, — Хлыновский-сан — восемьсот иен в месяц.

Сендо свистит от уважения и к Хлыновскому, и к русским, и, главное, к иенам. Часть уважения приписываю себе — разговор-то со мной, — хотя мне лучше не говорить, что я получаю около 60 иен по курсу меняльных контор.

Сендо ест свежий хлеб (японцы любят хлеб), пьет русский чай, продолжает перечисление жалований.

— АКО¹, Королев-сан — семьсот иен, раньше был сам хозяин, потом заведующий на рыбалке, жалованье получал мало, теперь в Хакодате большой хозяин — семьсот иен в месяц!

Сендо крив на один глаз, где-то он его потерял. Моторист и рулевой катера, отчаянные головушки, зовут его по-русски «косая сендо», больше они на этом языке ничего не знают.

Сендо рассуждает дальше по-русски:

— Голова — хорошо. Голова нет — хорошо нет. — И допускает особое русско-японское слово «худона»².

Переводчик, по его мнению, может не иметь головы, переводчик-цуюку передает чужие слова. Голова у переводчика может быть деревянной; он поясняет конкретными образами из окружающего мира вещей.

Сендо пьян, скотина. Мы хохочем, он доволен и переходит на японский. Собственно, говорит он, мы здесь ни

¹ Акционерное камчатское общество.

² Японизированное наречие — худо.

к чему, он, сендо, все сам знает и без нас. Он строит символ. Очень неуверенными уже коротышками-пальцами пытается смастерить весы из стоящей рядом метлы и нацепить на одну сторону большую синюю кастрюлю, а на другую две эмалированные кружки.

Он пьян, однако, юмор или пьяная хитреца не оставляют его. Показывает на меня и на моего молодого зава и подмаргивает своим основным глазом на две болтающихся на палке кружки. Кастрюля грузно оседает на помеле, кружки летят вверх и устремляются по палке вниз, к кастрюле. Но до этого он успевает широким округлым жестом сравнить себя с кастрюлей и передает подошедшему японцу все сооружение.

Японец, лысый старик-повар, пришел звать его обедать. Сендо уходит не сразу.

Повар стоит у железной печи и, закинув полы кимоно, греет зад. Наша хозяйка с негодованием скрывается в свое стойлище.

Сендо пьян, он уходит, не прощаясь; повар несет за ним шапку.

ГЛАВА II

Бежали робкие грузины...
Лермонтов «Демон»*

СЕНДО играет с русским икрянщиком в шашки. Сендо жулит и ссылается на незнание с игрой. Играет он превосходно. «Мадам», т. е. классическая дамка, у него особенно прожорлива, но сендо несогласен называть всемогущую фигурку именем неполноправной женщины — дамка переименована в «капитану». Капитана, как послуш-

ный кондотьер, воюет за сендо. Кондотьер налетает, как буря, — икрянщик приуныл. Неисчислимы кондотьеровы потравы на желтых нивах доски. Ой, берегись, Кравчук, — капитана скачет через пешки!.. Соппротивление бесполезно. «Бежали робкие грузины».

Я веду ежедневный табель работ японских рыбаков. По вечерам, в 10, когда уже приблизительно проверишь сам работу за день, приходит теба-сан — писец.

Десять человек на пошивке невода, тринадцать на разборке соломенных изделий и т. д.

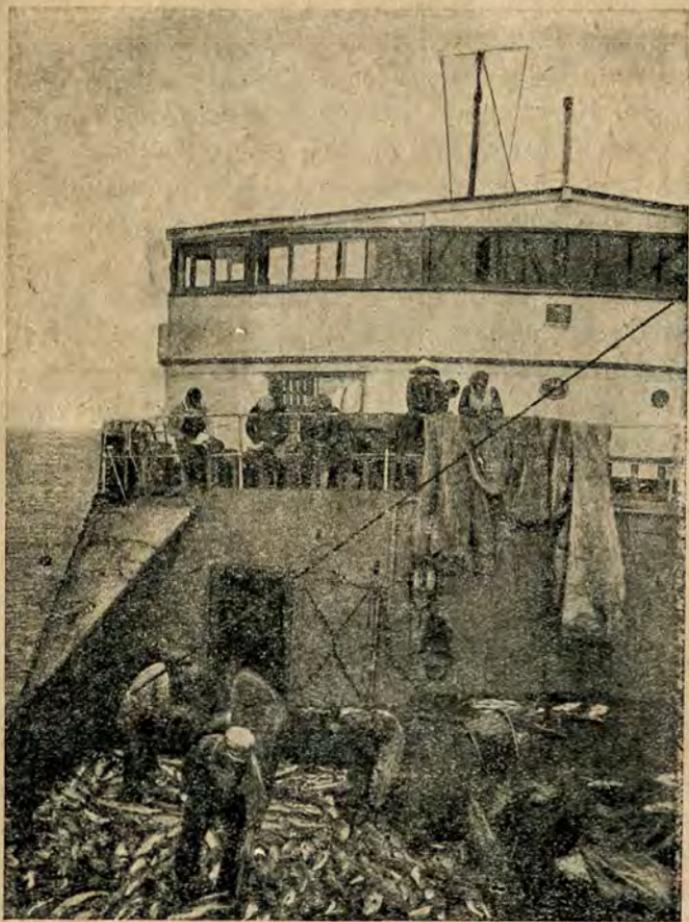
Сейчас табель не так важен. Японцы получают премиальные с улова. Рыбы еще нет, рыба в океане, в тех неведомых его пространствах, где она ходит 4-5 лет для того только, чтобы провести нерест в местах, откуда она вышла крохотным мальком.

По непостижимой точности инстинкта она возвращается на то же место через много лет, мечет икру — дает новую жизнь, а сама погибает.

Рыбы еще нет, покамест «не будем говорить о ней».

Я выглядываю в окно. Прямо передо мной, внизу, у линии прибора, старый рыбак мирно сидит на корточках, спиной к морю, лицом к миру и промыслу. Он освобождается от переваренной пищи. Японцы, по настоянию зава, воздвигли великолепное строение для этой цели, но очевидно слишком велик соблазн отдать известную дань морю близ места труда. Это не пошлость, — прошу помнить, что речь идет не о наших гули-гулеванах, принципиально испражняющихся у дверей уборных. Я невольно продолжаю смотреть на него из окна. Прибой иногда проносит из-за его спины низенькую белую пену, обдавая его несильными брызгами. Строение японских штанов универсально: два разреза идут спереди и сзади, но тот, что сзади, очевидно, считается важнее, так как он больше, не имеет пуговиц и

глубоко запахивается пола за полу. Широкий пояс подхватывает это изобретение.

„Харуна-мару“ принимает от нас рыбу.

Многие из рыбаков расстались с японскими костюмами и носят европейские из коричневого или синего вельвета, знаменитой материи итальянских каменотесов. Обувь япон-

ских рыбаков — соломенные лапти «варадзи» или спец-одежда — резиновые сапоги и двупалые носки-туфли «таби». «Вакаимоно» — молодежь, вернее ребята, как называет сендо рабочих, по преимуществу носят деревенские японские костюмы; некоторые — рабочие блузы с «гербами» АКО на спине. Когда они в полном параде, сбоку висит табакерка, нож и трубочка и за пояс заткнут грузчицкий крючок на большой деревянной ручке. На донышке этой ручки азбукой или иероглифами вырезана печать, именная печать рыбака.

Образованные японцы носят при себе печать и красную пасту. Оттиск печати ставится рядом с подписью, так как в каждой иероглифической подписи, если она пишется просто, нет индивидуальности. Такой иероглиф может быть поставлен любым, и поэтому печать нужна.

Г Л А В А III

В ЧЕРА бросили якоря — несколько сот рогожных мешков с галькой, по 3-3½ центнера каждый, поставили раму и невод на нашем участке. Наконец-то я увижу живыми тихоокеанских «проходных» лососей. Скромно звучащие по-русски, названия их пышны и рекламны по-английски. Кета, или хайко, по-английски — calico salmon, нерпа — socbey, back salmon, red salmon, red fish; кижуч — соho, silver salmon; горбуша — humpsack; чавыча — chinook, king salmon

Ход еще не начался, но вчера уже были гонцы: около полутора сотен больших лососей; кеты с розоватым мясом и нерки с красным мясом горячего, нерыбьего, алого цвета.

— Когда же рыба?

— Дня через че-ты-ре.

В невод попалась исполинская нерпа, килограммов на 400, какой бы вероятно не запомнили пресловутые старожилы, если бы, впрочем, кто запомнил здесь старожил. Нерпа лежала убитая на дне кунгаса, занимая большую половину его своей тушой, и рядом — две маленькие акибы, желтые с черными пятнами, одна дохлая и одна живая, точный снимок старого «тигра» Клемансо.

Аппарат мой сгинул, и я вновь сокрушаюсь по этому поводу. А я уже видел, как размещаю двух маленьких акиб впереди, одну удерживая за веревку, привязанную к подобию ноги; сзади ставлю двух японцев, в руки беру дубину из акульего позвоночника, и экзотический снимок готов. Навертывается подпись и для второго снимка: «Гигантская нерпа и я — оба в $\frac{1}{24}$ натуральной величины»

(чем не Брэм?). «Чемнебрэм» — так я и подумывал назвать пленного усатого старичка, но зав ударил его веслом по голове, и старичок заплакал, закрыл один глаз и «уснул».

Здесь ловятся и сивучи. Недавно за нашим катером гнался молодой гнедой сивуч. В Охотском море, на острове св. Ионы, в двух днях пути от нас назад к Сахалину остались еще лежбища сивучей. Калифорнийские маленькие сивучи — морские львы — дают в Европе высший процент... музыкально образованных животных. Им подвластны ударные и медные. «Под электрическим небом цирков»

Пленный нерпенек.

они парадируют как чемпионы французской борьбы, только без медалей и почетных поясов. Бубны и трубы уравнивают их шансы с соперниками. Дрессировщица морских львов изящно бросает мелкую рыбешку прожорливым зверям. Те рвякают, как подвыпившие рядчики, и вот именно за этот звук их зовут морскими львами — царями морей. Тембр царского голоса, очевидно, скомпрометирован накрепко.

Эти неуклюжие животные отлично лазают по высоким скалам — их лапы снабжены когтями. Во время любовных боев за гаремы сивучи-самцы отчаянно раздирают ими друг друга, не нуждаясь в бивнях, которыми для этой цели наделила природа гигантов ластоногого мира — моржей. Впрочем, я слышал, что бивни мешают моржам спать, так что, укладываясь, эти полуторатонные туши вынуждены кокетливо склонять голову набок.

По тунгусским поверьям, сивуч — морской медведь. Он выходит из моря, чтобы сразиться с лесным медведем, или тот сам нападает на отдыхающего на скале сивуча. Сивуч (могучие животное до одной тонны весом) бросается со скалы в море вместе с насевшим на него медведем, и тогда медведю конец. Тунгус не носит с собой никаких изделий из прекрасной непромокаемой и теплой шкуры сивуча: если выйдешь в лес в сивучьих торбазах¹, то медведь узнает, бросится вслед, и тогда надо с ним бороться.

С. И. Расторгуев рассказывал мне, что и он поверил в это, когда медведь пробрался к нему в избу, разломал потолок и буквально исковеркал стоявшую на чердаке детскую упряжную нарту, обвязанную сивучьими веревками. Больше медведь не тронул ничего и ушел. Я осторожно заметил, что, быть может, от сивучьей шкуры идет специфический запах, раздражающий медведя. Степан Иннокентье-

¹ Меховые сапоги.

вич неопределенно согласился. Он старый полярник, был проводником некогда известного путешественника Толля, у него отличная рукодельница-дочка, и вся семья свободно говорит по-тунгусски и по-якутски.

Тунгусы-охотники создали оригинальный и самостоятельный мирок, наполненный традициями, обычаями, суевериями и сказками. Я вспоминаю рассказы тунгусских охотников в мастерском переводе С. И. Расторгуева.

В лесу на деревьях иногда встречаются следы медвежьих когтей; один пробует, за ним другой — так образуется звериная, медвежья тропа. Если человек тронет эти следы или это дерево срубит, медведь узнает, станет догонять, и тогда с ним надо бороться. Одни тунгусы считают, что медведь в берлоге сидит, опустив голову и передние лапы к задним, «сидит, как старик толстый», «дремлет» и по-этому-то у него шерсть слеживается на зад. Другие полагают, что медведь спит, свернувшись калачиком, «как просто собака», с начисто промытым желудком и твердой изумрудного цвета травяной пробкой у выхода прямой кишки.

Убитому медведю отрезают голову и потом все кости складывают в маленький лабаз на дереве, а череп вешают на сук. Отведать медвежатины зовут всех родичей. Начинают с внутренностей — сердца и печенки; когда едят голову, держат ее под рукой с левого бока, почти за спиной, отрезают ломтик не глядя и приговаривают: «Это не мы тебя убили, не мы режем, это вот оймеконский якут» (или русский)... Бывает также, что каркают по-вороньему, — дескать, это ворон тебя долбит. Во время еды бросают кусочки огню.

Мясо выдры, горностая, лисицы есть нельзя: можно отбить охоту.

— Ушла выдра — мясо с'ел, — говорил мне сокрушенно через Расторгуева тунгус-охотник. — Грех есть мясо у ней.

— Почему грех? — спрашиваю.

— Мясо нехорошо, запах плохой.

Грех понимается как нечто в бытовом отношении неудобное.

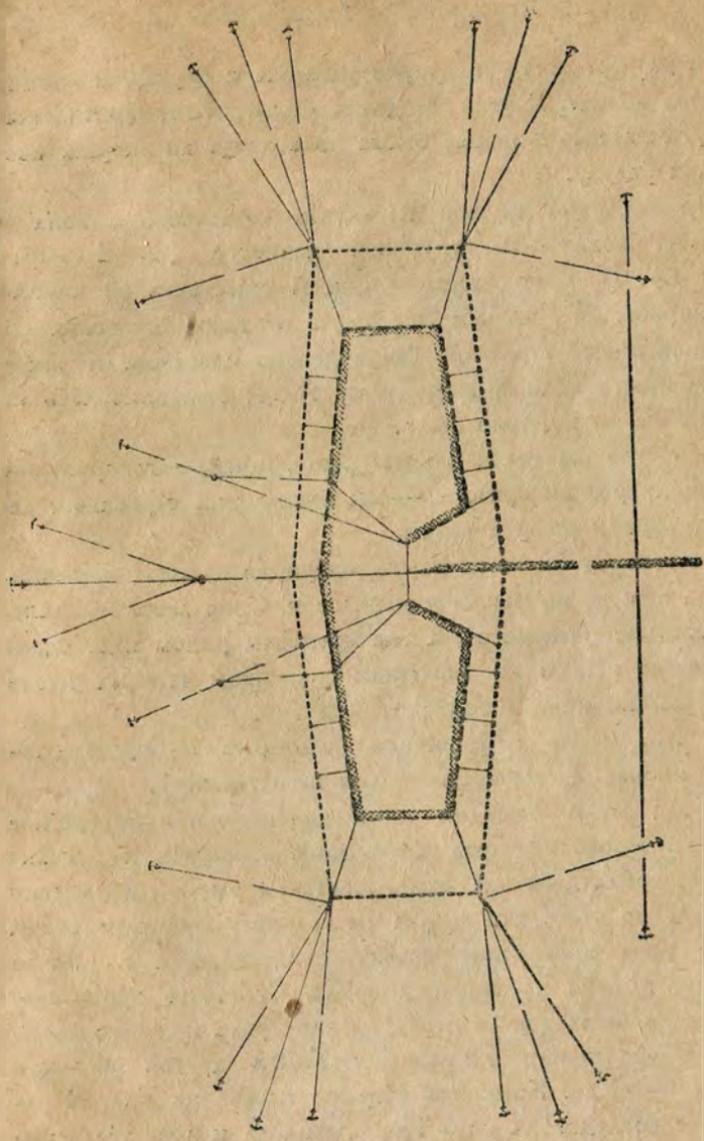
У лисицы срезается кончик носа, самая чернилка. Тунгусы-охотники носят с собой эти затвердевшие амулеты. Таким образом, лисица, мол, уже не может учуять врага своей лисьей породы и уйти.

Убив на охоте горного барана, медведя, тунгус едет домой порожняком. Он устраивается на заслуженный отдых и вкратце описывает жене приметы мест, где оставлена добыча. Жена с вьючными оленями немедленно отправляется за охотничьими трофеями мужа и привозит их. Конечно, корни этого обычая — в положении женщины среди тунгусов. Женщина полноправна только в том случае, если она получает хозяйство по наследству.

То, что зовут на Байкале нерпой, здесь называют ларга. Это сравнительно маленький тюлень, пестрый и хищный; даже в неводе, куда он часто попадает, он еще продолжает отгрызать рыбам головы и глотать. Иногда нерпы стадами провожают ход лососей. Временами даже рыба сворачивает с пути, наткнувшись на стадо хищников. У самого устья нерестовых рек рыбу стерегут нерпы — ларги, акибы и хищные крупные дельфиновые — белухи — полоторасаженные самки, белые, как снег, и красивые серосиние самцы с отливом вороненой стали.

Промысловый надзор иногда обнаруживает на частных рыбалках, установленных в море, за крылом невода, стеклянные шары, частично оплетенные бечевой. Они качаются на крепких наплавах и кажутся рыбе глазами плавающих нерп.

План ставного невода типа „Накануки ами“.

Рыба бросается в сторону, ближе к берегу, и входит в рукав невода. В этих же целях качаются горизонтальные и вертикальные длинные белые полотнища на якорях, изображая белуху.

Промысловой надзор и власть советского закона в здешних водах — не глубокой давности (со 2 марта 1923 г.). В период интервенции и ожесточенной классово-вой борьбы на Дальнем Востоке, в охотско-камчатских водах, как пишет Архипов, безраздельно властвовали японцы, хозяйствовали и хищничали. Рыбы вылавливалось на $\frac{1}{2}$ больше, чем можно было.

— Когда вы были заняты революцией, — говорил мне японец на рефрижераторе, — мы занимались серьезным делом — ловили рыбу и китов.

Он говорит на своем языке, оперируя чужими мыслями, я — на чужом, но мысли у меня свои. Спор лезет на стену, отскакивает, извивается, а тем временем рядом идет сдача и приемка нашим и японским сдатчиком четырех тысяч штук рыбин, идет и подходит к концу.

— Мы разное расцениваем некоторые термины, — говорит японец. (Революция — для него термин).

Перед моим выездом из Владивостока, в апреле-мае 1929 г., Японский союз рыбопромышленников в русских водах прервал действие японо-советской рыбной конвенции и дошел до того, что выдал нескольким японским судам своего рода корсарские патенты-свидетельства на право свободного лова в советских водах. Советское правительство на вольных торгах переуступило права бывшего монополиста — компании Нитиро-Геге-Кайся другой японской компании — Уда. Компания Нитиро насела на Уда. В результате последовала нота Наркоминдела и вмешательство японского правительства. Мир был восстановлен. Мы ловим кету и сдаем на японский рефрижератор по 60 сен за

штуку. Сдача на сегодня закончена, квитанция выписана; и так как недоразумений нет, то и делать мне здесь больше нечего.

Мы решили сидеть по-японски — это не вышло. Сели по-турецки — ноги затекают. Широкие низенькие столики на цыновках манили пустым пространством под доской, и я потихоньку затолкал уже туда ступню, когда нас, выручила милость сендо. Дорогим гостям было позволено растянуть «расправить затекшие члены» — вытянуть ноги и в таком положении закусить отличным крабом и японскими овощами — «нагаимоно».

Мы, советская администрация, с момента приезда на промысла — трезвенники. Нас поят лимонадом, отличным японским лимонадом, а вокруг — оживленные рисовой водкой лица и рыбацкие песни, иногда грустные и однотонные, а порой веселые, застольные, с припевами и подхватами и с чистой водой величаниями. Но многие из внешне схожих обычаев имеют несколько отличное объяснение и подоплеку или, быть может, только проходят разные стадии развития (либо угасания).

Мы забыли в общезитии смысл качания, подбрасывания на воздух. Что это: легкость радостного чувства, «парение души», «взлет к небесам» или что другое?

Похвастаюсь, меня и зава качали вчера рыбаки. Правда, в четвертую или пятую очередь, откачав сначала трех своих вождей. Стащив меня с цыновок, они дельно ощупали, где пояс, где крепкая одежда, взялись, подхватили и... затанули песню, неводную, протяжную, трудовую песню, какую поют на кунгасах, когда снимают, перебирают и ставят невода.

— «Оки аге ондо».

Все время они крепко держали меня за ремень, за платье, как крепко держат свой невод. Пели, погружая меня вниз, в воображаемую воду, испрашивая обильный улов. Держа внизу, долго несли голосом зарок, накладывали заклятья, а всего вернее, давали рыбе войти в невод. Потом, напряжись, войдя целиком в игру, поднимали легко и высоко, немного выше, может быть, чем невод. Затем бережно и тихонько опускали вниз, ни на секунду не отнимая рук. Песня пелась и пелась, тело — невод — погружалось и, наполненное добром, благом, ровно поднималось на крепких руках.

Кончается песня «Оки аге ондр». Тело наверху, «носовые» рыбаки опускают мои ноги, «кормовые» еще держат. Ставят наземь.

Я стою еще с закинутыми за голову руками...

Пели, не пели?

Г Л А В А IV

Часть отряда томского атамана Дмитрия Копылова в 1639 г. подвиглась до притока Маны—Ньюдома, перевалила через горы, вошла в реку Улью и спустилась по ней до моря; в устье Ульи, на берегу Охотского моря, было поставлено зимовье, откуда были произведены разведки морского берега к северу—до устья реки Тауя, а к югу—до устья реки Уда. Таков был выход русских к Охотскому морю.

НА ПЕТРОВ день, 12 июля, в устье реки Ульи устраиваются ярмарка и родовое собрание тунгусов. Четыре горных рода: второй Годниканский, третий Килярский, четвертый Килярский и большой Уячанско-Кюрбюгдинский, всего человек 400, посылают своих на Улью.

Представители Охотского рика торжественно открывают собрание, отчитываются в своей деятельности и выслушивают ораторов собрания.

От нас до Ульи нужно переправляться через три речки. Другой путь, менее сложный, по берегу моря. Не сложный, но и не легкий. Нога тонет в мелкой гальке, и при самом большом напряжении в среднем проходишь по три километра в час.

Мы вышли в торжественном снаряжении — сапоги чуть не до пояса, провиант в сумках, винчестер за плечом. Но большинство взятого оказалось лишним. Медведи еще не спускались с гор, груз давил, бродов хороших нет — скользкие камни и стремительное течение валят с ног, а уполномоченный страхассы держится за мои уши. Он сидит на мне, и мы переходим Томмот гимназическим слоном.

Нет, это не алданский Томмот, хотя, быть может, и на этом когда-нибудь найдут золото — оно здесь кругом, но глубоко.

Я вижу свою ошибку: в пятистах метрах от нас реку переходит стадо оленей — значит брод есть.

Мы идем за оленями через маленькие рукава. Опушка и недалеко стойбище.

Тунгус поднимает руку к глазам — козырьком. Мы подходим.

— Здорово, Иван, ну, как Дарья?

Мы знакомы, он с полмесяца как откочевал из наших краев.

— Иди в урасу, садись.

Я снова:

— Как Дарья?

(Дарья — непредствляемо-миниатюрный пятимесячный человечек, закусанный комарами).

Отец улыбается:

— Дарья, нет, теперь Аграфена. Поп давала — теперь крепко будет¹.

Возле его урасы и других (их всего три) лежат сложенные двухярусным прямоугольником сумы с добром. Заячьи одеяла и оленин шкуры висят на кольях. Сушится и вялится рыба.

Тунгусы жалуются на рыбаков японских рыбаков:

— Поймали олеца — на мясо хотели. Олень вырвался, прибежал с веревкой на шее и теперь хромает.

Приносят веревку из рисовой соломы, ее сняли осторожно, ослабив завязь, — узел несомненно японский.

— Оленям маленьким рога ломают, — говорит тунгус, — что будет? Дождь пойдет, — пропадет олень.

Ведут к стаду. Два детеныша с кровотоющими обломанными рожками жмутся к взрослым. Мы обещаем переговорить с японской администрацией рыбаков. Тунгусы не пойдут жаловаться в суд (его, кстати, и нет)², но зато они имеют склонность к самостоятельной расправе, а это весьма опасно: стреляют они, как правило, лучше призовых европейских стрелков и вооружены не наивными кремневками, а часто американскими магазинными автоматами. Японец на неводе за километр и более от берега упадет в море с пробитой головой, и никто не узнает, как и что.

Километрах в 10 подходим к берегу и первой японской рыбаке. Входим в контору. Из боязни попасть в неловкое положение, услышав скептические замечания по нашему

¹ Кстати, через месяц-два, когда я уезжал с промыслов, он приходит. Я спрашиваю: «Иван, а как фамилия твоя?» А он и отвечает: «Устин Романов». — «Кто Устин?» — «Я Устин». — «А Иван?» — «Нет». — «Как нет, совсем нет?» — Тунгус охотно соглашается: «Совсем нет».

² Я получил урок политграмоты — тунгусы действительно обратились в охотский суд. Миллионер прошел 80 км и снял дознание.

адресу, сразу же говорю по-японски. Ни малейшего удивления. Как-будто так и полагается, что вот приходит человек, у северного чорта в турках, и говорит на теплом японском языке.

Заведующий настороженно любезен. Подают чай и обильный утренний завтрак. Страхкасса потрясаяще прожорлив, однако японцы выдерживают этот напор. Бой мечется из кухонки в маленькую столовую и тащит каждый раз что-нибудь на прокорм русских гостей. Наконец мне это надоедает, и я настаиваю на отправлении. Страхкасса еще минут 15 внушает к себе уважение всяческими средствами, предлагая японцу лучше добровольно страховать рабочих, чем дожидаться конвенции на этот счет. Он осматривает помещения и территорию промысла. Вдруг японец становится особенно любезным и даже веселым. Почему бы это? Скоро выясняется — мы на границе его владений; что дальше, — его не касается. Однако вежливость берет верх, и он приглашает зайти на обратном пути. Деваться ему, впрочем, некуда.

Снова песок и галька без конца, и без конца тонут и вязнут ноги. Над прибором чайки и туманы. И строятся и густеют, и уже не море, а словно горы идут вокруг озера. большого и бурного, горы синие и плотные. Так разной плотности и силы строит туман и горы и облака над горами, а передвинется, поднимется — и ничего нет: ни гор, ни облаков, только море.

Ох, скучное море — Охотское море...

Мы шли двое суток. Я отвык ходить за эти пять лет. Подошвы горели, тяжесть вьюков стала нестерпимой. Пришлось оставить длинные резиновые сапоги на одной из японских рыбалок и следующую глубокую реку переходить уже раздевшись и разувшись. Сохранять равновесие в быстрой и холодной реке — искусство, которое, очевидно,

не забывается. Мне часто приходилось на охоте бродить по ледяным ключам Прибайкалья, а однажды, помню, в тайге я провалился в узкий глубокий ключ и задержался, подтянувшись на ружье.

На одной из японских рыбалок заведующий-японец убил орла из берданы. Орел поедет в Японию, и японский зав будет героем.

По легенде, орлы глядят на солнце. Двуглавый выродок этой птицы не выдержал блеска восходящего солнца в 1904 г. Четверть века—юбилей. Господин Мороока сразил орла на территории России. То, что России советской,— это несущественная часть. Россия для японца есть Россия. Японцы — любители образов и символов. Господин Мороока улыбается. Он вообще любезнейший человек. Он избавил нас от нескольких километров пешеходья, предоставив свой катер до соседнего участка.

На главном рыболовном участке крупнейшей фирмы Нитиро я впервые увидел айнов. Давно хотелось посмотреть на людей этого странного племени — добычи японцев и яфетидологов. «Они не колеблются итти на медведя, но питают смертельный инстинктивный страх к японцам», писалось об айнах в 80-х годах прошлого века.

А еще за два века до этого, в первых сведениях о курильцах писали:

«Люди эти одеваются в звериные шкуры, мохнаты телом, имеют огромную бороду и громадные усы, которые они, когда пьют, приподнимают палочкой». «Глаза косвенные, выговор протяжный, тихий, плавный, чрезвычайно приятный для слуха, с свободными жемами. Своих родственников и знакомых одноплеменников принимали с расгрозстертыми об'ятями, стоя на коленях, обнимали их и целовали, при чем у иных даже выступали непритворные слезы радости. До всяких новостей курильцы до того пад-

ки, что в свободное время старики, для удовлетворения общего любопытства, выходили на утренний заре на кровли и, отыскав на небе им одним известную пеструю полосу, будто предугадывали прибытие на их остров байдар с гостями».

Я шел по японскому промыслу усталый от долгого пути и увидел одноглазого старика, мощного, кряжистого, хотя и невысокого роста. Широценная черная с густой проседью борода шла чуть не из-под самых глаз, маленький приплюснутый нос был едва виден. Хотя на Толстого он не походил, но таких стариков у нас по деревням можно найти не мало. Мне захотелось послушать, как звучит айносский язык.

Мы с любезным администратором-японцем пошли отыскивать старику собеседника, но два старых айна были в море, а молодежь (типа не то итальянских юношей, не то цыган) уже не знает своего языка. Я расспрашиваю старика по-японски о причинах этого, восхищаюсь резьбой на ножнах его рыбацкого ножа, прошу спеть айносскую песню, спрашиваю откуда он.

Японцы не дают денег на постройку айносских школ, резьба, он согласен, действительно хороша — деревенская; песню петь не будет, так как сейчас работа — он занят; а сам он с Хоккайдо близ Мурорана.

Иду на компромисс, чтобы только услышать звуки айносской речи, спрашиваю, как по-айноски это, как то. Старик отвечает: лес по-древнему — «тенасци», человек — «тангру», рука — «паратэ».

Страхасса не находит в айне ничего интересного, к тому же кусают комары. Скоро циклоп становится мирным дедушкой — расстаюсь с сожалением.

ГЛАВА V

КОТОСИ — для Советской России 12-13-й год диктатуры пролетариата, для японцев же четвертый год правления императора Хиро Хито¹, четвертый год Сева — эры блистающего мира, короче, 1929 г. был на промыслах особенно спокойным и счастливым. Рыба ловилась отлично, уничтожая вкоренившийся предрассудок, что по нечетным годам рыбы меньше. (Правда, горбуши мы почти не видали).

Редко проходит год, чтобы соревнующиеся в самодурстве Охотское и Берингово моря не погубили кого-нибудь из рыбаков и звероловов. В 10 шагах от моего жилья деревянный столбик с крышечкой, покрытый иероглифами, где вкратце изложена горькая судьба заброшенного на чужой север японского рыбака. Однако наши «вакаимоно» снуют вокруг, играя младую жизнью близ грозного напоминания, и... на качестве работы напоминание не отражается.

На одном из камчатских (на Кихчике) консервных заводов АКО в прошлом году умерла молодая работница-японка. Из сухого дерева, нанесенного морем неведомо с каких берегов, сложили костер, и стали сжигать бедное тело. Друг ее, рабочий этого же завода, не мог уйти вслед за ней, как ни любил ее, — он приехал заработать на своих стариков. Когда череп лопнул от жара, рыбак выгреб из него кусочки мозга, бережно положил в чистую чашку и съел с рисовой кашей, вернее отварным рисом «мама», выполняющим у японцев функции хлеба².

Варварство, дикость? Нет, погодите с выводом. Здесь необходимо внимательное и серьезное размышление.

¹ Императорствует Хиро Хито только второй год, но ему в так сказать производственный стаж зачли два года регентства.

² Сообщено очевидцем, сотрудником Охотской районной конторы АКО.

Японцы — при внешней слабости—здоровый народ. Уж какой коновал был у нас японский фельдшер, а, однако, ничего, выживали. Русский врач всегда удивлялся невероятнейшим смесям разных лекарств на одном рецепте у японского эскулапа. Однако невзыскательные рыбаки хвалили.

На промышленном кунгасе.

Этот фельдшер был отчаянный сладострастник; его в жар и в холод бросало при взгляде на молодую женщину. Всегда он носил с собой порнографические открытки и показывал больным, очевидно в целях терапевтических.

Сендо составляют крепкий союз подрядчиков-специалистов по лову лососей. Рыбаки своего союза не имеют. Более или менее порядочный сендо нанимает рыбака за ра-

боту, за уменье. Дрянной сендо (он может быть и хорошим специалистом) нанимает на летний сезон тех, кто зимой его подчует и ухаживает за ним или угощает, когда сендо едет нанимать рабочих в знаменитые рыбацкие деревни: Абуракава, Камеда, Исоя и т. д., на Хоккайдо и на север Хонсю.

Тут и японцы, и тунгусы, и русские

Сендо отвечает перед японскими властями за политическую нравственность своих птенцов — об этом всегда в пьяном виде скулил мой сендо Исигуро, в особенности в тех случаях, когда советская администрация приказывала ему сделать что-либо неумещающееся в рамках японских писанных и неписанных законов в области отношений между нанимателями и трудящимися.

Японских рабочих, занимающихся общественной работой на Камчатке, ожидает сугубое внимание властей по воз-

вращении на родину. Говорят, что в прошлом году японцы-корреспонденты японской стенгазеты и участники драмкружка на наших камчатских промыслах, ставившие революционную пьесу, вынуждены были отвечать по всей строгости японских законов.

ГЛАВА VI

СЕГОДНЯ примчался к нам промдосмотрщик, именуемый на промыслах просто «пром», а девяностолетней бабушкой сторожа — «крон». «Пром» в сильнейшей ажитации грозил пристрелить всякого, кто будет тайком бегать на соседние концессионные рыбалки, сам-де он видел с моря, да не мог высадиться на берег и поймать. Я поговорил с нашими японцами и напомнил им обязательства их на этот счет.

Ребята ответили, что они никуда не ходили, а вот с японских-де концессионных промыслов действительно прибегают к нам иногда рыбаки посмотреть.

Почему у нас нет страхования, а если кто отдельно и застраховался, то что-то совсем на ваше не походит, сами рыбаки страховку платят, да и то страховое общество платит только тем, кто вовсе потерял трудоспособность, а при утрате временной — денег не дают?» «Почему у нас на катерах только машинист и рулевой, а у вас, на советских, еще им дан в помощь матрос?» Тонкий высокий японец из наших рыбаков говорит: «А мы им объясняем: дело простое — колдоговор». Машинист и рулевой в условиях изуверского, сумасбродного Охотского моря проделывают адскую работу. Бывают времена, когда маленький катер едва ли не сутками

треплется по волнам. Колдоговор, предусматривая это, дает в помощь рулевому и машинисту матроса-причальщика.

Я сам ездил на быстроходном японском катере, команда которого была одета в обтрепанную собственную одежду. Синие американские рубы и резиновые сапоги наших наталкивают японцев на грустные размышления. Рыбаки концессионные расспрашивали наших:

— Кто же постановляет, кто следит за тем, чтобы получали эту прозодежду?

— Колдоговор.

Кто же этот колдоговор? Помнится, было в детской хрестоматии, ходит иностранец по улицам — кто да чье расспрашивает, а ему отвечают: «Канниферштан»¹. «Ну и богач же этот Канниферштан», подумал иностранец, а потом смотрит, хоронят кого-то. Он спросил и заплакал, потому что и тут оказался Канниферштан. «Бедный, бедный Канниферштан!»

Эту шутку как прием удачно приспособил к другим целям какой-то детский автор в Госиздате: ходит у него татарский мальчик Абдулла по Москве и все спрашивает: «Чей дом?» — Моссовета; «Чья пожарная команда?» — Моссовета. А на промыслах еще шире раскрылся тот, да не тот Канниферштан. И тут он и здесь он: заинтересовал и завлек благожелательный, дружеский и заботливый Канниферштан-колдоговор. А сам-то он чей, колдоговор? А сам-то он, а сам-то он? Ну и говорят наши рыбаки концессионным, что сам-то колдоговор — советской власти, создан ею и поддерживается ею, а сегодня у нас праздник, день отдыха и тоже по колдоговору.

Хождения были еще раз накрепко запрещены и весьма возможно, что прекратились бы, хотя тяга велика, а рас-

¹ Исковерканное „я не понимаю“

стояние между нашими и японскими промыслами—8 км— для японца, прирожденного пешехода, не преграда, да и речка посредине, — только отдых и купанье. Но закон встал во весь рост между ними и нами, и пути стали заказаны. «Пром» успокоился.

На промыслах установился, кстати, несколько нездоровый антагонизм между работниками рыбалок и промысловым надзором. Рыбаки, особенно на речных русских промыслах, пренебрежительно отфыркивались от «чинуш», убежденные, что госконтроль над деятельностью гостреста не нужен: что из того, что лишнюю тысячу-другую выловим, ничего запрещенного у нас нет, а вы только рыбу ловить мешаете. Кастовая замкнутость сотрудников промнадзора вызывала даже столкновения между «аковцами» и «чилимами» (чилимс — приморский рачок), как их пренебрежительно окрестили производственники.

Чоба — писарь Мураками Геру, — рыбаки и ягубито — рыбацкое начальство. Чоба типичный писарь во всем, кроме своей дохлости; Мальцев говорит:

— Эх вид у писаря из-за угла мешком подбитый!..

Ему 43 года. В числе прочих обязанностей он должен подавать любую вещь в окружности 7-8 старшим старшинам — ягубито. Он встает в 3 часа утра, prepares и проверяет припасы и продукты, заготовленные поварами, а в 4 раздает все это младшим старшинам на руки. Если дать с вечера, — они за ночь с'едят все сами, и рыбаки получают голый рис. Чоба получает и принимает от меня товары, снаряжение и распоряжения, вторичные и десятеричные напоминания касательно невыполненных дел. Ко мне он расположен средне.

Сторож Мальцев учит его неприличным в рыбацком обществе словам. Чоба выучил все и похоронно скандирует их. На прощанье Мальцев говорит:

— Эх ты, губошлеп!..

Чоба кончает свой вечерний доклад, недолго молчит, потом быстро спрашивает:

— Господин переводчик, губосурепу слово, что такое.

Я с шумом дергаю себе нижнюю губу и еще и еще.

26 лет тому назад на родине моей, в селе Тайге, Томской губ., Мариинского уезда, капризничает двухлетний мальчик, толстый и шаловливый... Как неожидан ход предположительных воспоминаний. Стоп! Чоба стоит напротив и обеими руками тербит свои губы-раструбы. Он хохочет немислимым птичьим смехом: ки-ки-ки-ки-ки-хыр-фыр-тыр-сыр. Я учу его: «Во Францию два губошлепа...» Трудовой день мой кончен. Чоба ляжет спать раньше 12: он исправнейший из моряков и богомол между прочим, но не между прочими, потому что большинство из рыбаков безразличны к религии.

Кодзима Сеити—каракурибан—приятель мой; друг его Огасавара Гунпе—скорей индус, чем японец, и поклонник их морского таланта крупный парень Акасака Сейкити—артиллерист, приходят ко мне по вечерам. Они после горячей ванны в халатах на вате.

После тяжкого трудового дня все рыбаки принимают горячую ванну.

Кодзима юношей еще ходил гарпунщиком на китов. Он же чудесно вырезает по дереву. Огасавара Гунпе может жить на гребнях диких валов и не живет там только потому, что ему предназначена цыновка в каракурибанском бараке. Третий, Акасака, таскает тяжести какого угодно веса, всегда готов бороться и бегать за любовью к якутке, что в 13 км от промыслов. Времени на любовь у него мало, хотя бегает он хорошо.

Среди опрятнейших японских рыбаков эти едва ли не самые опрятные,

Татеяма-сендо — боевой парень. Он может заставить администрацию японского рефрижератора принять сверх нормы рыбу, когда нам ее некуда девать, полететь в море во время шторма снимать невода, шуметь, бурлить. Он отлично знает свое дело и мгновенно лезет в драку за своих рабочих. Татеяма — честный сендо. Рабочие относятся к нему хуже, чем к двум другим сендо, обирающим их во-всю.

Когда мой зав уезжает в Охотск, ночью ко мне мышью скребется полоумный флейтист Оатари. Он посидит, поиграет и помычит мне что-нибудь. Впрочем, от него легко отделаться папиросами.

Миками Кейдзиро — помощник главного сендо. Высокий рябой старик в канотье с зеленым накомарником. Лысина у него потеет, и откинутый на темный, бронзовый затылок накомарник слинял. В середине сезона выяснилось, что он кое-что понимает по-русски. Хозяйничавшая у нас жена счетчика пригласила его жестом к столу и машинально добавила:

— Садись чай пить, старик.

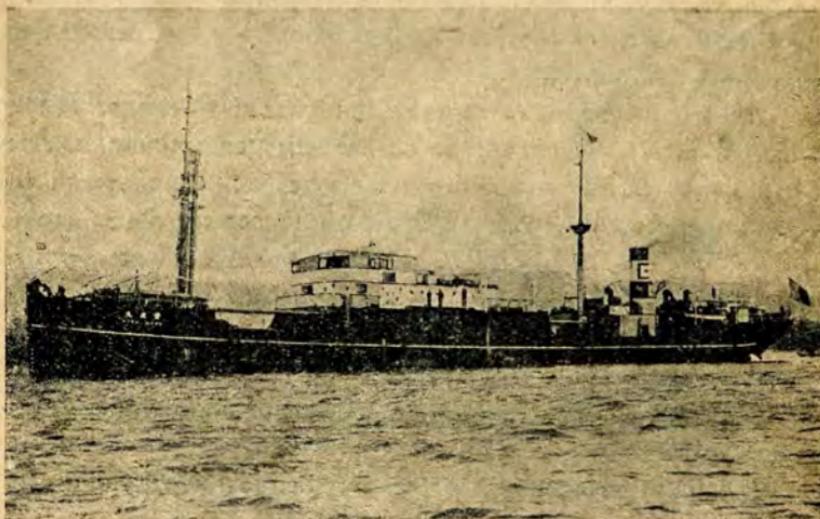
— Я молодой человек, — с расстановкой ответил приглашенный.

Для меня это открытие было вдвойне интригующим.

На промыслы недели через три после нашего приезда пришел японец-рыбак, оставший в Хокодате от нашего парохода. Он подходил к берегу на глазах у всех, и японцы суеверно и нестройно заголосили, а икрянщик истово перекрестился. У рыбака был усталый вид дальнего путника, пешком прошедшего через моря и горы. Родина этого рыбака, деревня Абуракава, десятилетиями поставляет Японии моряков. Японец, задержавшись на селедочных промыслах, пришел в Хакодате, когда пароход наш уже ушел. На рейде стояло, однако, судно, готовое к отплытию на рыболовные концессии, что неподалеку от нас. И вот, без до-

кументов и денег, он был немедленно принят капитаном и доставлен, как видите. Моряки из Абуракава — или плехие матросы, или отличные капитаны, неспособные к морскому делу, или морские таланты. Земляк-капитан доставил японца на ближние к нам концессии, а тот неспеша добрал к нам по бережку.

— Все мы — земляки, по одной земле ходим, — острит по этому поводу мой зав.

Японский рефрижератор на Камчатке.

Като Дзинносукэ — разорившийся капиталист-сихонки — скрывает свое разорение, которое всем известно. Рабочие из вежливости делают вид, что не знают этого. Единственный остаток своего великолепия — роговые очки — он обменял моему заву на табак, после чего неожиданно сделался уже совсем непохожим на рабочего.

Насобирает в тундре миску брусники, принес нам и спрашивается, можно ли ему купить у тунгусов копченой лосо-

сины и вывезти в Японию для собственного употребления. Раз'яснение он получил.

Норо Сайтиро — помощник сендо. Его связали и спустили лебедкой с парохода, на котором он буянил. Стрела подняла веревочный строп, и пьяного медленно плюхнули на дно нашего промыслового кунгаса. Здоровый мужчина Норо. Он мало похож на японца — вспыльчив и непокорен. Норо — прекрасный знаток лова, но против него целая маленькая антанга, сендовская клика — ягубито — интригует, оплетает, подводит, порочит. Он один со своим младшим братом озлобленно и гордо отбрыкивается. Они все-таки его надули — икры не дали при разделе.

Савада Томехати, «беззубенький», как его зовет Мальцев, — усерднейший работник и все копается, копошится, маленький, черненький, беззубенький. Он мастер чинить невода.

Весь промысел покрывается иногда бурыми починяемыми неводами, напоминая план, напоминая карту, напоминая дорожки приморского бульвара, посыпанные ржавым песком, напоминая промысел, покрытый бурыми починенными неводами. Свершив логический круг, образ, как бумеранг, возвращается назад.

Когда с кунгасов грузят на пароход в самое обычное нормальное время, ежеминутно может разбить кунгас в щепы о железную обшивку парохода. Кунгас взлетает на волне, и в этот момент схватываешься за веревку штормтрапа и с обезьяньей скоростью (впрочем, во мне шесть пудов нечистого веса) лезешь вверх. Кунгас летит вниз, но через мгновение снова подбрасывается кверху и, коли ты еще не на палубе, — может радикально прижать ноги к пароходу.

Кто якшается с морем и моряками, подтянись, подравняйся, подбери пузо, и благоволите быть на-чеку!

ГЛАВА VII

ШТОРМ почти прошел. За начальником пограничной заставы ГПУ на Улью приехал катер—надо принимать японский рефрижератор. Властей еще на ярмарке нет, они запаздывают и неведомо, когда будут. Впрочем, тунгусы говорят: «Поп идет». На чем, спрашиваю, неужели предрика едет с ним вместе на катере? «На лошади идет» — оказывается. Но батюшка не откроет с'езда, а посему ждать мне нечего. К тому же я был на перевыборном собрании. Надо ехать.

Катер вырвался из устья Ульи, помчался на бар, встал на дыбы и вылетел в море. Японский катер, мощный и быстрый, — очертания дымящего судна все ближе, и через два с половиной часа мы по шторм-трапу поднимаемся на «Хуруна-Мару».

Грязные и обросшие, с кислым запахом тунгусской урасы, в'евшимся в платье, мы сидим в чистеньком салоне рефрижератора. На столе — бананы, яблоки, груши, вишни, бобы в сахаре и т. д. Капитан сообщает, что через день отправляется на русские промыслы, и предлагает мне гостеприимство и путь вместе. Я спрашиваю агента ГПУ — разрешение дается, промнадзор тоже согласен. Они от'езжают, а я остаюсь в отведенной мне каюте—Charter room¹

После ванны я выгляжу, быть может, менее отвратно, меня уже не опрашивают, а попросту говорят со мной.

Рефрижератор построен пять лет назад, он бывал в Мексике и на Камчатке, а на зиму белые палатки станут на палубе, судно двинется в южные моря, на Суматру, Яву; тунец — большая и вкусная рыба — пойдет из камер рефрижератора на консервы в Японию. Помощник капитана, высокий молодой японец с орлиным профилем, показывает

¹ Каюта, где хранятся карты, мореходные приборы и книги.

мне «жюдо» — приемы японской борьбы, или, вернее, самозащиты, известной у нас под именем «джиу-джитсу». Он жалеет, что здесь нет мягкой, устланной матрацами площадки жюдо — иначе он не может показать приемы. Но вчерне он кое-что показывает, так что я приблизительно уясняю, по каким бы я направлениям летал.

На судне сахалинский неуклюжий щенок ездовой породы, понимает уже по-японски, сосредоточенно крутится вокруг хвоста за конфету, делает «ван-ван»¹ и попутно, увлекаясь, «делишки» на барахтающемся с ним помощника.

Он действительно забавен, этот мохнатый остроухий щенок с ухватками медвежонка, так и прозванный японцами «кума» — медведь.

Необыкновенно быстро проходит время на пароходе, чистом и красивом, в лучший из всего охотского лета день. Но день этот единственный, и завтра утром я вернусь к себе.

Вечер наступает, обороняться бесполезно, и наступает вечер. Японцы устраивают концерт на флейтах. Как будто это даже делается для меня.

Помощник капитана — мэтр жюдо, в то же время виртуоз на «сякухати» — японской бамбуковой флейте с очень приятным и точным звуком. Два механика приходят с флейтами более низкого тембра.

Иллюминаторы открыты. Я сижу на диване, под самой струей воздуха, но в салоне все-таки нестерпимо душно. Мне предлагают веер. Три темнолицых музыканта садятся в ряд. Японские ноты (бумажные ширмочки на столе в центре) и перед каждым из нас чай и соленая трава, которую бросают в чай для вкуса.

Помощник капитана начал, закрыв глаза; двое других присоединились, скашивая глаза на ноты. Окончив, двое

¹ Японский звуковой жест, изображающий лай (вау-вау).

протирали флейты изнутри, платком на веревочке, но помощник играл весь вечер, и флейта его осталась сухой. Они играли «Куроками», играли длинную рыбачью «Ой-ваге», играли ряд других, без тоски, но печальных песен и после церемонно стали просить спеть русские песни.

И вот я, у кого даже для разговора голоса нехватает, вдруг самым серьезным образом «выступил с исполнением русских песен» и ничего не мог придумать более путного, чем «Стеньку», рассказав сначала содержание.

Так сказать, спел.

До сих пор не понимаю, заинтересовала ли их чужое или только по любезности, но усиленно просили еще.

Я воодушевился, запел «Славное море», пустил петуха, поправился и совершенно оскандалился, забыв слова перед «хлебом кормили крестьянки меня».

Японцам пришлось меня утешать, им это удалось довольно быстро.

О, искусные дипломаты!

Старший механик принес фотографию своей чудесной двухлетней дочки и просил написать что-нибудь на память.

Вероятно и сейчас на рефрижераторе «Харуна Мару» у старшего механика в папке лежат корявым моим почерком переданные стихи поэта, которого так трудно произнести по-японски — Рерунментоу¹.

Быть может девочка будет учиться по-русски, так по крайней мере сказал инженер: «Мальчишкам русский мало надо, девочкам — хорошо, хороша русская литература». Девочка вырастет и прочитает, как Лермонтов писал в альбом:

Ребенка милого рожденье
Приветствует мой запоздалый стих.

¹ Лермонтов.

Да будет же над ним благословенье
Всех ангелов небесных и земных...
Да будет он отца достоин,
Как мать его, прелестен и любим...

Мать его я знаю, как говорится, больше понаслышке, с отцом меня связывает тесное двухдневное знакомство, но на ребенке все это, очевидно, отразится наилучшим образом: он будет и отца достоин, и как мать его прелестен, и как мать его любим.

Духота становится нестерпимой.

На прощанье г. Оиси играет мне церемониальную мелодию. Ну что ж, церемониальность и здесь уместна. Она мне к лицу даже.

Да будет мне триумф! Да будет мне триумф!

Мы поднимаемся на верхнюю палубу.

С дальних краев моря трудно и грузно восходит багровая луна. Тяжелая вода скатывается сиянием обратно в море.

Мы стоим со стесненным сердцем.

Вдруг луна веселеет. С кормы доносятся какие-то успокаивающие постукивания. На мачте цветной огонь высоко и мягко висит над нами. Радист, молоденький и очень милый, поет японскую детскую песенку:

Госпожа луна вышла, вышла,
Круглая, круглая,
Совершенно круглая вышла.

Я подхватываю его под руки, громко свищу какой-то мотив, и мы танцуем перед окошками за полночь работающего капитана; танцуем — я в двупалых носках-туфлях, а он и вовсе на своих деревяжечках.

ГЛАВА VIII

РАБОТА на промыслах оживилась. Уловы порядочны, тысяч по пять с промысла в день, хотя и нет большого хода; рыба идет по-настоящему всего два-три раза в сезон; приблизительно с неделю длится каждый ее ход. Наш промысел невыгодно расположен, он очень далек (в 13 км) от устья нерестовой реки Урака¹, рыба же охотнее идет туда, где чувствует примесь речной пресной воды из нерестовой реки. Японцы разделяют прибрежное море по этим признакам: красная вода — с примесью и голубая — чисто морская.

Иногда ветер подгоняет ход рыбы, а иногда в жаркий летний день невод стоит пустой до полудня. Обычная переборка невода, т. е. собственно лов, идет первая часов в восемь утра и вторая — в шесть вечера. Когда переборка заканчивается, от берега идет в море катер, забирает кунгасы с рыбой и ведет их к рефрижератору. Там штропами — огромными сетчатыми мешками — рыбу поднимают на борт, обмывают из рукава и сбрасывают по три штуки в нижние камеры, где она замораживается. Русский и японский счетчики следят за точностью сдачи. Если рыбу сдают не на рефрижератор со всякими механическими устройствами, а на маленькую морозилку, в этом помогают им сами рыбаки.

¹ Из устья этой пустынной теперь реки со старинной казачьей верфи 16 августа 1783 года вышли в восточный океан три галиота Григория Шелихова, рыльского именитого гражданина, славного купца и мореходца, основателя замечательной в истории России Российско-Американской компании. Отплыл «с 192 человеками рабочих людей и будучи сам на первом галиоте с женою моею, которая везде за мною следовала и все трудности терпеть не отрекалась». („Путешествие Г. Шелихова с 1783 по 1790“, в двух частях, с картишкою. Санкт-Петербург, 1812 г.)

Такие суденышки, берущие всего тысяч двадцать рыб-бин, а по тоннажу не на много крупнее большого промыслового кунгаса, типа «Сампосен», отважно пересекают бурное Охотское море и бросают якорь у промыслов на 2-3 дня. Взяв свою норму, морозилка так же быстро свертывается и уходит. Рыбу ей подают прямо с кунгасов наши рыбаки. Они поют счет и бросают рыбу через борт низко сидящей посуды, а там сразу же набивают рыбой ящик, ящик на ящик, прокладка льдом (его тут же мелко толкут на палубе), и все это идет вниз, без всякого искусственного охлаждения сжатым воздухом или химикалиями, как на больших судах.

Одна такая морозилочка, названная в честь Ликейских островов «Рю-Кю-Мару», погостила у нашего промысла несколько дней и здесь же отстаивалась в шторм, не боясь, что ее выбросит на берег (вполне возможная вещь). Большие рефрижераторы ходили штурмовать в открытое море, а эта штучка только бултыхалась во все стороны, и ничего.

Капитан ее (он же счетчик рыбы и еще исполнитель 5-6 основных обязанностей) впервые получил судно с 15 человеками команды, новенькое, выпущенное в июне этого года. Есть от чего капитану быть довольным. Простой и славный парень, он сразу же дружески расположился к нам, наивно хвастался каждой частичкой судна, приборами, картами, бархатными портьерами на дверях своей каюты, где у него и радиостанция и салон. Горько и жалобно поглядывал бедняга на запечатанное агентом ГПУ радио. Три красных сургучика лишили его единственного развлечения — слушать музыку, транслируемую более сильными радио крупных рефрижераторов, которые, кстати сказать, тоже обзавелись сургучными игрушками. Таковы правила для иностранных судов.

Мы проводили его, пили на прощание Гирин-бир, и капитан трогательно разрезал нам дебельные японские груши и кормил настойчиво и радушно.

На больших рефрижераторах у японцев по отношению к русским посетителям существует целая сложная скала угощений. Она забавна, и мне пришлось ее попутно изучить. Приемка судна — разнообразные фрукты, коньяк, чай, потом без перерыва полужуревый обед, пиво и сидр. Приезды управляющего или «чиновника» — приблизительно то же, только без обеда. Заведующего промыслом угощают чаем и разнообразными фруктами.

Однажды я был свидетелем самого скромного угощения, как говорится, чашкой голого чая, без чего в Японии уже совсем не полагается. Было это при обстоятельствах чрезвычайных и поучительных. Отчего бы и не вспомнить поподробнее это

ПРИКЛЮЧЕНИЕ РЫБАЧЬЕГО ПАТРУЛЯ

или

«ЗНАМЕНИТЫЙ ЧАЙ «БЕЗ НИЧЕГО».

Была ночь, когда в нашу келью ворвался представитель промнадзора и потребовал мгновенно катер и переводчика. По его словам, японский пароход спустил тайно свой катер с борта и отправил его на японские концессионные рыбалки, километров в 15 от нас. Контрабанда! Нарушение каботажных правил Советской страны! Мы с завом выбегаем за начальством на берег. Каракурибан на плоскодонной лодке — исобунэ — вмиг доставил нас на катер. Моторист и рулевой, яростные спортсмены, завели машину, и мы полетели в погоне за катером в ночь, в чорта, в дьявола и т. д.

Машина гудит так, что стука преследуемого катера не слышно. Темно так, что преследуемого катера не видно.

Наша машина слабее, корпус больше и тяжелее — не догнать нам катера. Все равно летим... Волны захлестывают. Промдосмотрщик — в картинной позе на самом носу, всматриваясь в темь, готовый в любую минуту на abordаж.

Часа три эта готовность не покидала его.

Мы домчались до японских промыслов. Там уже все спали. Люди с факелами показались на берегу, готовые спустить иsobунэ.

— Назад, на пароход, — и мы, вильнув только боком близ японцев, помчались назад.

Поздно ночью приехали мы на «Манко-Мару».

Капитан, представитель фирмы и прочие — сонные, в ночных халатах — выползли из своих кают в салон, где промдосмотрщик выпытывал у судовладельческого переводчика сознание во всех грехах. Тот клялся и божился, что катер с парохода не спускали, что на рыбалки японские не ездили; японцы недовольно подписывали какой-то акт, составленный попутно промдосмотрщиком скорее для того, чтобы насытить свое фискальное рвение, чем из действительной необходимости.

И вот тут-то и был всем нам поднесен знаменитый чай «без ничего», или как говорят в Сибири: «кушайте, кушайте, гостеночки, с сахарком-то, да и так-то (т. е. без сахара) пейте».

★ ★ ★

ГЛАВА IX

КАК ПРАВИЛО, Охотское побережье покрыто приятнейшей мелкой галькой, которая каменной кашей расступается под ногами. Но я встречал бассейны песчаной пудры нечаемой нежности, легко и глубоко прогретой солн-

цем. Я бросался с размаха на податливые бугорки и холмики песку, светлого, устричного цвета, и млею от нагретой песочной бархотки, от сонно задвигавшихся волнений в себе. Женщины, вам не нужен охотский пляж. До него полтора месяца пути, вы опоздаете — я знаю. Это мне не дожидаться вас. Напрасно я сваливаю все на охотский пляж. И вы ему не нужны, курортная публика. Это честное побережье.

Здесь у берегов его пойдут миллионы и миллионы розовотелых лососей. Им будут преграждать путь к созданию потомства. Против них готовят из прочной бечевы двухкилометровые баррикады, тоннели ловушек, флот кунгасов с диковинными резными цветами на кормах, наемные войска японских рыбаков и легион (человек полтора года) советских рыболовов, доставленных из Владивостока и прошедших для этого смехотворный медицинский осмотр и частичный пропой души на охотский аванс.

Миллионы лососей, «самых благородных созданий моря», оставят сотни и сотни тысяч особей в неводах, но все-таки пробьются к гибели. Это — не «так сказать» литературный оборот, а точное изложение действительности.

Почему рыбный надзор запрещает ставить невода на море ближе двух километров от устьев рек? Дальневосточные лососи: кета нерпа-красная, кижуч, горбуша, чавыча, два-три раза за лето идут с моря в верховья тех рек, где лососи ежегодно мечут икру. Там их нерест — икрометалитце. Неизвестно доселе, откуда приходят эти вкусные крупные (два-три кило чистого мяса) рыбины. Известно только, что вышли они крошечными рыбешками-мальками из этих рек побережья Охотского моря и сюда возвращаются¹

¹ Ихтиолог Солдатов выдвигает эту теорию с некоторыми оговорками.

лет через пять после «жированья» в морской воде на планктоне (микроорганизм). Все рассказы об открытии местопребываний и маршрутов лососей сомнительны. Правда, ловились у нас на Камчатке рыбы с тонкими серебришками на хвосте — с номерами американского рыбного бюро на Аляске. В Охотском море мы ловили рыб, как будто выпущенных в Беринговом море. Но это не есть еще точный показатель маршрутов.

Лососевые покидают свои морские обиталища и, начиная с рек северной Японии и Кореи, входят в реки всего побережья Татарского пролива, Охотского и Берингова морей, в реки побережья Северной Америки, кончая рекой Сакраменто, и, как недавно выяснилось, проходят даже Беринговым проливом в Ледовитый океан до устья Лены. Предполагается, что каждое промысловое пространство имеет в море свой определенный район, где и держится вся рыба, вышедшая из икры в ближайших речках, так, что в случае оскудения этих речек рыбой, убыль эта ниоткуда не может возместиться.

В реке Лене, в 20 км ниже Булуна, близ устья реки Аякит, в середине сентября 1926 года был пойман в сети взрослый самец кеты с зрелыми половыми продуктами. Он был доставлен в замороженном виде в Зоологический музей Академии наук. Там же была еще одна такая же поимка. Только в 1905 и 1906 годах были случаи поимки тихоокеанского лосося в Ледовитом море у Point Barrow, но это была чавыча, а не кета. Пойманный на Лене экземпляр был самцом кеты с отклонениями в сторону кижуча, но для нас вообще не так важно, расходился ли ленский экземпляр, скажем, диаметром глаза или количеством пилорических придатков, с амурским, важно то, что рыба эта может быть разведена искусственно на таком далеком севере — в устье Лены.

Горбуша поднимается по Амуру максимум на 500-700 км, осенняя кета — порой на 2 000 км, проходя в сутки около 50 км. Ход лосося эффектен. Лосось прыгает в воде иногда выше чем на 3 метра. Правда, это не вполне относится к дальневосточным лососям, но наблюдение это очень интересно: рыба — рекордсмен по прыжкам! Рыба производит в воздухе такие же боковые удары хвостом, как в воде, лишь перед концом прыжка она вытягивает хвост неподвижно и расширяет, как только может, грудные плавники.

Лососи заходят в пресные воды, в реки, так как соленая вода убивает икру (поэтому рыба эта пресноводна и в море ходит на отхожие промысла — «жировать»). Быть может, разжиревшую рыбу в плотной морской воде выпирает наверх, а в легкой, речной ей ничего не делается. На Аляске часть лососей находили близ берегов и поэтому предположили, что след морских странствий лосося найден. Ихтиолог Солдатов предполагает, что течение впадающих в море рек чувствуется на большом пространстве и от него идут поверхностные струйки воды. На них идут лососи. Здесь их путь против течения, в реки с морей.

Рыбу надо ловить покамест она не войдет в реку или даже в «красную» воду. Дело в том, что с этого момента рыба, идущая целыми косяками, перестает принимать пищу. Она не погружается в спячку, как грызуны, также проводящие зиму на стопроцентной голодной диете. Напротив, рыба с быстротой курьерского поезда врывается в реку и мчится к верховьям. Однако постепенно скорость спадает — на ее пути водопады, мели, пороги. С моря идет рыба темного серебра с легкой бронзинкой на спине; чем дальше вверх по реке, да голодом, да через все препятствия, тем больше рыба меняется. Бурая, с черными полосами, с загнувшейся верхней челюстью, с ощеренными зубами, из-

бившаяся о камни так, что раны едва не сквозят, негнущаяся и порой покрытая грибок-паразитом — вот какой приходит она к желанной цели, к своему нерестилищу на отмели или в маленькие ключи, впадающие в реку. На месте нереста самка выбирает в грунте дна подходящее место и начинает хвостом выкапывать ямку. Для этого она изгибается таким образом, чтобы хвост касался грунта, а все тело изображало крутую дугу. Быстро и резко разгибаясь, как пружина, она хвостом отбрасывает камешки и гравий.

Получается неглубокая ямка, в которую самка выпускает икру, а стоящий рядом с нею самец обливает икру молоками. От этого икра оплодотворяется, т. е. в ней заводится зародыш. Самец не допускает других к самке оплодотворять икру, но засыпать ямку допускается вся компания.

Самка горбуши нерестует четыре или шесть дней; для нереста она приготавливает ямку диаметром 25-29 см. Кета предварительно очищает дно от ила и травы и порой привлекает самца к устройству брачной ямки.

Наблюдатель пишет: «Дугообразно и судорожно изгибался самец кеты, поднимая со дна ключа облако мути, которое проносилось очень медленно, мешая иногда видеть рыб».

Иногда самка кеты нерестует с самцом красной, или крупный самец кеты разгоняет самцов красной и нерестует с ней. Самцы обыкновенно бросают самок через 3-5 дней и уходят к другим. Через 12-13 дней и самки погибают или уходят с места нереста.

Около нерестующих самок вертятся хищники — гольцы, да и сами молодые лососи — мальки лососевых, едят трупы своих родителей — отнерестовавших рыб, становящихся к весне мягкими и легко размельчаемыми.

«На этом кончается роль родителей, да кончается и сама жизнь их. Они постоят еще около ямок несколько дней, охраняя их от хищников, а затем умирают все от полного истощения. Разлагающиеся трупы их несет водой, выбрасывает на отмели, насаживает в завалы (упавший в реку лес) и прибрежные кусты. И только как исключение некоторые, более сильные из самцов после нереста делают как бы попытку возвратиться в далекое море. Они скатываются по течению, почему такая рыба и называется «покатною». Чувствуя себя очень слабой, эта кета (и вообще лосось) всячески приспособляется, чтобы сохранить остатки жизни: на сильных струях она скатывается хвостом вперед, а в тихих заводях отдыхает и т. д. Трудно предположить, чтобы какая-нибудь из покатных рыб достигла моря. Можно сказать с уверенностью, что все они погибают в пути»¹.

Через месяц в икринке появляется зародыш, а еще через три — икринка лопается и выпускает малька, крошечную рыбу с собственным запасом пищи; на брюшке у него оранжевый пузырек с питательными соками, который он расходует в три-четыре месяца. Наконец, освободившись от своей ямки, малек заживает самостоятельной жизнью и, окрепнув, скатывается в море. Так молодняк проделывает с конца маршрут своих покойных родителей, а года через четыре-пять, изведав жизнь в морях и океанах, возвращается смертным рейсом на родину.

Задача рыбоводства, рыборазведения насущна и неотложна.

Знаток лососевых пород Солдатов выдвинул две меры:

- 1) постановку искусственного рыборазведения на заводах и
- 2) меры охраны естественного нереста.

¹ Кстати, вся эта теория о невозвращении лососей в море взята под сомнение, если не опровергнута вовсе.

Другой специалист по рыбоводству — Кузнецов — выдвигает рыбозаведение в грунте на местах нереста.

Хищничество на нерестилищах привело к тому, что, как пишет Кузнецов, на Амуре все поколения летней кеты и, по нечетным годам, горбуши потеряли промысловое значение. Запасы осенней кеты тоже уменьшились почти в два раза.

Другой пример, не менее предостерегающий — Аляска, где перелом 1926/27 г. был крайне резок — максимальный улов 1926 г. дал почти на 55 000 000 долларов продукции, а в 1927 г. упал до 40 миллионов, но в действительности дело обстояло еще хуже, так как лососевых в 1927 г. было поймано половина прошлогоднего, и крупнейшая в мире консервная промышленность Аляски, давшая в 1926 г. 6 миллионов ящиков консервов, в 1927 г. съехала на 3 582 128.

В Великих Озерах акклиматизировалось несколько видов рыб, например карп, но это помогло мало или почти не помогло. «По всему видно, что нарушить равновесие довольно легко, но восстановить его (не по количеству белка, а по ценности пищевого продукта) крайне трудно, а быть может почти нельзя». Ценные породы исчезают и заменяются второсортными, несмотря на искусственное разведение этих ценных.

Изобилие рыбы на Аляске в прошлом вызвало и небрежность в охране рыбных резервов.

В старых отчетах можно найти доказательство такой расточительности.

Америка за 10 лет (1871—1880 гг.) заселила Тихий океан атлантической проходной сельдью «шед», и мальков потребовалось немного. Перевозка из одного океана в другой отнимала 6-7 суток (?). Американские уроки подвинули дело рыбоводства во всем мире. Особенно ценно, что

и у нас не остановились на размножении только ценнейших пород.

Озера Камчатки заселяются сазаном и карасем на собачий корм (на каждую нарту собак сейчас идет 2 300 рыбин в год, а нарт более полуторы тысяч в долине р. Камчатки). Рыбпромышленные организации должны бы поставить дело изготовления для собак галет из рыбоотбросов, так как когда еще караси разведутся, а покамест на собачий корм идет масса рыбы из самых ценных лососевых пород. Таким образом собака, на ряду с белухой, ларгой, нерпой и пр.,— враг и вредитель рыбпромышленности Охотско-Камчатского края.

Базис промышленности ДВК — лососевые породы. Но они идут гигантскими скачками к вымиранию. Лососевых беспощадно уничтожают и вылавливают. Только последние годы принесли более строгие нормы лова, но и они не спасут. Одна селедка дает 70 тысяч икринок, одна треска — 5 миллионов, дальневосточный лосось — в среднем всего тысячи три. Лосось мечет икру один раз в жизни, т. е. за четыре-пять лет, и погибает. Другие рыбы живут в несколько раз больше и мечут икру каждый год. Размножение лососевых на Дальнем Востоке обусловлено множеством все груднее и труднее выполнимых условий. Необходимо торопиться с искусственным разведением дальневосточного лосося, а как — на рыбозаводах или в грунте, — это дело решат результаты опыта.

Когда еще в царское время министру земледелия был представлен проект рыбозаводного завода на Амуре, он возмущенно сказал автору проекта: «Что это, вы мне собираетесь, кажется, сделать неприличный доклад о каких-то рыбьих яйцах и еще о чем-то». Понятно, не об этих временах речь. Мы живем сейчас, и сейчас на Дальнем Востоке, нужно интенсивное рыбозаведение. Опытные станции

Тихоокеанского института рыбного хозяйства есть, их молодые выпуски уже весело скатываются в море, так сказать, «до свиданья», годиков через 4-5.

Но в основном в рыбопромышленности ДВК необходим перенос базиса с лососевых на береговой лов тихоокеанской сельди, до сих пор вылавливаемой в СССР только в Приморском районе, и траулерный лов трески — эти запасы поистине неисчислимы, но сейчас они почти недосыгаемы и стало быть бесполезны, как и говорит якутская загадка: «У чортовой дочери в детородном члене 8 тысяч человек заперлись и померли»¹ — отгадка: рыба в море.

★ ★ ★

ГЛАВА X

СОБСТВЕННО Бон — празднество в честь мертвых; значение его выдохлось, остался веселый праздник.

Перед рабочим баракom расчищенный круг, метров 6 в диаметре, обложен толстущим канатом. Перед кругом стол, на нем призы: туфли, папиросы, табак, белые рыболовецкие перчатки и праздничные головные повязки со знаком большого лова — «Дайре».

Сендо в коротком халате, с деревянным, о двух кистях, веером арбитра, непривычно суетится вокруг борцов. Их человек 10-12 в набедренниках — «сараси».

Сендо протяжно завыл, выкликая борцов, называя их именами знаменитостей, выпевая их доблести.

Вот двое стоят друг против друга; вот присаживаются на корточки, с широко раздвинутыми коленями; сидят неподвижно, не сводя глаз друг с друга. Склоняются корпу-

¹ Ма а к, Видлюйский округ, Якутской области, том III, стр. 348, СПб, 1887 г.

сами вперед, правая рука сжата в кулак и вытянута во всю длину. Борец пружинит, упирается кулаком в землю, глаз не сводит с противника.

Налетают, сталкивают, схватывают за повязку, бьются локтями и оба падают за чертой круга. Не считается — все начинается снова.

Маленький сухожильный рыбак с грохотом валит до-стопримечательность нашего промысла — 7½-пудового Асо. Сендо требует перебороться. Толстяк прячется. Его вы-пихивает, выталкивает публика. Он сразу начичает бить лок-тями (в роде «макарон» во французской борьбе). Против-ник хватает, трясет его за пояс — естественный пояс жирно-мясого парня, за одну из бесчисленных складок вокруг жи-вота, и толстяк от страха падает, увлекая за собой побе-дителя.

Оба встают, и тотчас же на победителя на-скакивает другой. Парень бросает и его. Наскакивает третий — та же участь. Противник брошен, и победитель мгновенно насторожен, готов к налету, и так на него скачут все, пока-мест один не свалит его ловкой подножкой (разрешае-мой, кстати, японской борьбой). И тогда уже за новым чемпионом очередь ощериться, как зверю, вращать глазами во все стороны, ожидая мгновенного налета.

Вот сцепились, терзают друг друга, но на землю еще никто не упал.

— Хакей, хакей¹, — кричит сендо, бьет деревянным ве-ером по крупам борцов. Те разошлись. И снова началась борьба...

В больших жестяных банках тлеет и курится соломен-ный трос, тянется дым, стелется и идет на борцов. Их измучили комары.

Конец призам — конец борьбе.

¹ Осторожней, осторожней.

ГЛАВА XI

НАШИ японцы — отчаянный народ. В прошлом году на одном из промыслов, где русские работали вместе с японцами, жил пройдоха-малый, промысловый сторож. Сторожа остаются на зиму по одному человеку на промысел, а вокруг все пустеет, заколачивается, забивается. Этот парень был старый золотничник, старатель, не бросивший этого дела и до сих пор. Иногда он за зиму откуда-то наскребал немного золота: сам ли добывал, у якутов ли выменивал.

Японцы знали это и обычно скупали у него тайком это золотишко.

В прошлом году тамошний сендо, хитрый и жадный старик, долго, говорят, обхаживал «простодушного золотоискателя», и тот наконец признался ему, что, правда, есть у него порядочно золота, но что он-де боится продавать, как бы не узнали власти. Японец его всячески заверил. Сделка состоялась, и за тысячу иен большой кусок медного сплава перешел к японцу. Но скупой рыцарь не выдержал тайны и под вечер снес драгоценность своему механику на пробу. Кислоты выяснили все.

Назревала события. Ночь не способствовала и не мешала. Сторож готовился к отъезду. Японцы собирались в поход.

Разом из барака вылетели японцы. Бухты мощного манильского троса, русский смоленый канат мгновенно доставлены к избенке сторожа. Напротив избы установлен ворот.

В минуту весь домишко был опутан канатом, как винная бутылка в плетенке. Яркие карбидные фонари освещали эту сугубо фильмовую картину.

Сендо подошел к окну и крикнул:

— Деньги давай, нету — дома ломай, помирай си насай. Изнутри молчали. Ворот заработал, канаты натянулись. Домик готов был вспорхнуть, как птичка. Помощи ждать было неоткуда. Сендо размахнулся и бросил в окно тяжелый медный слиток. Слиток проломил стекло и раму, влетел внутрь, и почти тотчас же взамен вылетело изнутри крепчайшее русское словцо и пачка кредиток Японского банка.

Сендо выставил своим вина. Домик весело развязали и раскупорили. Хозяина выпустили. Поднесли и ему.

На куче веревок у распеленутого жилья сендо и сторож заверяли друг дружку в дружбе навек.

Г Л А В А XII

«На берег радостный выносит
Мою ладью девятый вал».

— Почему девятый? — спрашивает
сендо.

Воображенная беседа

КОГДА во Владивостоке мне в правлении АКО излагали мои обязанности, было, помнится, сказано: «...также разъяснение японским рыбакам колдоговора, составленного для них отделом пищевиков Владивостокского профсовета».

Инструктировавший меня товарищ, красуясь знанием обстановки, продолжал: «Например, придет к вам каракурибан и спросит: «Как вы мне исчисляете сверхурочные за выгрузку парохода?»»

Ночью мне привиделся японский борец Саракики, которого я видел в детстве в цирке Изако. Теперь он был в

¹ Повелительное наклонение и по-русски и по-японски — одна из форм так называемого японо-русского жаргона.

огромном, дыбом стоящем парике японского привидения и держал в руке маску с разодранным ртом и золочеными рогами. Потом он надел маску и поднял в правой руке синюю книжечку колдоговора. «Я каракурибан, — запел он зловеще и протяжно. — Я пришел требовать за разгрузку парохода, и, если ты раз'яснишь, что мне причитается меньше, я станцую тебе наш каракурибанский танец, и у тебя вычтут из жалованья по курсу черной биржи».

Я проснулся в традиционном холодном поту и вспомнил, что по рассеянности об'елся за ужином.

Группа каракурибан умнее, решительнее и смелее всех прочих японских рыбаков. Прибой Охотского моря, могучий таран, круглые сутки бьет, бьет и бьет минимум саженым валом о берег. Катер останавливается за линией прибоя, но к нему надо попасть через прибой, значит — лодкой. С'ездить на невод, отстоящий на километр-два от берега, надо с берега пробиться сквозь прибой — тоже лодка. Утром гребные суда отправляются в море — их тоже надо спустить.

Кто это делает? Кто отважно входит в море? Кто ведет счет большим и малым валам, чтобы улучшить момент и столкнуть плоскодонку — исобунэ — в море? А ночью кто при свете факелов бросается в воду и на огромный кунгас, повернувшийся кормой к берегу, набрасывает тяжелый стальной трос? Корма деревянным валом вздымается над головами, грузная стальная петля укрепляется на железные скрепы. «Гохей», кричит в рупор помощник сендо механику, и паровая лебедка-донка начинает работать. Железный вал паровой лебедки наматывает трос, трос натягивается струной. Водяной вал Охотского моря отпрядывает, срывая судно назад. Стальной трос лопается. Шторм беснуется на море.

«Сменить трос!»

И снова идут в море храбрые каракурибаны.

Каракурибан, приемщик кунгасов,— идеальный знаток моря. Без скафандра, обнаженный, он проводит по три минуты под водой. Я видел это сам, когда каракурибан разматывал на катере канат, запутавшийся вокруг винта. Другой случай был еще замечательнее. Мой зав для измерения температуры воды закидывал градусник с гирькой далеко в море на шпагате. Как-то шпагат у него вырвался, и градусник улетел в море. Он уже оплакивал прибор, но решил на всякий случай позвать каракурибан. Один из них, Кодзима Сейити, мой приятель, замечательный резчик по дереву, пришел, разделся, помочил уши и пошел в море.

Он достал градусник со дна морского, и зав напоил его за это чаем.

Когда вода едва свободна от льда, весной, на селедочных промыслах каракурибан работает в воде и под водой. Если выпить спирту — тело разогреется, но работать под водой надо с ясным и незатуманенным мозгом. Одна из самых острых специй в острейшем японском столе — бобовая соя, острее перца, острее кэрри. Из-за этой остроты, она не существует для меня, даже как приправа к рыбе, что, кажется, очень вкусно. Перед тем, как итти в холодное весеннее море, итти под воду на три минуты, а иногда и больше, каракурибан выпивает большую чашку этой кишки раздражающей сои. Она мгновенно разогревает ему тело и не затемняет рассудка.

Искатели жемчуга и с'едобных ракушек, японцы и даже айны и корейские женщины, погружаясь в воду, набирают в себя воздух и выпускают его медленно, иногда растягивая эту операцию на пять, даже шесть минут.

Вот берег. Вот бьет прибой, и считают каракурибаны: третий вал, на четвертый можно спустить плоскодонку и бросаться в море; если третий пропущен, то после

пятого или после седьмого. Общий же счет у японских моряков пятнадцативолновый. Они издеваются над нашим девятым валом.

— Сказочки, «ханаси банаси».

ГЛАВА XIII

ЯПОНЦА, переводчика русского языка с концессионных рыбалок, мне нечем было угостить. Я отправился вместе с ним в резиденцию сендо, где всегда найдется что-нибудь японское для гостя, а может быть и белый квасок, который они тайком от нас гонят из порционного риса. С каждой минутой, что мы сидели там, назревала и крепла обида. Прощаясь, переводчик благодарил меня за прием у сендо, еще большие благодарности просил передать за это же заведующему промыслом. Неужели я серьезно оскорбил его, не приняв у себя равного по «сану»? Сендо, смеясь, уверяет, что я нажил врага: «Косая сендо» у нас скоро вышколился. Он легко разбирается в европейских нравах с поправкой на советскую простоту в обращении. Сендо уже втихомолку нализался и наверное до чего-нибудь допьется, он остается за столом с закусками. До чего же он, интересно, допьется? А, так тебе это интересно — пожалуйста.

Утром «большая волна», «толстое (полное) море» — штормит. Сендо врывается с шумом в контору к заву.

— Я приказал своим отправляться в море, я покажу, как надо работать. Кто смеет отменять мои приказы?!

Зав рычит на него. Сендо грозит забастовкой. Сендо грозит забастовкой, — подумайте!

Сендо выпаливает залпом все обиды; зав, минув его, отдает приказы его подчиненным, снимает людей с его, сен-

довской, работы на другую, ненужную, ничего не знает и все путает, да еще тут промдосмотрщик ругает его — сендо — и калечит людей¹.

Сендо и зав, изложив присвоенные их званиям доводы, спускают с цепи: один — призрак консула, другой — тень управляющего. Все это, понятно, так быстро, что перевести все нельзя, да и не к чему. Вздыхнув, я вырастаю между ними:

— Сандо-сан!..

Как все молодые люди, учившиеся на восточном факультете, я когда-то мечтал о «дипломатическом поприще» — полпреда или хотя бы полполпреда. Судьбе угодно было дать мне случай на практике испытать свои таланты в этой области. Я начал с беглого исторического обзора плодотворной деятельности сендо на этом участке. У сендо тем временем проходил хмель, заведующего это устраивало, я же говорил без умолку, но с ошибками и в конце-концов добился того худого мира, который лучше доброй ссоры, по выражению какого-то идиота, пожелавшего остаться неизвестным и свалившего эту штуку на народную мудрость.

Отношение японцев, даже большинства рыбаков, к туземцам, отвратительное: скот, животное, дикари — только и слов. Однако бывает и обмен любезностями. Мне рассказывали, что как-то под вечер на концессионную рыбалку к заведующему пришел тунгус. Большой мешок за его плечами привлек внимание японца, да и должен был привлечь очевидно. Развязали. Посмотрели. Поторговались. Слово за слово, по пол-иены за белку — триста иен за шестьсот штук.

— Нет четыреста.

— Ну, не пойдет, прощай.

¹ Пром — большой любитель бороться.

— Прощай,— говорит тунгус и идет к лесу¹ на горный путь. Но только он вступил в лес, японцу нагоняет его.

— Триста пятьдесят?..

— Ну, бери.

Японец взваливает мешок и бежит на промысел прятать старые олени торбаза, разную рваную мягкую рухлядь и три-четыре десятка белок, положенных сверху для близира. Жаловаться, ловить, мстить? Невозможно — покупка мехов сама по себе преступление; ловить — вы шутите — тунгуса в лесу, мстить, но кому? Для японца тунгусы все на одно лицо, как для большинства русских — японцы.

Эх, не надо было тебе, браток, из дома тунгуса выпустить, он как за порог шагнул, так и подменил мешок, а может это и тунгус не тот был!..

Японцы брезгливо отворачиваются от тунгусов и называют их собирательно «гиляки» (известная японцам по Сахалину народность). Попытки объяснить разницу принимают за патриотизм: хочешь похвастать, и такие, мол, есть и такие. Рыжики есть? — «Есть, все есть».

Японские рабочие бараки на концессиях грязны, старые, тесны, без пола и с сомнительными крышами. Прямо на земле и в середине барака навален хворост для костра, нары голы. Правда, теперь начинают строиться; я видел сам на концессионных промыслах фирмы Нитиро сборку готового барака с крышей оцинкованного железа и т. д. Мне не удалось выяснить, делается ли это в результате договорного нажима или добровольно. Впрочем в обращении с туземцами японцы следуют европейской манере обращения с японцами. До сих пор мне не понятно, как это можно войти в японский порт (пароход «Тун-Тук» под командой нор-

¹ Мелкий кедровник начинается в полторастах метрах за промыслом.

вежского капитана Хессельбарта, порт Хакодате) и командовать в рупор японскому пароходу:

— Алло, япошка! Вертай в сторону¹.

Пароход повернул, но капитану Хессельбарту и в голову не пришло, что это только любезность хозяина гавани.

Как-то капитан Хессельбарт удостоил выделить и запомнить нашего главного японского заправилу Сонэ, заведывавшего погрузкой, и даже крикнул ему:

— Алло, номер первый, как живется? — И удивился, услышав ответ, так как он собственно и не спрашивал.

Кормясь у берегов северной земли, где туземцы — хозяева, японцы-гости также не церемонятся. Понятно, что на жизнь края, окаймляющего конвенционные воды, на культурный его рост не влияют благотворно сезонные гости с Японского архипелага. Но и гости из советского центра зачастую тоже не благодетели для края, да ему уж и приелись благодетели. Не на сезон приезжать, а обосновываться на постоянно в Охотско-Камчатском крае должны те советские предприятия, что разрабатывают его богатства. Это требование должно быть выдвинуто со всей категоричностью, если подлинно желать промышленного и культурного расцвета края. Не раз уже зарождались подобные проекты, но ни один еще не реализован. Из-за отсутствия инвентаря и заготовителей весной пропадает впустую тучный ход сельди у Охотского побережья, не начат многообещающий промысел морского зверя², вяло идет восстановление

¹ Hallo, Jap. Turn about!

² В самое недавнее время, уже после моего отъезда, весной 1930 г., близ Шантарских островов промышляла морского зверя экспедиция АКО на шхуне с помощью гидроплана, да в Аяне вяло копошилась артель по добыче белухи. Во время хода бьют белуху со скал из винтовок и примитивно вытапливают жир.

бобровых и котиковых стад на Лопатке и Командорах, в то время как у американцев на соседних Прибыловых островах стада возрастают в десятки раз. Не в пример тем же иностранцам у нас все еще не налаживается серьезный траловый лов разнообразных пород и видов рыбы в море. Работа ограничивается топтанием у берегов, но и на самых берегах, на ряду с крупной хозяйственной деятельностью, должна расти работа по окультуриванию края. На богатый рыбопромышленный Охотский район АКО не оставляет на зиму ни врача, ни фельдшера. Ловцам и населению не оказывается никакой культурной помощи. Советские и общественные культурно-просветительные организации были бы рады распространить свою работу и на этот край, но АКО всячески открещивается от помощи. Однако, не впадая в универсальность, АКО все же должно приобщиться к делу советизации края. Иначе создается угроза искажения советской колониационной идеи на Камчатке.

Г Л А В А XIV

НЫНЧЕ дальневосточная рыбопромышленность объявляется первенствующей в СССР. Уже за 1929 год по Дальневосточному краю было добыто 2 601 000 центнеров морепродуктов. Из них лососевых 1 509 000 центнеров, крабов 259 000 центнеров, сельдей — 254 000, иваси — 526 000, прочих рыб — 32 000 и разных морепродуктов — 30 000.

За эти годы значительно повышено качество русского бочечного посола. За счет применяющегося теперь, главным образом местным крестьянским населением, посо-

ла «пластом» развился посол семожный — «колодка»: 1926 год — 4,5%, 1929 г. — 18,1% («пласт» 1926 г. — 16,5%, 1929 г. — 1,6%). Идет последовательная борьба с обесценивающим продукт японским сухим посолом — «россыпью», когда рыба вспарывается с живота, внутренности вытряхиваются, живот наполняется солью, рыба складывается в штабеля и пересыпается солью каждый ряд. При таком варварском посоле верхние ряды штабелей спрессовывают нижние настолько, что вместе с рассолом на землю вытекает и весь рыбий жир. Рыба высыхает и в трюмах, куда ее бросают россыпью. Этот продукт потребляется японской беднотой в больших промышленных городах, где он собственно говоря, заменяет соль (японцы едят эту рыбу иначе, но без соли сваренным рисом). «Россыпь» уменьшилась с 45,5% в 1926 г. до 16,4% в 1929 г. и частично заменилась улучшенным, своего рода малосольным посолом, тоже на японский лад — «арамаки», который с 11% поднялся до 28%. Производство консервов за три года поднялось с 13 на 21%, и сдача свежемороженой рыбы поднялась вдвое.

В 1928 году японцы имели в своих руках 46,0%, русские частники — 16,5% и обобществленный сектор — 37,5% всей рыбопродукции; в истекшем сезоне иностранцы получили 33,3%, русские частники — 13,3% и обобществленный сектор — 53,4% всей товарной продукции (кооперация — 21,2% и госпромышленность — 32,2%).

Понятно, что это вносит глубокую тревогу в японские рыбопромышленные круги. Правда, там сидят капиталистические дальневосточные колоссы: такая фирма, как Нитиро, имеет обороты много крупнее наших всесоюзных рыбопромышленных организаций, но прошлогодние цифры — уже история, а позапрошлогодние — едва ли не археология, и только по цифрам настоящего-будущего можно понять тре-

вогу в заграничном лагере и частые конфликты, провоцируемые из-за рубежа.

Наша дальневосточная рыбопромышленная и морепромысловая пятилетка включает на четные годы 3 300 000 центнеров лососевых, на нечетные — 2 100 000; собственно сельди — ежегодно 1 000 000 центнеров; иваси—1 500 000; тресковых — 2 600 000; собственно камбалы — 500 000 и палтуса—150 000. К этому надо прибавить 15 000 центнеров пресноводной рыбы из внутренних бассейнов края, до 1 000 000 ящиков крабов, 400 000 центнеров трепангов, 100 000 центнеров ракушек, 400 000 центнеров морской капусты, около 100 000 морских млекопитающих. Таким образом, общий вес продуктов рыболовства в сырце может дать ежегодно 11 160 000 центнеров. Эти цифры были предположены Дальневосточным институтом рыбного хозяйства, в то время как советские рыбопромышленные предприятия предполагают брать в конце пятилетки из водоема края только рыбы до 10 000 000 центнеров. Наши дальневосточные воды в конце пятилетки будут давать на одну кв. милю 39 центнеров продукции (европейские воды дают 44 центнера).

Нужда в рабочей силе на Дальневосточный рыбопромышленный район — 52 000 человек, из которых предположительно 68 % должны черпаться из ресурсов края (с увеличением процента женщин), 17 % — из центральной части СССР и 15 % — из Японии (квалифицированные кадры по добыче продуктов моря).

До сих пор дело с квалифицированной рабочей силой обстояло плачевно. Основные меры, выдвинутые для спасения положения, постепенно начинают проводиться в жизнь: удлинение рыболовного сезона; предоставление соответствующей работы в течение круглого года; льготы отдаленных местностей рабочим-колонизаторам;

создание благоприятных жилищных условий и обеспечение продуктами продовольствия и снабжения.

В дальневосточной рыбной промышленности нам нужны и могут найти себе в любое время работу: неводчики ставного, закидного, плавного, кошелькового, тралового и других видов лова; кормщики и шкиперы для управления моторными кунгасами и баркасами на лове крабов, сельди, иваси, тунцов; промысловые капитаны и штурманы для управления на промысле синерами, дрейфтерами, траулерами, пловучими крабозаводами и т. д. По обработке морепродуктов нужны и еще долго будут требоваться засольные мастера и икрянщики, специалисты по обработке, по уборке и транспортировке свежей рыбы во льду, мастера по производству крабовых и рыбных консервов, механики консервных и утилизационных заводов, механики и дизелисты промысловых судов и т. д. Велика нужда и в хороших промысловых администраторах-хозяйственниках, плановиках, инструкторах рыболовства, наблюдателях пунктов и станций и т. д.

В Охотско-Камчатском крае на морских промыслах у всех советских учреждений, эксплуатирующих рыбные промыслы, работают японские моряки. Они идеально знают море, они, пожалуй, идеальные работники, но драгоценная валюта уходит, как песок сквозь пальцы, уносимая в родные деревни японскими рыбаками в своих неразлучных платках — «фуросики». Все попытки завоза рабочей силы в Охотский край из СССР потерпели крах, главным образом, из-за плохой организации этого дела. Привезли с Каспийского моря, из Астрахани, рыбаков, случайную, никакими признаками не спаянную артель. Специалистами оказались далеко не все, а потому и труд был расценен сравнительно низко. К тому же суровое северное море во многом не походило на Каспий. Снабжение Охотско-Камчатского

края квалифицированной рабочей силой надо связать с проблемой колонизации Севера и в первую очередь предоставить льготные условия переезда и труда поморам с Белого моря, которых желательно привлекать целым поселком, если даже не поселками. Конечно Беломорье еще и само недостаточно колонизовано, однако там есть достаточное ядро кадров, вокруг которого растет и будет расти подмога и смена. На Дальнем Востоке с его значительно большими возможностями и с его грядущим значением для всего Советского союза таких кадров нет.

Необходимо заселять Дальний Восток глубевыми ловцами. Правительство вынесло постановление о переселении одной тысячи рыболовецких хозяйств Астрахани, Северного Кавказа и Украины. Два колхоза — один в 200, другой в 300 глубевых хозяйств — должны были выехать не позже 1 июня 1930 г. во Владивосток и далее — в районы переселения. Кроме того объявлен добровольный набор 500 глубевых ловцов на ивасевую путину в Тихий океан, с тем что по окончании путины рыбаки будут возвращены на родину. Каждый ловец получает половину стоимости выловленного им сырца, не производя никаких отчислений на амортизацию орудий лова. Каждому гарантируется минимальный заработок до 50 рублей, бесплатный проезд в оба конца, питание во время пути и неприкосновенность заработка от прочих отчислений. Все это говорит о том, что важность дальневосточной рыбопромышленности, ее первенствующее в СССР положение уже учитываются на деле...

Я сам свидетель этого большого переселения. Записная книжка напоминает об этом. Со мной в поезде едут рыбаки и охотники из Нижне-Ангарска, — переселяются на Дальний Восток. Жилось хорошо и на родине, все народ в своем деле умелый. Добрецкий Павел Александрович с такими ясными голубыми глазами, какие редко встретишь,

охотник, рыболов, специалист по нерпичьему промыслу, возглавляет артель. С артелью едет собака «Байкал», лайка нижнеангарская, испытанная соболевка, всякий горячий след бросит, а за сободем пойдет и по старому; у хорька след соболий, но собака различит. Вагон у них бесплацкартный, отделеньице проводника пустое, собака едет за проводника.

Добрецкий говорит:

— Совсем нынче приготовился к промыслу, сети новые приготовил, но обернулось иначе, пришлось трогаться. Леса отошли к тунгусам, реку Амгу отдали русскому населению, а в нем 50 семейств рыболовов. Тесно стало, рыбу сдаешь по рублю пуд, на хлеб менять, везти на Лену нельзя. Прочитали в газетах: Дальгосторг приглашает рыбаков и охотников на Сахалин и Камчатку — поехали разом всей артелью. Артель семейная: сам, жена, мальчишек двое, тесть, свояки. Тесть — пушник хороший, был бы и охотником, да годы ушли и хромает крепко. Другой — плотник, главное — лодочник и бочар; артель едет крепко сбита. Уж из нас никто не отойдет на сторону!

Таких людей теряет мое любимое Прибайкалье...

— Как-то с товарищем был на соболином промысле, говорит тесть. — Вернулись. Не сдали еще пушнины — не иначе как погуляли немного, это дело обычное и перед Михайловым днем, когда с белкованья приходят, и позже, в середине зимы, после соболя. За ночь мыши в кладовке изгрызли одного соболя, головку только оставили да хвост. А скупщик был известнейший по всему Прибайкалью — Лозовский. Как быть? Надумали вот что: взяли черную китайскую кошку, подклеили искусно головку и хвост; ночью пошел один к Лозовскому и говорит: «Я одного соболя тайком добыл от товарища, возьмите, но чтобы никому ни слова». Скупщик-меховщик хоть и честный чело-

век, но разве же пушник отпустит соболью шкурку? «240 рублей». — «По рукам». Пять лет с этого случая прошло, а все еще над Лозовским подшучивают до сих пор. Сам он говорит: «Сказал бы ты мне тогда, Василий: А ведь я вам тогда, Юда Маркович, кошку продал — вот тебе вся правда; получай пятьсот, но чтобы ошибки моей не сказывать, не говорили чтоб, ознался, мол, Лозовский-го, пушник-то, знаток-то». Вместе мы с Васькой мастерили тогда кошку эту, — без озорства, но с удовольствием, — вспоминает мужик.

Добрецкий защищает Лозовского: поторопился, доверился, не дознался в темноте.

Употребление накладной сети превращает нормальный ставной невод японского типа «пакануки» в невод, автоматически производящий лов, в глухой невод «кайре», из которого не уйти ни одной рыбине. Японцы добивались разрешения ввести этот невод на рыбалку. В конвенции вопрос разрешили так: если соответствующие советские органы разрешат «кайре» госпромыслам, — разрешение распространяется и на японцев. «Кайре» не был допущен. Кроме того японцев не всегда устраивает норма улова, устанавливаемая Дальрыбой, хотя бы эта норма и была согласована с конвенцией. Долгий срок (почти тридцать лет) промысляя в русских охотско-камчатских водах, японцы мало-по-малу привыкли смотреть на эти воды, как на японские фактически, так как царское правительство ими действительно мало интересовалось, да и к тому же первая конвенция была заключена в неблагоприятное дипломатически время. Положение резко изменилось за последние годы в связи с широкой колонизацией и индустриализацией края, порученными Акционерному камчатскому обществу.

С каждым годом строятся на Камчатке новые консервные заводы (сейчас их пять), проводится план широкой промышленной колонизации Камчатки, куда уже в 1930 г. должны были выехать на приготовленные им места 3 700 человек.

Совхозы с животноводческо-огородническим уклоном, основная форма колонизационных единиц, не бросят все же, а напротив укрепят идею хлебопашества на Камчатке.

Ржано-пшеничный гибрид, скороспелый и морозостойкий, будет бороться там, где многие сорта пшеницы сдавали и хоронили камчатский хлеб.

Из 1693 га, отведенных совхозам, 500 га пойдет под яровые, 350 — под озимь, 750 — вспашки и 93 га — под огородные культуры.

И в дальних, еще не зафиксированных в официальных планах мечтах работников по советской колонизации Камчатки уже намечается и путь, каким пойдут грузы и хлеб с западного на восточный берег Камчатки. И они добьются железной дороги Большерецк — Петропавловск-на-Камчатке.

Г Л А В А XV

БЫСТРЫЙ рост советизации Охотско-Камчатского края, советизации и ее неразлучного спутника — индустриализации, вызывает интенсивную реакцию в Японии и раскол в ее общественном мнении. Наиболее правые мечтают о свободных водах и чуть ли не об аннексии или, на самый худой конец, хотя бы стремительнейшей интенсификацией лова сорвать банк. Однако эти настроения, особенно в связи с последними правительственными перегруппировками, встречаются у японской государственности должный отпор. Выда-

ча корсарских патентов, практиковавшаяся в начале сезона 1929 г., имела, впрочем, и некоторое историческое прошлое. Такой разбойничий набег был и в 1905 г., когда отставной капитан японского флота Гундзи Наридата с двумястами человек всякого сброда напал на Камчатку и водрузил на ней японский флаг. Но нападение было отражено, и сам завоеватель был пленен прапорщиком Жабою.

Умеренные развивают конкурентную деятельность, где тихой сапой, а где можно и подножкой, разрешаемой, кстати сказать японской борьбой.

Пораженцы рекомендуют сместить центр с севера на юг и работать в теплых морях, совершенствуя тралово-рефрижераторное дело на ценных, но труднее лосося уловимых породах.

В тропических водах японские паровые траулеры ловят рыбу в Индийском океане и у островов Малайского архипелага. Их трюмы изолированы пробкой и снабжены охлаждающими установками, но не удивительно, что после недельного пребывания под тропиками, несмотря на все приспособления рыба начинает тухнуть. Японцы пессимистически смотрят на тропики.

В 1929 г. произошло объединение всех крупных японских рыботорговых организаций, закончившееся созданием обществ Нитиро-гуми и Кедо-гуми (первое покупает 85 % и второе — 15 % всей северо-восточной рыбопродукции). Таким образом, осуществился полный захват японского рынка крупным рыбопромышленным капиталом. Предполагается также захватить снабжение и снаряжение рыбопромышленности. Совершенно естественно, что цены диктуются главным акционером Нитиро-гуми, т. е. не кем иным, как Нитиро-геге-кайся — основным рыбопромышленником на северо-востоке.

На Аляске на 31 августа 1929 года было уже заготовлено 5 225 000 ящиков рыбных лососевых консервов, но этот год еще считается ниже среднего по красной, горбуше и кете, хорошим только по чавыче и неуловным по кижучу.

Лозунг «догнать и перегнать» выбрасывает советский ДВК. Рыбпромышленность на советском Дальнем Востоке знает 6 районов: 1) Приморский, 2) Татарского пролива, 3) Сахалинский, 4) Охотский, 5) Западно-Камчатский, 6) Восточно-Камчатский. Самый серьезный вопрос в рыбпромышленности ДВК — увеличение капитальных вложений. Больше и больше. Вот цифры: 1925 год — 100%, 1928 — 1 000%, но и этого мало. Надо строить консервные заводы, береговые и пловучие рефрижераторы, иметь крупный собственный морской транспорт и самим сдавать продукцию на североамериканские и европейские рынки, более выгодные, чем японо-китайские.

В сезон 1930 г. АКО будет располагать основой будущего своего торгового флота. Ряд судов по 4 000 тонн закуплен в Америке. Из «Восточной крали» вырос «Эскимос», рассыпав звезды американского флага по дороге во Владивосток. Огромный «Алеут» в 9 000 тонн восстановит заброшенный китобойный промысел, ранее сдававшийся норвежцам и японцам. Кита-машину обработают на пароходе-заводе, вытопят жир, кости перемелются — мука будет, удобриельная мука для обогащения полей и плантаций. Только одно кажется странным, что китовый ус, продукцию сравнительно известную жителям континента, ценят меньше всего и не потому, что буржуазные женщины не носят больше корсетов, а из-за конкуренции дешевой и удачной имитации. Китовый промысел обещает многое — эти годы он заброшен, а во время интервенции японцы добывали в камчатских водах до 400 китов в год. Интересно, что даже на японских китобоях пушкари — норвежцы.

Еще один шаг в сторону освобождения от иностранной зависимости будет сделан в сезон 1930 г.¹ Ленинградские верфи дадут советскому Дальнему Востоку первый рефрижератор в 3 500 тонн. Советский Дальний Восток укрепляется на международном рынке. Цены на лососевые консервы на английском рынке в 1929 году стояли сравнительно высокие.

Ряд препятствий стоит на пути развития молодой рыбопромышленности советского Дальнего Востока. Из них важнейшие: 1) слабая изученность Охотского моря, рельефов его дна и 2) трудности рыбопромыслового снабжения, в частности в завозе соли.

Даже у берега Охотское море слабо изучено; тем более мало известны свойства его глубины. Поэтому судовладельцы боятся давать пароходы в Охотское море.

В районе, где я главным образом работал, от р. Ульи к р. Кухтуй, берег всюду и везде низменный. В расстоянии от половины до трех четвертей мили от береговой линии повсеместно можно рассчитывать встретить глубины от 8½ до 10½ метров. Японцы, гидрологи и гидрографы, отлично знают свои моря. Аппарат для изучения морского дна — фабрики Гомура в Токио — изучает морское дно с поверхности моря на 60 метров вглубь, днем с помощью солнечного света, а ночью — электричества. Американцы для этой цели изготовили огромный стальной шар с окнами из расплавленного кварца, в котором предполагают спуститься на глубину до 1 000 метров.

С солью всегда было горе. В 1837 г. после 80-летнего существования был закрыт, из-за трудности доставки каторжан-рабочих, соляной завод. К трудности доставки

¹ Книга писалась в 1929 г. *Ред.*

присоединялась и трудность надзора за каторжанами. Каторжане-уголовники разбегались и грабили селения якутов поблизости, снабжавшие город молоком и мясом. Тогда решили увеличить число конвойных, но их содержание повысило цену на соль, и стало выгоднее привозить соль через Якутск. Получилось: волк, коза и капуста.

Соляная проблема разрешится или широким завозом соли из центральных районов Союза (крымской) или налажением транспорта якутско-вилюйской соли (Кэвпендейских месторождений). Сейчас мы ввозим соль из Крыма да прикупаем слегка иностранную — египетскую.

Охотский край, как говорилось, снабжается всем привозным, от муки до мануфактуры и овощей, так как только картофель выращивается городскими жителями Охотска. Однако вегетационный период здесь не так короток, и огородничество могло бы развернуться шире.

За привозные продукты край расплачивается местными и главным образом сырьем — рыбой и пушниной. Соболь в крае уничтожен, убывают даже такие звери, как сохатый (дикий олень) и горный баран, но промысловый зверь еще обилен; меньше выдры, больше лисиц и основное — белка.

Беличьи шкурки — прекрасный экспортный товар. Белка несет детенышей два раза в году, весной и осенью, штук по восемь, но осенние бельчата не выдерживают холодов даже в теплом беличьем гнезде. Я видал много этих забавных шаров с узенькими отверстиями, где зимой дружно живет пара беличьих супругов. Сама белка, когда несет детишек, не годна, это — подпалок, брак. Зато зимой, с октября-ноября, идет промысловая охота (белкование) на пушистого и красивого серого зверька.

В 1895 г., по данным Слюнина, в Охотском крае добыто 52 868 беличьих шкурок на 11 631 рубль. В 1927/28 г. —

64 690 шкурок на 113 234 рубля. Как видно, пушной промысел в цветущем состоянии — доход возрос в десять раз. Скептики спросят: а что охотник-туземец получает на эти деньги? На это отвечают цифры: в Охотске в 1895 году мешок пшеничной муки весом в 55 фунтов стоил — 4 р. 50 к., кирпич чая — 70 коп., в 1927/28 г. мука стоила — 6 р. 49 к., кирпич чая — 1 руб. Еще более разительны цифры по Аяну: в 1895 г. мука — 8 рублей, чай — 1 р. 25 к., в 1927/28 г. мука — 6 р. 49 к., чай — 1 рубль. Продукты рыболовства жителями сдаются АКО.

Из более чем миллионного улова лососей, приходящегося на рыбалки Охотского побережья, на долю местного населения, на собственное потребление приходится штук по 200 на человека, что в крае, по преимуществу рыбопромышленном, маловато. Нормы же, установленные в 1929 г. Дальрыбой (инспекцией рыболовства), — 100 шт. на человека — исключительно низки и несомненно требуют пересмотра. Общая сумма товаров для нужд Охотско-Камчатского края на 1930 г. — 12 млн. рублей. На девять с половиной доставит АКО, на два с половиной — ДОС (кооперация Далькрайохотсоюза).

Г Л А В А XVI

НАШИ промыслы соединены телефоном с районной конторой. Песчаной кошкой над морем идут худощавые столбики, в обтесанные головки которых вкусано по белому фарфоровому зубу, а проволока то натянута стрункой, то с глубоким провесом; и можно было бы через нее скакать, если бы не усталость да не неподходящий нрав тех, что здесь ходит.

Идешь то берегом по отливу, то узкой песчано-галечной полосой. С одной стороны тундра и горы с мелким сорным лесом, с другой — море, где за полгода была одна спокойная неделя — отражение великого великоокеанского шторма. Три года назад, весной, было свирепое нашествие Охотского моря, водой сбило, сдуло, смыло все, что было искусственного на побережье: строения, инвентарь, и когда вода сошла, оказалось, что лесная зелень погублена морской солью. Мелкий кедровник-сланник вдоль побережья стоит умерщвленный, обсыпанный несдуваемым пеплом.

Японцы жалуются, что на концессионных промыслах не разрешили телефонную связь. У нас ее тоже не было полсезона: ветры и олени рвут нашу проволоку. На разговоры у нас времени немного: инструкции, сведения об улове, изредка радиосводка Охотской станции, а иногда по вечерам зав одного из участков, гигант, бывший партизан Блинков, играет на гармонике перед трубкой, и я даю по очереди японцам слушать рассыпчатую тальянку.

Блинков два дня пролежал в снегу в белый период на Дальнем Востоке. Здоровяк не сдался и только пальцы на ногах снес ему хирург. Он ходит в мягких сапогах. Когда я смотрю на него, мне почему-то приходят на память бархатные сапожки старого вельможи Гаврилы Державина.

Японцы слушают каждый понемножку, потом говорят «кекко» или «уммай», а я ощущаю удовольствие и неловкость, но все это бывает уже к ночи. Во сне мне ничего не снится. Я не видел ни одного сна на промыслах — не то климат для снов не подходящий, не то работы много.

Однажды на неводе мне вдруг говорит один рыбак:

— Цуяку-сан, сколько стоит такой инструмент, вот что мы слушали по телефону?

Я неуверенно и мимоходом называю расплывчатую сумму, и мы отгребаем к берегу. Солнце стоит над неводом

и морем, и промысел лежит передо мною, а за промыслом тундра и горы. Но с невода протяжно и зычно что-то кричат нам вдогонку. Каракурибан поворачивает мою плоскодонку:

— Цуяку сан, у меня хва-атит о-осенью, я-а-а куплю-ю-у.

Мы уже далеко, и не различить его лица, закрытого бдобавок ладонями, сложенными в рупор, но легко догадаться: он улыбается, и работать ему сегодня будет веселей. Я с лодки быстро поднимаю вверх над головой руку — условный знак на промыслах: услышано, понято.

Крохотный, уморительно-милый кряжистый старичок Кудо-Ксиомати, повар, ходит по промыслу и бьет в свои театральные деревянные. Обед. Половина одиннадцатого у нас, половина десятого у них. Японцы живут по Хакодате.

Ход рыбы схлынул. Вчера работали до глубокой ночи, вчера еще было изобилие; сегодня депрессия, вялость, усталость... Только что отошел обед у японцев. Рефрижераторы вчера даже не смогли принять так много рыбы сразу, и часть вернули наши кунгасы в двенадцать ночи для обработки и засолки на промысле.

По световым сигналам с моря сендо понял все, и еще до прибытия кунгасов промысел закипел. Сендо выгнал всех на работу: механика, поваров, каракурибан, уборщиков, больных, писаря, старшинок и даже семейство сторожа Мальцева с девяностолетней бабушкой и трехлетней Тюнюшкой. Работа закипела под круто заваренной ночью. Обрывки старого невода свертывались в шары, пропитывались нефтью и вот — на кончиках пик огненная сигнализация с берега. «Алло! Братья Намида — жонглеры, эквилибристы, повелители огненных шаров»? Нет, у нас это только сигнал благоприятных направлений и валов.

Пробившиеся сквозь прибой кунгасы затаскиваются паровой лебедкой на берег. Блоки подхватывают сетяные

мешки с рыбой — стропы, и стропы, взлетев над высоким помостом — рыборазделочной пристанью, — оседают на нее. Враз механически выдергивается сетяное дно, и опорожненный строп снова на блоке взвивается на воздух, роняя запутавшиеся, застрявшие в ячее рыбины.

На пристани-помосте несколько десятков человек, но толчеи нет; их производственная сыгранность так точна, их трудовая мизансцена — место каждого в каждый данный момент — так выработана, что всезахлестывающая быстрота — здесь не прыжок, не вспышка, не перенапряжение, а норма.

Резчики рассекают рыбе брюхо и выбрасывают внутренности, мойщики крюками-пиками накидывают рыбой колоды, стоящие у одного борта пристани. Вода по десятку тонких резиновых трубок умело вводится и направляется куда нужно; снизу под другой борт пристани подкатываются вагонетки декавильного пути; рыбы внутренности тотчас откатываются в глубокую яму за чертой промысла (на наших промыслах рыбные отбросы не утилизировались). С третьего борта пристани, по маленькой лестнице сбегают и взбегают носильщики с корзинами на спинах. Вымытая рыба тотчас же поступает или в сухой японский посол (ряд рыбы, ряд соли) или в чаны с соленой водой (тузлуком на русский посол).

Центр промысла кипит ночной работой, пристань подобна территории киносъемки, залита светом карбидовых фонарей. Чу, меж молчаливо работающими мелькают люди с круглыми корзинами в руках, что-то ловят на лету, что-то собирают на помосте, куда-то исчезают и снова вьются вокруг резчиков и слышится по временам русская матерная ругань — это икрянщики¹.

¹ Даже на японских концессионных промыслах приглашают русских икрянщиков, так как японская обработка икры много хуже.

Ночь проходит, оставив только усталость и недосон для безразличных к промысловому делу, а для других выросшие «горы» японского сухого посола и набитые рыбным на-кромсанным фаршем брезентовые засольные чаны-цистерны.

Рыба резко спала сегодня; и вот тишина стоит на суше и на море и японцы покончили с улучшенным на сегодня обедом. Отдыхают. Опутанный сторожкой дремой, промысел, тих, тих, тих... И вдруг просыпается от звонка и топота.

Берегом моря, вглубь, промчался олений караван, прокочевало племя — нет, род — нет, и того быть может меньше.

Оленные всадники, один за другим, не поворачивая головы, и стадо оленей за ними проскакали полосой отлива.

Как не похож этот легкий пробег на медленный верблюжий караван!

Верблюды в Забайкалье долго не трогаются в путь, они выстроены вереницей один за другим, а опытный проводник стоит перед верблюдом-вожаком. Проводник начинает раскачиваться, верблюды за ним; долго длится это качание, мерное и ускоряющееся, и — хватъ, в один улучшенный проводником момент он из качания переходит в шаг. Проводник шаг — верблюд-вожак шаг за ним, и тронулся верблюжий караван. Если не шагнет верблюд-вожак — начинай все сначала.

Тунгусское кочевье скоро скрылось с глаз. Легкий пустой ветер промчался вдогонку за караваном. Выбежавшие навстречу японцы, переговариваясь, возвращались в бараки. Издали я смотрел на них: летние цветные халатики разбежались по промыслу, толпа рассыпалась пятнышками разного цвета. Вот откатились зеленое и желтое — двое каракурибан погнались друг за дружкой. Медленно синее пятно поплыло по направлению ко мне. Увы, это сендо —

он будет делиться впечатлениями, вспомнит Нара-парк¹ со священными оленями, не забывая называть мой легкий Макбетов лес рогов пренебрежительным словом «тонакай» вместо «сика», как называют японцы своих пятнистых оленей, с такою кротостью несущих патриотическую нагрузку: манить туристов в рощи Нара.

Многие распоряжения сендо с берега на невод также передаются развитой местной системой — профессиональной сигнализацией. Еще более сигнализация развита на японских концессионных промыслах. Концессии начинаются в десяти километрах от нас; берег там слегка загибается, и нам с наблюдательной вышки промысла — скворешника и постоянного тронного седалища сендо — отлично видны в призматический бинокль японские рыбалки.

Когда из Охотска едет на катере инспектор Дальрыбы, он приезжает сначала вдоль Аковских промыслов, а потом уже попадает к японцам в чайнии накрыть где-нибудь на неводе накладную сеть, снять невод и по договору выискать с арендатора промысла тридцать тысяч рублей штрафа.

Японские промыслы не соединены телефоном, но как только на неводе первой же японской рыбалки услышат далеко разносящийся по воде шум двигателя катера, можно сказать с уверенностью, что вся линия японских промыслов на десятки километров тотчас узнает, что идет дальрыбовский катер (кстати на редкость шумно работающий мотор помогает парадности выступления). Через некоторое время японцы уже точно знают, кто на катере — участковый промдосмотрщик, которого японцы изображают, при-

¹ Нара.

ставив ко лбу кулак¹, или сам инспектор — два кулака ко лбу, один на другом.

Как это происходит, ведь у японцев нет телефона? В ясный день, когда над дальними японскими промыслами вместо вьющегося легкого дымка вяло работающей паровой лебедки поднимется вдруг столб черного густого дыма, да еще так, да еще этак — наш наблюдатель с вышки сплетничает мне в рупор о некоторой ажитации у концессионеров... Впрочем этот знак тревоги на японских промыслах может быть просто заставляет подтянуться, подобраться, почиститься перед смотром.

Один за другим покидают нас японские рефрижераторы. Последний отошел с полным грузом нашей рыбы в обстановке сказочной и великолепной. Серое небо прорвалось над судном длинной полосой сверкающей лазури. Под ней с 15-мильной скоростью проходил белый-белый корабль. Он прощально салютовал промыслам, и с нашей паровой лебедки ему ответили двумя гудками, сдержанно и с достоинством. Только когда пароход совсем скрылся, лазоревый прорыв вдруг разлетелся, и мы, взгустнувшие было о светлом корабле, о серости и скудости нашего окружения, увидели вдали маленькую дымилку, а вокруг себя заигравший, заволновавшийся работой и оживлением промысел. «Мы еще повоюем, чорт возьми», чирикнул тургеневский воробей.

Если грозит скорый шторм и нужно снимать невода на постоянно мертвом кунгасе, сигнализация дается основным нашим промысловым советским штандартом: приспу-

¹ Изображающий вышитую бляху дальрыбовской кокарды.

сканием на флагштоке и прибавкой одного или двух белых полотнищ.

Сезон окончен. На промыслах спускают с высокого флагштока советский штандарт. Сам сендо снимает и любовно свертывает полотнище.

— Хороший флаг? — политично говорю я видимо расчувствовавшемуся японцу.

— Хороший, очень хороший, — убежденно кивает сендо, — издали хорошо видно, хороший флаг.

ГЛАВА XVII

МЫ ЖДЕМ у моря погоды. Пароходов нет и нет. Июльский и августовский рейсы отменены. В сентябре суда появляются кучей и не успевают разгрузиться, так как стоят за два-три километра от берега (ближе опасно), а катеров не так много. Кроме того, не каждый день Охотское море позволит переступить черту прибоя. И вот теперь прибывают один за другим китайские и японские пароходы, зафрахтованные Совторгфлотом. Отдельно стоит на рейде советское военное судно, обслуживающее побережье.

Промысла разгружаются. Бочки с икрой и кетой русского чанового посола («колодка» и «пласт») и сложенная в «горы» кета японского сухого посола. Обидно смотреть, как прекрасный лосось превращается в сухую и вонючую щепку, но это называется «нихондзуки», и японцы эту рыбу покупают. Отсутствие собственных рефрижераторов в водах северо-востока вынуждает покамест продолжать этот варварский способ засола, вместо того чтобы иметь перво-классные консервы.

Японские рыбоконсервные заводы у нас на Дальнем Востоке начали работать двадцать лет назад, главным об-

разом в низовьях Амура. Краю эти заводы чрезвычайно мало давали, так как снабжались и управлялись из Японии.

Советской рыбоконсервной промышленности на севере Дальнего Востока всего третий год. Она несет расцвет в жизнь советского Дальнего Востока и Камчатки, хотя и вынуждена еще пользоваться заграничными машинами, высшим техническим руководством и отчасти материалами (уральская лакированная жесть для коробок хороша, но ее нехватает и приходится выписывать американскую).

Разница в целях и принципах советской и заграничной консервной промышленности резка и бросается в глаза. Наша промышленность заинтересована в том, чтобы дать в консервах здоровую, вкусную рыбу-пищу, и консервы вырабатываются именно пищевые, рыба плюс соль. Главная же потребительница консервов — Америка — требует консервы не пищевые, а закусочные: та же рыба, но обязательно в различных соусах, маслах, маринадах и т. д. Нам для общественных столовых нужны большие, по пять-десять кило, банки (это и дешевле, так как затрата труда одинакова на маленькую и большую банку, разница только в количестве материала). Но заграничный индивидуальный потребитель требует консервы в банках по двести граммов и даже по сто: вместе с разной другой снедью закусил слегка рыбой, хватило на сэндвичи — и довольно.

У Акционерного камчатского общества на самой Камчатке сейчас четыре консервных, максимально механизированных, восьмилнейных завода и скоро закончится сборка пятого. Восьмилейный завод обслуживают шестьсот-шестьсот пятьдесят человек рабочих. Стоимость машин в одной линии 90 тысяч рублей. Постройка легкого барачного типа. Производительность — 50 ящиков на линию. Ящик — 48 банок по одному английскому фунту, или 96 банок по полфунта.

Во Владивостоке находится жестяно-баночная фабрика АКО, работающая по поточной системе. На работающих с мая по октябрь камчатских заводах рыбу подают к консервной пристани. Рыба вычерпывается с баржи. Ей отрезают хвост и голову, вынимают часть плавников. Дальше она поступает в машину — «железный китаец», где обрабатывается по 50 штук в минуту, промывается и по гидравлическому транспортеру передается в завод. Первая операция — круглыми дисками рыбу режут на поперечные куски.

Следующая машина набивает рыбу в жестянки. Третья машина закупоривает банку начерно приштампованной крышкой. Дальше банка ходит на цепи в паровом ящике от одного конца до другого. Банка обезвреживается и затем попадает под станок-пресс, где герметически закупоривается. Механически вымытая банка поступает в решета и оттуда в автоклавы, где рыба варится. Основное сделано, остается мойка и охлаждение готовой банки, лакировка против ржавчины, и банка с консервами начинает свой путь к потребителю.

Стоимость ящика красной — 28 рублей, горбуши — 10-12 рублей. Стоимость годовой продукции консервной промышленности — 20-22 миллиона рублей. Наши консервы, главным образом крабовые, с японской наклейкой на английском языке отправляются в Америку на потребу брезгающим советской продукцией американцам. Американцы лицемерят перед собою же, не замечая маленького советского герба или пятиконечной звездочки-наклейки.

В текущем году приобретенный АКО в Америке пароход «Восточная краля», в советском крещении «Эскимос», впервые повез нашу консервную продукцию в Европу, ибо слишком дорого обходится иностранное посредничество на заграничных рынках.

До сих пор рыбоконсервная промышленность советского Дальнего Востока базировалась на лососевых породах. Но они явственно и грозно убывают с каждым годом; и вот на смену приходит, и на редкость удачно, маленькая японская рыбка «иваси», недавно появившаяся у наших берегов. Этот рыбий политэмигрант чрезвычайно вкусен и обрабатывается одинаково хорошо под сардинку и под шпроту. Существует ходячее мнение (в свое время высказанное газетой «Осака Майнити»), что рыбку отогнало от Японии страшное землетрясение 1923 г., но это неверно, так как она ловилась у нас уже в 1922 г.

Выгоднее рыбоконсервной — крабконсервная промышленность.

В Ленинграде на верхнем этаже зоологического музея Академии наук сидят и висят все эти *Frutti di mare*¹, начиная от темнокрасного японского краба в сажень величинной и до нашего *Paralitodes Kamtchatika*, которого я бы охотнее назвал краб-филолог, вернее фонетист, так как он действительно очень привязан к букве, или звуку «р». Краб этот ловится только в месяцы с буквой «р»: сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль, март, апрель, и... стоп. Июнь, июль, август ему не по нраву и он в них не вкусен и даже ядовит — это форма его протеста.

Драп, арап, шкраб, царап,
Круглый красный крепкий краб.

Красный и круглый так сказать распространительно и больше для красного словца, чтобы картавящим мальчикам побережья избавиться от ига сухопутной формулы: «на горе Арарат растет крупный виноград».

В начале прошлого века наивная наука так рассуждала о крабах: «С сентября становятся лучше и содержатся в

¹ Просьба переводить «плоды моря», а не «морские фрукты».

одинаковом состоянии до мая... Почетный доктор Б. отзывался, что это (крабы) есть звено, соединяющее три царства природы: минералы, растения и животных. Кожух оных, составленный из известковой материи, принадлежит к первому; иглы на поверхности кожи есть растения и сходятся особенно запахом; наконец внутренности суть животное. Он думает, природа подобными произведениями дарит бедные страны, чтобы уравнивать их в щедротах с другими».

Пловучие консервные заводы — краболовы Дальгосрыбтреста — добывают крабов на утеху главным образом заграничным гастрономам, которые расплачиваются за них валютой. В год 300 тысяч ящиков крабоконсервов дают 10 млн. рублей.

Завод-краболов — водоизмещением в 2-3 тысячи тонн, ход его невелик, но автономность краболова на 4-5 месяцев требует больших угольных ям и удобных помещений для 200 человек рабочих, из которых половина занимается ловом, половина обработкой. Пловучий завод-краболов вдвое продуктивнее берегового завода. Жизнь и работа на краболове тяжела. Месяц за месяцем проходит, а вокруг те же люди, то же море. Любезный автору Ленинград редко встречается с людьми и продукцией Тихого океана.

Осенью 1928 г. ВОКС¹ привез в Ленинград труппу первейших в мире актеров театра Кабуки.

Зимой 1929 г. ЛСПО² привез вагон сырых мороженных крабов. Кабуки не оценили, а крабы сами испортились.

Тихоокеанское реноме в Ленинграде нуждается в укреплении.

¹ Всесоюзное общество культурной связи с заграницей.

² Ленинградский союз потребительских обществ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ТУЗЕМНЫЙ КРАЙ

ГЛАВА I

Полно вам, снежочки,
На талой-то земле лежать.
Полно вам, казаченьки,
Плакать, горевать.
Плакать, горевать,
Вам куда тоску девать?

Бросим тоску-горе мы во темные
леса.

Будем привыкать к чужой даль-
ней стороне.

Будем уважать молодой чужой
жене.

*Песня оренбургских казаков,
переселенных на Амур.*

УЗКАЯ полоса прибрежной гальки, в среднем метров около ста, по-местному — кошка; дальше тундра с озерами и еще дальше горы и по ним низкорослый кедровник-сланник. Ядрышки мышиного глаза меньше. На кошке — вся прибрежная жизнь. Стоит наш барак, где в одной половине — люди, в другой — склад; еще бараки японских рабочих, икрянка и более капитальная изба сторожа, который живет здесь и зимой.

Алексей Александрович Мальцев — истый потомок землепроходцев, казаков XVII века. Замечательны его странствования из Оренбурга на Амур, с Амура на Охотское побережье. И сейчас крепкой семьей — с женой, шестью

детьми и девяностолетней прабабкой — он живет под ежечасной угрозой.

Три года назад в один из штормов залило кошку волнами, снесло барак, стоявший, где теперь наш; море вошло в устье двух рек, между которыми промысел; реки разлились и соединились с озерами за кошкой. Лдины в щепы разбивали бараки. Мальцев нечеловеческими усилиями провел семью меж двух вот-вот готовых слиться озер, и все же грозный урок не испугал его. Теперь около его избы на розвях стоит большой кунгас; в нем керосин, железная печурка, топор и другое нужное. Но и на кунгас надежды мало. Охотское море может зашвырнуть его в мгновение ока и разбить со всем, что там есть.

Когда поздней осенью я с последним кунгасом отъезжал на пароход, грустно было прощаться со славной семьей Мальцевых. Они вышли на берег и махали платками, покамест мы были видны. Одни на сразу опустевшем побережье, где уже выпал снег и наступили холода. Два раза за зиму на собаках из Якутска почта, с которой они быть может ничего не получают, да тунгус или якут проедет, напьется густого, как вар, чая — и дальше; а так все одни и одни и страшное, безудержно сумасбродное и угрюмое Охотское море.

Ох, скучное море — Охотское море!..

Г Л А В А II

ДО СИХ пор я не решался сообщать о себе в переживательском плане, и мне совсем было удалось ускользнуть от этого, как вдруг почувствовал влечение, род не дуга, и все пошло прахом. Я пишу книгу о приполярных

краях, и только теперь мне ясно, что быть может нужно подать ее под эффектный фейерверк полугодовой ночи, да под северное сияние «Театра юных зрителей», под рев мржей и белоснежных медведей, под космические грохоты сталкивающихся айсбергов... А где это все у меня? Мериме ездил путешествовать в сезоны, наиболее характерные для страны, куда он ехал. В Россию — зимой, да самой холодной.

Пионеры колонизации (семья сторожа Мальцева).

В Алжир — в июльское пекло. Я уезжаю из Охотска до начала настоящей зимы. Еще только на горах выпал снег, собак еще «зря» кормят кислым вонючим аргызом, и нельзя на них остервенело мчаться по замерзшей тундре.

— Хук-хук — влево, тах-тах — направо, поть — пошел!..

Медведи, напуганные оборотами интегральной кооперации, смиренно скрываются в горах. Плевки не падают на землю звонкой ледяшкой, а мне и в голову не приходит мечтать о полярных подвигах. Я не лодырь-путешествен-

ник, я поехал на работу, на службу к Северу, и скоро и служба и Север кончатся. Замелькают границы широт на карте, как границы автономных республик, но сначала будут удаляться горы, а потом заволнуются сдержанные металлургические приборы в рулевой башне парохода, качнутся иглы барометров, тайком оживится в термометре синяя вена окрашенного спирта и — белка в колесе — руки закрутят штурвал. У меня и в пути будет работа, и так я доберусь благополучно до своих краев и только в самом худшем случае с меня возьмут пошлину за полфунта американского чая во владивостокской таможне.

Впрочем, я могу попасть по капризу статистики в ту тысячную часть процента путешественников, что умирают от качки, как арабы Бен Азра, что умирают от любви, во все не влияя на мировую статистику влюбленных без вреда для себя. Гейне стащил сюжет у Стендаля и был наказан, попав за это в репертуар довоенных благотворительных концертов.

Припоминая Охотский край, я не собираюсь обязательно писать о том, что со мной было там, и перегружать изложение непричастными к очерку днями и ночами моими на дальнем северо-востоке. Память должна дать только нужное об Охотском море.

На северных картах подступы к собственно Камчатке проглядываются незамечающим взглядом, направленным на полуостров Камчатку. В самом выражении «Охотско-Камчатский край» первая половина постепенно атрофируется. В XVIII в. Охотским краем и, главное, самим Охотском интересовались как единственным выходом к Восточному океану. В XIX, с кругосветными плаваниями и завоеванием Приморья, стали забывать Охотский край, и он начал отмирать от огромного тела России. В последующие годы Камчатку и вовсе освободили от Охотска и о послед-

нем забыли, набросившись на первую. «У подножия маяка темно» (японская пословица). За тридцать лет об Охотском крае не было написано ни одной книги. О нем не вспомнят, его не представят себе, если назвать его. Донбасс — ассоциация на уголь; Баку — на нефть. Уголь и нефть — сначала, потом Донбасс и Баку. Охотск не связывается как будто ни с чем, его нужно вспоминать бескорыстно, ради него самого. Упоминание о нем как находка — нужно нагнуться и поднять.

Эпиграфом к этому очерку могло бы служить: «Охотский край, соединенный железной дорогой с центром Сибири, откроет дальний северо-восток и тем откроет народному хозяйству СССР страну богатейших возможностей»...

ГЛАВА III

ПОД ТЕРМИНОМ «Охотский край» я разумею побережье Охотского моря с территорией предполагаемого Тунгусского края из семи туземных риков: Арка, Аян, Иня, Ола, Тауйск, Улья, Ямск. Эти районы об'единяются по признакам этническим и хозяйственным. Охотский край как административная единица сейчас не существует, но в общезнании, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, выражение «Охотско-Камчатский край» крепко и, пожалуй, крепко по праву. Я решился сообщить несколько более подробные сведения о крае главным образом потому, что с 1901 года, т. е. уже почти 30 лет, о нем не вышло ни одной книги. Проектируемый ныне сборник, посвященный Охотскому краю, будет составлен при участии специалистов и местных работников¹. Работы по собиранию материалов

уже ведутся, но понятно, что такое сложное дело потребует еще не мало времени.

«Охотское море — внутренний бассейн, дугообразно закрытый материком. Море окружено большей частью горными странами. Немногие бухты врезаются в сплошную линию берега: Аян, Нурка, Кухтуйская, Иньская, Гижигинская и Пенжинская. Морской берег сравнительно ровный и малых бухт также немного»: Ногаево, будущая столица Охотского края, небольшая бухта в Тауйской губе.

На примере Охотского района можно по частностям, по деталям выяснить то общее и целое, что характерно для всего огромного края, а во многом и для таких народностей Севера, как тунгусы, захватывающие еще более обширные земли.

Купленная сенатором Сьюардом за 7 миллионов долларов Аляска принесла Америке с 1867 г. около 3 миллиардов долларов чистого дохода.

Отпала Аляска, отпали Курилы, отпала часть Сахалина, и В. Л. Попов прав, говоря в статье о проблеме Охотского моря, что при какой-нибудь новой не только военной, но просто дипломатической игре правительство Российской империи не задумалось бы с такой же легкостью отдать и весь Охотский край.

Бутурлин рассказывает, что Франция предлагала некогда передать Англии Канаду, англичане же вместо Канады требовали... Гваделупу. Понятно, что теперь представления несколько изменились. Открытый и изученный русскими Грумант-Шпицберген также выскользнул из небрежных рук бывшего русского императорского правительства. Это интересно сопоставить с всесторонним обслужи-

¹ Впрочем из местных работников (предряка т. Алтабасов, т. Реснянский и другие) никто не заполнил моих анкет, никто не вернул мне опросников, очевидно ожидая второго издания книги,

ганием совластью острова Врангеля, обслуживанием, связанным с опасностями, каким подвергались уже дважды колонизаторы острова Врангеля и снабженческие пароходы, особенно «Ф. Литке», снаряженный Акционерным камчатским обществом. Что там, казалось бы? Льды, льдины, ледяшки! Но не называли ли некогда Аляску «ледником Сьюарда»?..

Собственно Охотский район занимает приблизительно 78 000 кв. км; он начинается в 150 км от Аяна и тянется с запада на восток на 780 км, а с севера на юг на 300 км. От побережья идет хребтом Джуг-Джур (Становым) и Колымским. По ту сторону — Якутская АССР.

По названиям рек легко догадаться, что пришлые завоеватели, казаки, вынуждены были держаться крупных родных путей и никуда не отклоняться. Собственно только слово «охота» бесспорно русское¹. Это не значит, что по реке была хорошая охота, а скорее, что казаки пришли на нее и выбрали ее по своей охоте, по нраву (собственно охоту в XVII веке чаще называли лесованьем). Вот названия рек: Арманкан, Алдома, Иня, Кава, Кухтуй, Лантар, Ола, Ульбея, Улья, Яма.

Реки у туземцев назывались по признаку их участия в хозяйственной деятельности человека. Река Марекам — место, где били, убивали нерп, очевидно там существовал этот старинный промысел. Интересно, что у иных рек сохранились перевернутые в старину русскими туземные названия или названия приблизительно тунгусского звучания, но вполне заумные. Тунгусы считают эти названия русскими; те уверены, что слова чисто тунгусские. В таких случаях тунгусы дают еще свое настоящее название. Я как раз жил на такой речке; мы назвали ее Чильчикан.

¹ Туземное „ахоть“ представляется сомнительным.

Тунгусы же говорили между собой про Хылтыксы, т. е. место, где добывают тополевыя наросты для трута.

Охотск лежит на одной широте с Кронштадтом, точнее — $59^{\circ} 21'$ сев. шир., но в Кронштадте средняя годовая $+ 4^{\circ}$, а в Охотске в лучшем случае — 5° . Зимние свирепейшие штормы на море, с сентября по май, — ветры северных и северо-западных румбов, несущие сухой холод. Летом, наоборот, над Охотским морем устанавливается высокое барометрическое давление, и оно гонит с юга и юго-запада прохладный и влажный воздух. Мне повезло в Охотском крае — с весны до поздней осени (до октября) почти не было обычных туманов и солнце часто баловало побережье. Всего только раз за лето при ясной безоблачной погоде ударил гром; разогнавший во все стороны собак. Охотск, фактический центр Охотского края, — сейчас только районный центр. Пережив славное время, когда он, оживленный и людный, служил центральным звеном между американскими колониями, Камчаткой и Россией, охотский порт, подвергавшийся многократным переносам, 2 декабря 1849 г. «был закрыт по ее именному высочайшему указу». Теперь Охотск захирел и лишь временами способен вызвать в памяти у наблюдателя картины из своего прошлого.

В одной старинной рукописи имеется описание «Охотского Острожка», составленное в 1682 году пятидесятником Сорокоумовым: «190 году февраля в 21 день. По государеву цареву и великого князя Федора Алексеевича всеа великия и малые и белые Росии самодержца указу и по приказу стольника и воеводы Ивана Васильевича Приклонского, Якутского Острогу пятидесятник казачей Семен Сорокоумов, идучи с Ламы в Якутский острог великого государя с казной, а после себя оставил в Охотском Остроге на приказе в свое место казака Петра Нарымского, ему Петру

отдал Охоцкой Острожек, а в острожке башня, башня воротная о трех жильях, да в острожке ж у башни воротные в стене изба ясачная, а другая изба для прибылов караулу и с сеньми, да в острожке-ж в стене две избы и с сеньми, где живут приказные люди, да в острожке-ж изба караульная и с аманцкою казенкою, а над караульной избою анбар холодной для аманцкого выпуска, да в острожке-ж анбар казенной о двух жильях, да за острогом анбар новой, где кладут аманцкой рабной корм». Во время экспедиции Беринга, в 1733 г., в Охотске было одиннадцать дворов, а в 1820-21 г. пешеход-англичанин Кохрэн (кстати пешком передвигавшийся меньше всего) говорит, что из всех деревянных сибирских городов Охотск, после Барнаула — первый.

Теперь с рейда сразу открывается вид на сотню дворов Охотска, на магазины АКО и Охотсоюза и на декавильный путь, проложенный по отчаянной гальке. Вагонетки, толкаемые сзади, — грузовой транспорт Охотска. На улицах, преграждая дорогу, сушатся рыбацкие сети населения. У церкви свыше 40 собак на розвязи. Они едва обслуживают раз'езды по требам. Во дворе рика прочный амбарик, наследие аманатских казенок ¹. Теперь в нем огромное деревянное распятие, взятое из полуразвалившейся Булыгинской часовни XVIII века. Тунгусский Христос буро-оливкового цвета (две жены-мироносицы, с камчадалскими лицами, в местных костюмах, носами поставлены в угол, чтобы не падали). Специалисты по христианскому искусству могли бы тут многое наговорить.

В Охотском крае за железный котел давали в начале XVIII века столько соболей, сколько их можно было умять

¹ Где сидели заложники — князьки туземных племен.

в котел. Да и вообще здесь соболь не слишком-то почитался. Металл же очень и очень нужен в обиходе.

В избе русского сторожа японских концессионных промыслов, высокого болтливого мужчины с бакенбардами, печь из лежащей бочки, керосинной цистерны, а вся мебель — опрокинутые порожние банки из-под бензина; в таких же носят воду, как в ведрах, такие же поставлены под доски (стол) и в такие же банки веселые сторожевы ребятишки засаживают сердечком шесть патронов из новенького винчестера с граненым стволом. Сторож, как и многие в Охотске, ходит в гигантских резиновых сапогах американской выделки терракотового цвета. У охотчан из-за этих сапог болят ноги — преют без воздуха; у охотчан же болят зубы или же вставлено полчелюсти из золота, — это у тех, кто побывал на материке (так почему-то называется Сибирь). С каждым весенним пароходом охотчане ждут зубного врача. Ему приготовлена самая пышная, самая восторженная встреча, но зубврач все не едет в далекий Охотск.

Город обслуживается китайской столовой и корейским парикмахером, прочие национальности сами себя обслуживают. По радио я слушал из Охотска Шанхай, Филиппины, несколько японских станций и Николаевск-на-Амуре. Гигантские железные радиомачты на массивнейших фундаментах, едва ли не единственное на дальнем Севере серьезное деяние царской власти, были спилены обандитченным партизаном Тряпицыным в 1920 году. Часы его власти над «городом» были сочтены, и он не хотел оставить врагам ценное орудие связи. Он платил последовательно 3, 5, 10 руб. в час за пилку железа добровольцам и сдельщикам из охотских граждан. Скрежет и визг объял дело разрушения, и мачты свалили. Так и лежат они теперь почти у самого здания новой охотской радиостанции.

ГЛАВА IV

ОХОТСКИЙ край был заманчив сам по себе и кроме того манил как путь на Камчатку, на Анадырь за сободем, бобром и рыбьим зубом—моржевными бивнями. История колонизации края типична и вместе с тем характерна, и еще более характерны люди, на протяжении почти трех веков укрощавшие этот далекий Север. Я пишу о них потому, что люди всегда интересны, если работают интересно и места их работы и жизни в праве возбуждать внимание к себе. По-разному расценивалась и судилась их жизнь. Бахрушин пишет:

«Русские переселенцы уже с первых шагов своих в Сибири выступают с этими характерными чертами: беспощадные к инородцам, безжалостные к своим близким, все эти служилые и промышленные люди, ради своей бездельной корысти проникавшие в глубь сибирского материка, радея не столько государеву делу, сколько своим нажиткам—шубам собольим, поражают нас своей беспечной удалью и нечеловеческой выносливостью и вместе с тем алчностью к добыче и хладнокровной жестокостью».

Ярким типом русского «опытовщика» в Сибири является знаменитый Ерофей Хабаров, весь поход которого в Дауры представляет одну картину бесшабашного удалства, романтических подвигов и самого циничного грабежа и разбоя; его отписки в Якутск дышат поэтическим пафосом чисто казачьего эпоса; показания его товарищей рисуют нам с другой стороны даурского приказного человека, жадного до наживы, жестокого и сластолюбивого, который жег огнем и забивал кнутом пленных даурских князцов и удавил ночью одну «князцову жену», не подчинившуюся его насилию...

Этот тип повторяется и в последующие века. Таков в XIX веке директор Российско-Американской компании Баранов, «твердый и отважный, но пьяный и жестокий мужик».

Но этот «жестокий и пьяный мужик» был умнейшим и кипучим администратором и тактиком. В двойственной политике, которая была временами явно противогосударственной, Баранову принадлежит значительное место. В наших американских колониях колошские племена постоянно нападали на окрестности укреплений, уничтожали русские строения и огороды и когда могли вырезали маленькие гарнизоны крепостей.

Бывший некогда комиссионером Российско-Американской компании, Хлебников так заканчивает описание взятия колошами крепости: «Одни грудные младенцы, сии невинные существа, исторгаемые из объятий матерей, оставались без изъяснения чувствования о настоящей гибели. Они имеют свои причуды, плачут у груди матери и улыбаются год сверкающим кинжалом, который их поражает».

И вот, когда назначается карательная экспедиция, Баранов проводит ее совсем не как «жестокий и пьяный мужик», а, напротив, проявляет и строгость и выигрышную политичность: он доносит, что колошенская крепость сожжена и разорена, а «найденным в крепости старухам, согласно их желаньям, дан бот, на коем оные отправились искать своих единоплеменников».

Баранов вел широкую промыслово-торговую деятельность и пользовался громадным авторитетом у туземцев, иностранных торговцев и мореходов. Индейцы из далеких мест приходили посмотреть, как это такой маленький человек может быть таким умным. Десятки лет он провел в диких и суровых условиях русской сыромятной колонизации и напрасно умолял сменить его.

Хотя два раза отправлены были ему преемники Кох и Борноволоков, но они «за смертностью» не достигли того края.

Не удивительно, что в таких условиях, окруженный каторжной кликой «промышленных», Баранов должен был действовать особыми средствами. Он любил напавать своих подчиненных «до точки» и, убедившись, что все пьяны, приказывал бить тревогу, как при нападении. «Будь хоть пьян-распьян, но доползи до оружия; без оружия будет тебе смерть от колош, а пока что — порка от меня». Бурливая жизнь его кончилась на корабле в далеких южных морях, когда он после десятков лет каторжного труда отправился на суд в Петербург.

Мы не надолго вернемся назад. Опять XVII и XVIII века. «Первый покоритель амурской земли жестокий и корыстолюбивый Поярков во время похода своих подчиненных бил и мучил напрасно и пограбил у них хлебные запасы, выбил их из Острожка и велел им итти есть убитых иноземцев. Он делал это с помощью своих партизанов из служилых же людей и с той целью, чтобы остальных служилых закабалить себе при продаже им у них же отнятых припасов. И служилые люди, не желая напрасною смертью помереть, поели многих иноземцев и служилых людей, которые с голоду померли, приели человек с пятьдесят. Служилые люди начали корень травной копать и тем кормиться, но Поярков велел своему человеку выжечь луга, чтобы служилые люди покупали у него хлеб дорогою ценою и кабелились бы ему».

Но когда «служилые» выходили из повиновения, удерживать их было трудно. Жалобы одного неудачливого начальника красноречиво это подтверждают.

«Да на меня, Сеньку, замысля, служилые люди велели на меня сказать государево великое «слово и дело» служи-

лomu человеку, Харлушке Григорьеву, а сказав, хотели они меня без государева указу от дела отставить и наказную память взять, и в колодку посадить и убить хотели, и государевых дел делать не дают, приходят ко мне в с'езжую избу, скопясь за один шумом. И когда служилых людей за воровство за какое бить надо и они придут скопом и шумом, и никакого плута бить батоги не дадут, в том его плутовстве потачат».

Колонизация Сибири начинается знаменитым указом 20 октября 1654 г. «отсылать в Сибирь воров и разбойников, присужденных к отсечению перста левой руки». Указом 15 июня 1654 года предписывалось в Сибири судить по выпискам из греческих законов. По Номоканону судили и по делам уголовным. Духовные власти снабжали своих адептов Кормчею книгою, и по ней надлежало вести судебные дела согласно «правилам святых апостолов, святых отцов церкви, святых вселенских поместных соборов».

Несложная система заложников — князцов — основная колонизационная мера в XVII веке.

«Одних аманатов, однако, было недостаточно, чтобы заставить дикарей нести ясак¹ государевым ясачным сборщикам, поэтому ясачные сборщики отдаривали их «государевым жалованьем». На ряду с безделушками туземцы получали ножевые железца, топоры и т. д... Пугливые, как дикие птицы, дикари не всегда решались входить внутрь зимовья, опасаясь, что их заберут в аманаты. Принесенные ими шкурки они либо метали, либо протягивали на конце копыя в окно избы.

С другой стороны, и служилые люди, боясь «убойства», не выходили из избы, а кидали им в окно «государевое жалованье».

¹ Подать мехами, впоследствии замененная деньгами.

Ясачные приносили клятвы — шерть; якуты, например, клялись, разрубая собаку на две части и проходя между ними с комком земли во рту. Клятвопреступнику грозило быть раздавленным землей и рассеченным мечом.

Закабаления и крещения в XVII в. не любили, так как новокрещенные выходили из ясака. До XVIII в. в центре внимания правительства был субъект ясака — ясачный; с XVIII в. — его территории. В XVIII в. тунгусу надевали на шею крест — символ кабалы. С туземцев брали ясак по нескольку раз в год разные начальники. Туземцев громили, рубили «в пень», но временами туземные восстания заливали край. Такими были в XVIII в. восстания дауров и дучеров, когда даже русские хронисты записывали, что «Амурская земля вся сколыбалась», и восстания неясачных тунгусов в 1677 г. (?), когда русских спасла только помощь ясачных тунгусов и якутов. В этом же восстании едва не пал Косой Острожек (Охотск) и сам Семен Дежнев получил раны стрелой «в стегно и локоть правой руки». У меня под рукой такой отчет о начале «бунта».

«В 189 (1681 г.) посылали в доезд казаков на речку Тауй для выбою ясачных иноземцев великого государя с ясаком к Охотскому Острогу. Привели с собою 20 пеших (оседлых — А. М.) тунгусов с 30 соболями и лисицу чернобурую. Остальные тунгусы по Тауй-реке в нынешнем, 190 году не могли ничего дать потому, что соболей они не промышляют сами, а покупают у оленных тунгусов, а эти последние ныне торговать к ним не приходили, а учинились сильны, (т. е. взбунтовались) вместе с немирными коряками, которые держат пеших тунгусов в осаде по острожкам и соболей им промышлять не дают». Бунты иногда длятся годами.

Таким пришло к нашему времени туземное население Охотско-Камчатского края. Долгие периоды грубейшей

колониальной эксплуатации сделали туземцев ко времени революции народами чуткими к революционным идеям. На наших глазах растет и вырабатывается тип советского гражданина-туземца на Севере.

А что же стало с потомками завоевателей, расселившимися в этом крае? На это могут ответить несколько отрывков из быта казаков на Колыме.

«В царское время на Колыме по закону каждый казачонок со дня рождения получает полпайка, с семи же лет он начинает получать полный паек. Мальчики, прижитые девушками-казачками, причисляются к казачьему сословию. Когда девка-казачка забеременеет, ей от женихов нет отбоя, это своего рода «козел» (карточная игра.—А. М.). Всякий жених рассчитывает, что может родиться «паек», но обыкновенно родители ни за что не отдадут беременной девки из тех же соображений. Девка, родившая несколько «пайков», может рассчитывать на самую блестящую партию: ее приезжают сватать даже с Индигарки, за 2 000 километров. Казак, у которого жена бесплодна, отдает свою жену «детному» казаку, который обязуется, что баба родит «паек».

В случае удачи он целый год получает «паек» за новорожденного; если же баба родит девочку, то «детный» казак платит в виде неустойки свой полный месячный паек.

«Казак все отдаст, чтобы пустить пыль в глаза соседу. Казак может отдать свой паек купцу за кило гнилых пряников, чтобы подать их гостю и заявить ему: «А мы хлеб не едим, душа не принимает», хотя гость прекрасно знает, что не только хлеб, но и гнилую рыбу хозяин не каждый день ест. Один купец как-то привез розовое масло и продавал его по рублю за каплю. Вы думаете, никто не покупал? Как же! Казаки продавали свои пайки за несколько капель, которые купец им лил на грязный платок.

Этим платком казак потом бывало махнет под носом у девки и доволен».

«Архангельские» нравы, моральное и физическое вырождение — вот общая картина остатков русского населения на Севере перед революцией.

Даже из кратких этих примеров явственно выступает общность судьбы покоряемых туземцев и низов русских покорителей. Те и другие терпят едва ли не одинаковые горести и муки; те и другие восстают, будучи не в силах сдержать обиду и возмущение. У тех и других — одна судьба. Молодой авантюристично-варварский русский торговый капитализм сравнял туземцев и служилых, и теперь через три века даже обойденным туземцам мудрено позавидовать тому тупому и беспечному выродку, каким является теперешний потомок землепроходцев-казаков. Их будущее, собственно, беспросветно, так как века «пайкового» тунеядства извратили вконец их психологию, отбили начисто от труда. Будущее Севера не за ними, а за проясненным сознанием туземца, за северянином, приобщенным к семье культурных народов Советского союза, будущее за северянином, активно и сознательно познающим и преобразующим свой край.

Великодержавная политика междуплеменной розни уже в те времена приносила плоды. Принципы управления, понятно, слегка видоизменялись, но неизменными были два основных плана царской туземной политики: насаждение официального православия и политической благонадежности. По сообщению Стефановича и Слюнина, распространителями православия были не столько священники, сколько воинские команды. Ловля тунгусов, загон их вместе с женами и детьми на место крещения были обычными явлениями. В делах архива охотской церкви XVIII и XIX веков я нашел само по себе занимательное подтвер-

ждение того, что политика межнациональной вражды не была оставлена и в последующее время. «Кочевые тунгусы в религии христианской еще младенчают потому, что по образу своей бродячей жизни они не имеют возможности часто видеть пастыря церкви и хотя им, и то не всем, случается видеть единожды в год священника, но и то на короткое время. Это племя по доброте своего сердца склонно ко всему доброму, хотя и вкрались к ним пороки, притворство и лукавство от посещающих их для торговли якутов, людей безнравственных, склонных ко всякому пороку» («Покорнейший рапорт благочинного Полова Его Высокопреосвященству Иннокентию, Архиепископу Камчатскому, Курильскому и Алеутскому и Кавалеру»). Самому же докладчику 2 марта 1852 года донесли об охотских горожанах, что «дела благотворительности и человеколюбия прихожанам далеки». «По жертвований, достойных замечания, по храму господню и не бывало в мою бытность, да и из дел архива не видно». Церковь борется с институтом наложниц у тунгусов, с этим, как пишет она, якутским влиянием. Средство борьбы крайне убедительно: через охотского земского начальника об'является имеющим наложниц, что о них будет донесено «Высшему начальству».

В XVII в. русская колонизация загубила множество коренных жителей Сибири и Охотско-Камчатского края.

XVIII век и часть XIX ознаменовались научными экспедициями, которые во многом не отличались от карательных. Одной ли «грубостью нравов» можно об'яснить, что сам знаменитый Витус Беринг, обогативший страну и науку своими открытиями, по пути на Камчатку так свирепствовал, что его стоянка в Якутске походила на взятие города и отдачу его на разграбление. Берингу за героическую жизнь в плаваниях, за величественную смерть и

погребение под медленно засыпавшими его песками потомки прощают ученые набеги и дебоши. Но он был не один, и громоздкие экспедиции позапрошлого и отчасти прошлого века, за немногими исключениями, не походили на скромные научные командировки ученых нашего вре-

Сорок собак обслуживают нужды церковного транспорта.

мени. Известный сибирский историк Мюллер отказался поехать на Камчатку, так как он не мог путешествовать там с привычным комфортом. Те же причины заставили и других академиков отказываться от посещений этих краев. Ученый ездил со штатом слуг, с поваром и даже с собственной прачкой. В XIX в. сведения о Камчатском крае сообщались транзитными путешественниками; их заметки пополняют ускользнувшее от взора ученых. Да и то

сказать, за дорогу, скажем, от Ситки (русская Америка) до Петербурга многое можно было заметить наблюдательному путнику.

Немалое значение в колонизации Сибири прошлого века имели крупные коммерческие фирмы. Довольно вспомнить роль Шелихова в Российско-Американской компании. Он противопоставил свою умную и деловую систему торговли окостенелому бюрократизму, тупой и нелепой эксплуатации. Шелиховские приемы в северо-американской торговле и его тактика по отношению к туземцам послужили образцом для американцев. Шелихов берег туземца как ценного зверя.

Что ж, по тем временам эта тактика была гуманной. Она часто бывала даже причиной нападков на Шелихова со стороны русского начальства; Шелихову же принадлежит честь попытки просвещения туземцев алеутов. В устроенной им *первой* большой экскурсии туземной молодежи в Россию элементы патриотической агитации совершенно ясны, но самый факт поездки нельзя обойти молчанием. Бронзовая доска с факсимиле державинской эпитафии украшает мраморный памятник Шелихову в стиле барокко на кладбище Знаменского женского монастыря в Иркутске.

В школьные мои годы я заходил туда и надолго наполнялся волнением, жадой морей и неизведанных стран. Другая, почти неизвестная, надпись украшает могилу Михайки Голикова, сподвижника Шелихова по Российско-Американской компании. На мраморном надгробии начертано, что он

«Для пользы общества, достаток умножая,
Землею счастливую честь россов умножая,
Соорудил суда, с охотских кои вод
Нашди в подночную Америку приход».

Летом якуты прогоняли по тропам хребтов, окаймляющих долину Май, скот до Аяна; приблизительно такое же подобие скотопробного тракта идет и на Охотск. Товары в Сибирь, да еще в такие дали, как на охотско-камчатскую окраину, завозить было трудно. Морской торговый путь даже спустя десятки лет после первого путешествия россиян вокруг земного шара был недоступен. Товары шли через Якутск в Нелькан-Аян или Охотск на лошадях и оленях.

Ассортимент товаров для торговли с Охотско-Камчатским краем был скуден. Баловать туземцев чем-нибудь, кроме предметов первой необходимости, считалось лишним. Барыши и так получались сказочные. Разве что с конца прошлого века конкуренция американских контрабандистов заставила немного расшевелиться русских купцов. Приказчики крупных фирм монополистов-скупщиков пушнины или торговцев чаями вели стародавнюю и неповоротливую политику, но конкуренцию иностранных купцов они душили всячески. Один документ попытки иностранцев завязать торговлю с Охотском любопытен и стоит передачи.

Бриг «Brothers», принадлежавший англичанину Гордону, под начальством его самого, прибыл 21 сентября 1817 г. первый раз в Охотск. Он был нагружен сахарным песком, ромом, винами, шоколадом, съестными припасами, бумажными товарами, железными вещами и пр. Намерение Гордона было «сделать первый опыт торговли между восточною Индию и северо-восточной Сибирью. Но так как во время его прибытия все приказчики иркутских купцов, обыкновенно на лето приезжавшие в Охотск, окончив дела свои, уже выехали и Гордону некому было продать оптом свой груз, то он, оставив сюррекарга В. Эддиса в Охотске, сам отправился в Калькутту. На следующий год он ездил в Японию, откуда прибыл вторично в Охотск,

нагруженный одним пшеном, взятым из Калькутты. Однако, видя (при первом опыте) неуспех своей торговли, он отправил с Эддисом большую часть своих товаров обратно в Индию, а сам, распродав за целый год всего на 30 тысяч рублей, выехал из Охотска в сентябре 1819 г. с намерением отправиться в Калькутту через Астрахань и Персию.

Была у Охотско-Камчатского края и еще одна совсем неожиданная зацепка, которая могла бы (буквально по ниточке) привести его к расцвету,— это телеграф Русско-Американской телеграфной компании (Западной соединительной компании), который должен был соединить Америку с Европой через Анадырь — Петропавловск-на-Камчатке — Гижигу и Охотск. Но материковый телеграф был сражен Атлантическим морским, и компания свернула свои работы. Интересна и поучительна история борьбы двух громадных культурных дел, движимых одной только горячей наживы. Перипетии этой борьбы и торжество подводного кабеля, вышедшего из вод морских у «цивилизованных берегов»,— это победа скорее психологического свойства над обреченным на снежные заносы, на дикие тундровые ветры и морозы сибирским сухим проводом.

В Охотске мне указали на своеобразного эксперта по туземным делам священника Мамина, всю долгую жизнь проведшего в крае и свободно владеющего местными языками. Умный и хитрый старик больше расспрашивал меня, чем рассказывал (почему-то он чрезвычайно интересовался приездом комиссии по чистке). Тунгусы, как он говорил, религиозны, но скупы на деньги. Ему предлагали недавно перейти на постоянную службу за 25 рублей в месяц, но он сослался на глубокую старость и «ушел на покой». Изредка приносят ему дальние тунгусы горсть земли с могилы «умершего без отпущения грехов»; он служит над землей, и ее снова уносят на могилу.

Мамин же рассказывал, как тунгусская молодежь пляшет на льду гигантским хороводом во время инской ярмарки. Человек двести с колокольцами на поясах или с поясами из серебряных монет начинают медленно кружиться, а затем несутся, подпрыгивая сразу двумя ногами, держась под руки. Я видел это в меньшем масштабе на Улье, правда без звона и без льда, но дикие крики и безупречный ритм были теми же. Мамин рассказал мне подробности одного интересного эпизода из истории города Охотска. К тому же мне удалось добыть на Новом Устье номер «Якутских Епархиальных Ведомостей» от 1 ноября 1905 г.¹, где есть описание этого трагикомического происшествия. Все вместе это выглядит так:

4 августа 1905 г. на отдаленнейшей окраине России, на охотском рейде показались два парохода. Начальник Охотска, не дожидаясь сигнала, помчался встречать их в полной парадной форме с шестью казаками-вельботчиками. «К вечеру г. Попов не вернулся, и жители, не привычные действовать по своей инициативе, в ожидании его провели тревожную ночь». С ранней зари охотчане с женами и детьми высыпали на пристань. Паровой катер показался, ведя четыре баркаса на буксире. Он отшвартовался, и лежавшие на дне баркасов японские солдаты мигом выпрыгнули на берег. «Само собой разумеется, произошла страшная паника. Женщины, дети и отчасти мужчины ударились в бегстве в ближайший кедровник. Остались на берегу группа казаков, человек в 12, местный причт и учитель школы». С новоприбывшими вернулся вынуженный японцами из парадного мундира начальник Охотска и «лоцман,

¹ Часть материалов, переданных мне на Новом Устье гг. Сивонем и Черниковым, вместе со всеми собранными мною печатными коллекциями переданы для изучения и разработки в Кабинет печати Государственного техникума печати в Ленинграде.

указавший, по приказанию г. начальника, проезд через бары в устье. Вдохновившись соответствующею главою из ле припомню какого пророка, совершенствовавшегося в сокрушительном стиле (Иеремия, Иезекиль, Исая?), сотрудник «Епархиальных Ведомостей» восклицает: «Минуты, пережитые в этот момент, неопишутые. Было и стыдно, и обидно, что носишь имя русского». Гнев и горе автора, оказывается, вызывались видом начальника Охотска Попова «в балахоне и под конвоем». Японцы выстроились на церковной площади. На школьном флагштоке подняли штандарт Великой Японской империи и выпустили три ракеты. На сигнал с японских крейсеров приехал адмирал Накао и отобрал у казаков «подписку в том, что они в войне-де не участвуют и впредь участвовать не будут». Здесь же произошло одно обстоятельство, примирившее корреспондента с этой интервенцией: «Адмирал со свитой был в храме. Здесь все вели себя чинно и даже по просьбе о. настоятеля перед входом в храм сняли головные уборы и кортики». После этого все негодование «Епархиальных Ведомостей» обрушивается исключительно на злосчастного начальника города. «Японцы провели в Охотске до 3½ часов дня и отплыли к своим пароходам, оставив записку, что отныне Охотск принадлежит Японии». «Записка эта отправлена казаками в Якутск». «Переводчицей при сношениях была японка Хин-Сан, проживающая в Охотске камеристкой в одной семье».

В мои руки попала часть, вероятно интересного в целом, архива якутской семьи, вернее старшего из шести братьев Сивцевых. Это был (возможно он жив и теперь) упрямо фрондировавший при царской власти человек, энергичный и предприимчивый, хотя и отчаянный сутяга. Что с ним сделалось потом, сведений мне добыть не удалось. Так вот из его борьбы с Охотским уездным началь-

ником выясняется, что политика противопоставления тунгусов и камчадалов якутам применялась и в последние годы царской власти.

Начальник доносил камчатскому губернатору, что Сивцев привел в Охотский край якутов, воспитывавшихся под влиянием политических ссыльных (чего в Охотске никогда не видано и ссыльных в Охотск, кроме как в давние времена, на солеваренный завод не присылалось). Начальник доносил, что якуты разлагают непорочных в политическом смысле тунгусов, ламутов и камчадалов. На этом основании он составляет против Сивцева целый заговор. Сивцев отписывается и бьет по кумовству, глупости и корыстности начальника уезда. С переменным успехом перепалка длилась как-будто бы до революции. Надо сказать, что начальники Охотска перед революцией все же несколько отличались от своих предшественников XIX века. Самым замечательным начальником был в начале прошлого столетия знаменитый самодур Бухарин. Кроме ординарных грабежей и насилий над женщинами он «торговал французскою водкою и развозил свои товары на казенных судах и земских подводах». Из казаков-гребцов сделал он себе опричную дружину, державшую в страхе население. Чиновников сажал под арест на старые промышленные суда, стоявшие в реке и наполненные до половины водою. Довольно остроумно он выгнал из Охотска чиновника Пшеницына, командированного для надзора за лесами, выгнал с тем, чтобы тот «все время жил в лесу». Смена его напоминала штурм крепости. Один из назначенных его сменить струсил и не поехал; отправился начальник иркутского адмиралтейства (было и такое), буквально осадил Бухарина и взял ¹. Целый год еще Бухарин издевался над

¹ Стереотип исторических курьезов распространил эту сибирскую традицию на Охотск. В 1708 г. Иван Сорокоумов, сменяя

всеми. Царь приказал отправить его в Иркутск; в дороге он дрался с конвоем и прикинулся «полоумным». Министр морских сил распорядился препроводить Бухарина вместе с делом в Петербург. «В сентябре 1811 г. Бухарин отправился из Иркутска за конвоем и с ним на особой подводке до 70 дел о его злоупотреблениях». В Петербурге его судили около 8 лет и... сенатским указом от 19 июня 1819 г. возвестили, что Бухарина увольняют со службы с вычетом казенных убытков».

Грабил же он главным образом горожан Охотска и туземцев, которые, таким образом, естественно как «участники» вознаграждения не получали.

Впоследствии он все же был сослан в Тобольск, но в 1830 г. его вернули, и он представил проект плавания от Ирбита по рекам Иртышу, Нице, Туру и Тоболу на особых изобретенных им парусных судах.

Мои наблюдения обнаружили слабые остатки шовинизма, сохранившиеся до сих пор.

Сторонники создания Тунгусского края из семи туземных риков по побережью Охотского моря жалуются на претензии Якутской АССР получить выход к Охотскому морю, т. е. пробить внутрисоюзный трехсоткилометровый коридор.

Якутов упрекают в великодержавной политике по отношению к малым и мельчайшим народностям, живущим в ЯАССР, в запрещении якутским тунгусам переходить границу, в РСФСР.

Особенные споры вызывает Аяно-Нельканский район. Говорят, будто там якутские власти не позволяют тунгусам сдавать пушнину и приобретать привозимый морем товар в Аяне, который обходится в два раза дешевле доставляе-

своего предшественника, подступил с пушкой и барабанным боем к явачной избе и осадил ее. Изба была взята и как будто не столько пушкой, сколько барабанным боем.

мого через Якутск. Такое же двусмысленное положение у тунгусов Оймеконского и Верхне-Колымского районов ЯАССР.

Декавильный путь проложен по песчано-галечному грунту города Охотска.

Охотский край принял на себя последние удары остатков белых армий. Вострецов и Строд с отрядами Красной армии сделали зимний переход из Иркутска, переход, который вообще человеку не под силу и которого никто из белых не ждал и не мог ждать.

Однажды было так: полковник Пепеляев, командир белых, застиг Строда на дне долины. Сверху двигались пепеляевские ледяные броневики — дровни с поставленными ребром прямоугольными льдинами; их толкали сзади. Но

Строд мгновенно перестрелял всех своих лошадей и стадо быков, шедшее с ними. Приполярный мороз дохнул на них, и мгновенно выросли высокие непробойные редуты. Впрочем, история революционного движения в Охотском крае до 1927/28 г., т. е. до того, как были сброшены в ледяную землю и с земли в море последние белые,— это серьезная задача отдельной книжки.

Последнее так называемое восстание в крае показало, что ни о каких политических целях никто из «восставших» и не думал. Это самое откровенное восстание уголовных имело в виду разграбить советские резиденции и фактории и отступить на север в глубь страны. Однако если в 1925 г. бандитам удалось хотя бы временно одурачить тунгусов и создать какое-то подобие тунгусского съезда, то в 1927/28 г. совсем иная конъюнктура перевернула их планы и привела к гибели. Красной армии туземное население оказало широкую помощь и людьми и всеми возможными средствами. Отпор был дружен и крепок. Труднейший поход Петрова на Оймекон¹ окончился ночным захватом селения и пленением белого штаба. Заледеневшее дуло нагана так мгновенно ткнулось в теплый живот спящего, по якутскому обычаю голым, главаря, что он не успел вытащить маузер из подголовья.

— Ну, что ж, как ты себя чувствуешь теперь, Индигирский? — спрашивает Петров.

Индигирский молчит, потом он угрюмо просит:

— Дайте же мне хоть набросить что-нибудь на себя.

Петров бросает ему со стены куртку. В кармане куртки браунинг. К бандиту приставлены часовые. Он просится до ветру, входит в сортир и... через пять минут уносится полунагой на угнанном коне к ставке своих банд и свали-

¹ Рассказано участником похода т. Худолеем.

вается там сплошь обмороженный. Таким он и взят со всеми своими «войсками»¹.

Отдельные эпизоды не в праве забегать перед равными, а их было не мало и не мало было в них канувшей славы и революции.

По всему краю туземные собрания и с'езды горячо поддерживали и одобрили тактику советской власти при ликвидации «восстания».

Но приведя портреты тех, кто был поставлен вершить судьбы края в прошлом, естественно вспомнить живущих и работающих там теперь. Сложнее, да и рано быть может, определить характер и тип крупного администратора-хозяйственника сегодняшнего дня.

Наблюдения дают мне право на беглый, летучий портрет т. Н.

Председатель Охотского ревкома в труднейшее время становления революции, теперь хозяйственник, он крупн и массивен и внешне, вероятно, похож на многих старых русских колонизаторов. Но дальше ассоциации возникают только по контрасту.

Итак вот снимок, не выдержанный во времени, но выдержанный в оценке.

Тресту пришли лошади, теперь ему не нужны. Представителю Союззолота хочется купить их, он начинает базарно рядиться, запугивая дорогими кормами, отсутствием других претендентов с деньгами и т. д.

Немногочисленные крестьяне и рыбацкое население Охотска безлошадны, хотя зимою возможен подсобный промысел, в частности можно возить грузы по побережью ледяным припайком Охотского моря.

¹ Оймекон упоминается в старинных записях по случаю удачного сбора там ясака Семеном Дежневым в 1642 г. у тунгусского князца Чоны и его родичей.

— Товарищи, — обратился тов. Н. к созванным крестьянам, — вот вам лошади, вот пониженные цены, вот долгосрочный кредит.

Если какое-нибудь безмозглое начальство сочло самовольным этот поступок — горе этому начальству и горе делу, которым оно руководит.

Охотский край открыт собственно только летом и только тем трем-четырем пароходам, что за лето приходят. Два раза в зиму почта из Якутска едва-едва захватит всю корреспонденцию, а проезд на оленях охотскому врачу стоил около трех тысяч.

Так вот прав хозяйственник, широко вносящий общие принципы государственной политики и в свои дела и в дела общей этой политики, в дела колонизации севера. Поэтому что это слито неразрывнее, чем думают те, кто хозяйствует в крае, как летучий гастролер, как предприниматель, равнодушный ко всему, что лежит за пределами его выгоды.

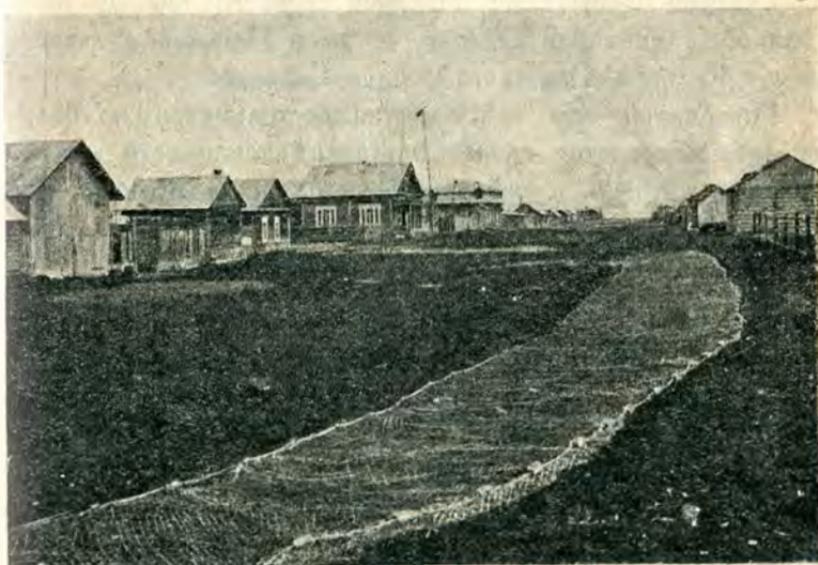
★ ★ ★

ГЛАВА V

ТУНГУСЫ, или, как они в большинстве называют себя, «эвенки»¹, самый интересный, самый показательный из малых народов Севера. Большинство проблем наименьшинств на Севере проявляется у тунгусов в форме наиболее острой, наиболее многосторонней. Я рад, что мои наблюдения и записи об охотских тунгусах естественно должны перерасти границу племени и привести к выводам, общим для громадных задач советизации Севера.

¹ Забайкальские тунгусы: оленные — орочен (ороя — олень), ламучен морские — (ламу — море, Байкальское море), коньяные — мурчен.

Тунгусы — выходцы из Манчжурии. Несколько лет тому назад в якутских краях появился тигр-путешественник. Уссуриец перевалил Становой хребет и был убит в Якутии. Этим путем, за XI—XII веков до тигра, прошли тунгусы с Амура на Лену, откуда их несколько столетий под ряд вы-

Охотск — рыболовецкий центр. Сети сушатся на улицах.

тесняли впоследствии новые пришельцы — якуты, теснимые бурято-монголами.

Тунгусско-манчжурская ветвь: северная группа 69 000, южная группа — 11 000 человек.

Майнов говорит, что совокупность всех имеющихся данных позволяет смотреть на тунгусов обеих ветвей как на особую расу монгольского корня, имеющую некоторые стойкие отличия как от собственно монголов, так и от тюрков

Тунгусские языки «ближе всего стоят к так называемым алтайским языкам, т. е. монгольскому и турецким, хотя некоторые исследователи усматривают более тесную связь между тунгусским и финно-угорским языками» (Н. Поппе).

Тунгусы кочуют от бассейна среднего течения реки Оби, куда проникли недавно, до реки Пясиной и левобережья Колымы, Охотского моря и Сахалина.

Говорилось, что тунгусы распространились по большому пространству скорее благодаря терпимости других племен, чем из-за своей собственной воинственности. Однако в прошлом тунгусы — лихие наездники и воины.

По данным 1926/27 г., на которые, кстати, нельзя опираться, в Охотском крае количественный состав всех тунгусов 31 рода — 3 700, прочих — 2 989.

Среди теорий о происхождении слова «тунгус» есть любопытная аналогия якутского слова «тонгус» с русским «пемец», немой, т. е. не говорящий по-русски. Опровергнувший эту теорию известный якутовед Пекарский, не соглашается, однако, и с другими гипотезами о происхождении слова «тунгус» и оставляет этот вопрос открытым.

Точка зрения царизма на инородцев иногда подкреплялась так называемой научной теорией: физически и психически слабые расы вымирают — это факт, его нужно признать, а следовательно бороться с этим невозможно. Ничего не поделаешь, — фатум.

Население Охотского округа Сибири, в 1820—25 гг.; по Беру, — 2 822 человека; в 1851 г. (9-я ревизия) — 2 129; в 1897 г. по переписи — 1 159. Сильная убыль инородческого населения округа (тунгусов, якутов и коряков) во вторую четверть прошлого столетия, таким образом, не подлежит сомнению. Патканов определяет для 1897 г. душ тунгусов обоего пола Сибири 62 068 плюс еще дополни-

тельно тысячи две. Из этого числа на Приморскую, т. е. собственно Охотскую, область приходится 8 848 человек. Что же мешает расти и развиваться тунгусам?

Вот неблагоприятные факторы — мужчины женятся у тунгусов немолодыми (нет средств на калым), девочек, напротив, выдают очень юными. Правда, внебрачные половые отношения несколько меняют эту картину, начинаясь в общем крайне рано.

Пекарский и Цветков у аянских тунгусов глубокой старости не наблюдали. Средний размер семьи определялся в 3,71 души. Половая производительная сила, по их мнению, не использовалась в должной мере вследствие экономических причин.

Особенно ясно вымирание тунгусов доказано обследованием небольшой площади северо-западной части Качуга, Иркутского округа, где живут тунгусы двух бывших ведомств — Тутурского и Очеульского. По сравнению с переписью 1897 г., в 1927 г. установлено уменьшение населения на 46% за 30 лет и более чем вдвое по сравнению с данными девятой и десятой ревизий 1851 и 1859 гг. За последние 8 лет переход к оседлости и земледелию дал тунгусам устойчивость. Участник экспедиции в этот район И. П. Копылов уже считает возможным принять в качестве показателя экономического расслоения не оленность и не белковость, а обеспеченность хозяйств лошадьми. Скотоводство еще не близко населению, но лошадь прочно укрепилась здесь, завоевав права и доверие. Процесс вымирания приостановился.

В некоторых случаях, именно у тунгусов Охотского побережья, можно по количеству смертей и рождений сделать благоприятные выводы. Причины вымирания несколько не связаны с психической и физической слабостью. Это вопрос экономического благополучия. При

организации культбаз необходимо на месте же изучать этот вопрос, в процессе роста хозяйственных благ тунгуса.

Культбаза должна стать центром всестороннего изучения туземца и работать совместно с экспедициями и центральными соответствующими организациями. Культбазы, по мысли организаторов, — будущие столицы северных народностей. Здесь должны быть школа, больница, ветпункт, снабженческий магазин, показательное стадо и мастерские для обработки продуктов туземного хозяйства.

Кочевки, смерть, выселение, обруселость, соотношение полов — все это неблагоприятные показатели для тунгусов. Но вопрос о вырождении тунгусов все-таки очень спорен. Не знаю, слишком ли это смело, но у меня такого впечатления не получилось, да и большинство авторов, интересовавшихся этим вопросом на месте, часто опровергали укрепившееся мнение о вырождении тунгусов. Аянский доктор, который, как и все прочие, наобещал мне кучу материалов, а на деле ничего не дал, этот командированный Наркомздравом в Аян любитель итальянской оперы, говорил мне, что встречал среди тунгусов случаи небывалого в России долголетия; он же встречал глубоких стариков — отцов малолетних детей, о чем говорит и Стефанович.

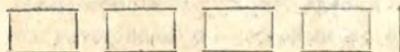
Деление тунгусов сложно. Различают бродячих, кочевых, полuosедлых и оседлых, или, как в старину называли их, «пеших». Большая часть забот колонизаторов направлена на привлечение тунгусов к земле. Но едва ли это пригодно повсеместно. У энтузиастов этого взгляда существует мнение, что переход тунгусов к оседлому образу жизни возможен и без промежуточной скотоводческой формы хозяйства. И однако во множестве докладов правильно упоминается о том, что переход к оседлости у тунгусов зачастую был не показателем культурного роста, а тяжкой необходимостью; не было оленей для перевозки,

На юго-западной границе того района, который мне больше всего известен, по рр. Алдану и Мае тунгусы частично осели на землю. У них имеются покосы и кое-где даже пашни. Но судить о результатах еще рано. Одно можно сказать с уверенностью: если и переводить тунгусов на землю, то лишь с помощью агронома и на изведанных и прочных почвах.

Тунгусы — люди удивительно честные. Я вспоминаю один эпизод: заведующий факторией на Юдмане окликнул меня. Я сидел в его крохотной комнатке при фактории и заводил горным тунгусам граммофон, не производивший на них никакого впечатления вне зависимости от репертуара. Я поднялся и вошел в факторию. Там уже группа тунгусов оживленно что-то обсуждала.

Тунгус принес долг. Тунгус, не спускавшийся с гор 15 лет, принес белок на 40 рублей, которые он задолжал в незапамятные времена русской купчихе, скупщице пушнины. Долг принесен и отдан русским же, не все ли равно кому? И потому он особенно счастлив, когда, об'яснив происшедшие в России изменения, заведующий факторией возвращает ему белки — долг, аннулированный революцией. Я выпросил себе расписку, этот серьезный человеческий документ. Расписка особенно интересна тем, что хранилась-то она у должника, а подписана не должником, а займодавцем, — видимо знала купчиха, что довериться можно было. Для памяти стоят внизу тунгусские цифры — четыре десятка и единица.

1915 ГОДА 5 ФЕВРАЛЯ ТУНГУСКА ОХОТСКОГО
ВЕДОМСТВА АЛЕКСАНДРА ГРОМОВА, ЖЕНА ЕФРЕМА,
СОСТОИТ МНЕ ДОЛЖНЫМ СОРОК ОДИН РУБЛЬ.

АННА НАДЕИНА.

Говорят о том, что тунгусы выплачивали долги отцов, Миддендорф справедливо ужасался: «Умирает только должник, но кабала бессмертна». Но то было раньше.

Через короткое время в числе вступивших в МОПР тунгусов¹ был и этот горец, обменявший свою белку на новый и нужный ему товар.

Ребенок был некогда рожден на борту парохода «Тун-Тук», по поводу и в честь его рождения задан был капитаном пир.

И вот оказывается, что старичонка, дед новорожденного (он тоже ехал в трюме), историческая личность, упоминаемая во всех экспедициях и отчетах по Охотскому краю. Более того, непредвиденные сведения появляются и об отце новорожденного.

Нервный, худощавый и сравнительно высокий тунгус лет 35. Керенский френч и маузер в деревянной кобуре. Какая же связь между этим сомнительным обликом и братской могилой под деревянной пятиконечной звездой близ Нового Устья р. Охоты? Этот, так сказать, молодой человек учится во Владивостоке в совпартшколе, и маузер ему подарен властями и т. д. и т. п., и все-таки местные советские работники угрюмо отворачиваются от помилованного белобандита.

Неизвестно почему носит он фамилию российского историографа и автора «Бедной Лизы». Да — Карамзин, но сам он произносит — Карамзин.

Этот «дворянин сибирский» был одновременно и типичен и своеобразен. У Карамзина были огромные квад-

¹ Не думаю, чтобы кто-нибудь упрекнул самоотверженного работника Юдина за то, что он выдавал, по недостатку мопровских значки Общества красного креста.

ратные глазницы, прямой короткий нос, высокий рост и четырехугольный лоб, «спокойные тускловатые глаза, быстро разгорающиеся», и «тунгусские уши» с маленькой мочкой, для которой, кстати, даже и названия нет по-тунгусски.

Возможно, он принадлежал к северному типу денационализованной тунгусами древней расы. Южный тунгусский тип значительно разнится от этого, но оба типа часто встречаются, хотя для Охотска северный ближе.

Большинство тунгусов, с которыми я встречался, были люди спокойные и медлительные, а порой и просто вялые и лишь немногие из «средняков» по возрасту походили на описанный Стефановичем тип: «Тунгус Тимофей — маленький, чрезвычайно подвижный, сангвиничный, с нерезко выраженными чертами лица своей национальности; встретив этого тунгуса, с мягкими курчавыми волосами, где-нибудь в другом месте, я принял бы его за еврея. Он отличается порывистой, нервной энергией, живым сообразительным умом, что заставляло прощать ему его вспыльчивость и дерзкие выходки не только по отношению к нам, маленьким тойонам, но и к начальнику экспедиции. Он хорошо говорит по-русски и что называется за словом в карман не полезет».

Слюнин пишет: «Тунгус — вечный непоседа, и мы не знаем среди сибирских инородцев более бродячего, скитальческого племени, чем тунгусы; нужны какие-нибудь исключительные условия, чтоб он уселся на месте (в связи с этим, я думаю, не страшно, что тунгусы временами бросают учебу в городах — А. М.). Две-три соседних юрты уже тяготят его, как бы закрывают короткий горизонт тайги или обширную беспредельную панораму, открывающуюся со Станового хребта». Но тунгус не одинок в тайге. Целая система условных знаков, зарубок, сигналов ведет

его по нужному пути, и эта же система осведомляет другого тунгуса — пришельца, о том, чем и как живет здесь, сейчас, на этих местах тунгус-хозяин. Положена палка посреди тропы: просьба не итти дальше — опасно; расставлены кулемы — западни; маршрут указывается только одним тунгусам понятными пометками; снялся тунгус с кочевки, воткнул кол в землю: куда конец кола смотрит — в ту сторону он ушел; кол пригнут к земле — хозяин ушел далеко; кол торчит почти под прямым углом — хозяин на небольшой кратковременной кочевке-экскурсии.

Маститые исследователи встречали на Севере вполне об'якутившихся русских переселенцев, сохранивших всю чистоту великорусского типа. Да, возможен такой путь сохранения типа, но этим ли путем я должен об'яснить печальный облик на редкость красивой русской девочки, вдруг промелькнувший среди милых темных скуластых личиков тунгусят на Улье? Заколотилось сердце, и я был недалек от того, чтобы узнать что-то очень странное или страшное. Но тунгусы отвечали мне нехотя и неопределенно. Я вновь пришел к тем местам и вновь увидел ее; на привет и вопрос она не отозвалась; казалось, ей и впрямь был чужд русский язык.

Мне, конечно, все это могло показаться таинственным и недоговоренным, а на деле все, может быть, об'яснялось крайне просто. У тунгусов, как и у многих малых народностей Севера, не было и нет очень строгих взглядов на «гулевых» детей. Незаконнорожденность — здесь не позорное понятие.

В Забайкалье я был знаком с одним бурятом. Однажды, заехав к нему, я застал его в горе: годовалый мальчик его, крепкий и веселый, умер.

— Ну, что ж, — пытался я подбодрить его, — не горюй, еще будет,

— Такой не будет,— плача, отвечал бурят,— хороший мальчик был — хорновской породы¹.

Сидел бурят печально и неподвижно, курил трубку и плевал, скоро начал он петь протяжно и монотонно. С удивлением разбирал я слова, с удивлением узнавал искаженные черты русской народной песни, облекшейся плотью и кровью бурятского скотоводческого быта:

Есть у птицы гне до,
У волчицы дети.
У меня, сироты,
Никого на свете.

Воздух нес ароматическую гарь кедровых палов. Шли большие лесные пожары вокруг. Буряты необычно волновались, кучками ходили улицей аймачного центра, доискивались виновника пожара. Безучастно сидел рядом со мной пожилой бурят. И много раз повторялась песня:

Вериблюда есть гнездо,
У хоровы дети,
У меня же, бедняха,
Нихово на свете.

По дороге на стоянку меня негромко окликнули. Высокий бурят из-за плетня назвал меня по имени и отчеству. Я подошел. Он усмехнулся и, протянув мне прегрязную руку, с усмешкой сказал: «Не побрезгуете?» Я припомнил: его звали Сократ. В 1913 г. он бросил Томский университет, при переходе на последний курс, случайно задержавшись на каникулах у себя в деревне. С тех пор он и живет так, без поддержки, без доброго совета. Он опустился едва ли не ниже наиболее темных своих сородичей.

Однажды среди тунгусов, сновавших вокруг пришедшего парохода, я услышал вдруг отчетливый вопрос: «Вы ленин-

¹ Корновской,— буряты произносят «х» вместо «к». Корн — здоровенный торговец, имевший дела с бурятами.

градец как-будто?» И так неожидан был этот вопрос, что я не там, где нужно, начал искать, кто меня спросил. Я бросался с одной стороны в другую — кроме тунгусов вокруг меня никого не было. Но вот один из них сказал мне: «Мы встречались с вами, на пароходе как-будто вместе плыли из Владивостока». Он оказался студентом Севфака Алексеем Громовым, но нынче он не едет в Ленинград. Он уже готовится к большой осенней охоте.

— Не могу я в Ленинграде, климат не по нас, не поеду,— и, помолчав, добавил:

— Нынче не поеду то есть.

Родовое начало ставится и до сих пор в основу управления туземными районами Охотского края. Родовое собрание раз в год, на летнем и на зимнем стойбище. Родовой старшина (староста), теперь председатель родового совета, прежде выбирался на неопределенный срок и сменялся, если большинство сородичей поднимало против него ропот. Главные дела старшины — распределение охотничьих угодий, что на участках неоленоводческих — вопрос первейшей важности. Старшина же кредитовал неимущих тунгусов своего рода на ясак или распределял между другими долю больного, так как царское правительство «бюллетеней» не признавало: числишься живым — плати ясак. Однако и мертвому не всегда удавалось ускользнуть от налога: «Жен и детей и оленей у всех этих умерших тунгусов ничего не осталось и ясак платить за них некому». «И то мы, тунгусы (такие-то лучшие люди), знаем вправду. А буде впредь те тунгусы через сию нашу сказку об'явятца в живых — и на нас великого государя пеня, а пени, что великий государь укажет». Революция аннулировала и родовые и личные долги.

Фактически управлял тунгусами какой-нибудь крепкий кулак, именовавшийся князьком или старостой, со своими

подручными старшинами. Тунгусский староста владел родовой печатью, а временами княжеским поясом и старинным кортиком. Эти кортики могут помочь нам выяснить оппозиционное настроение туземцев еще в начале прошлого века.

В Гижигинском районе три года подряд рыба не заходила с моря в реки, голод охватил край. Богатые оленеводы, коряки, прикочевали в районы голода с огромными стадами и передали их бесплатно тунгусам. По представлению начальника края из Петербурга корякскому главному старшине была прислана медаль, а прочим — кортики в наследственное владение и ношение. Коряки отказались принять знаки милости, чем повергли чиновников в величайшее смущение. Старший сказал, «что ему как бедному неприлично носить медаль, а дети пусть сами заслужат». (Кортики поступили в иркутский музей, а самый вопрос этот рассматривался в комитете министров 4 мая 1837 года.)

Вскоре голод повторился, и опять не замедлила помощь коряков. Начальник охотского порта Головнин вновь представил несколько человек коряков к наградам, но министр внутренних дел, имея в виду прежний отказ их от наград, предложил ему прежде всего удостовериться, согласны ли они на этот раз принять награды. Но пока шла об этом переписка, некоторые из коряков умерли, а остальные не выходили из лесов; потому дело это и осталось без всяких последствий.

Род в отвлеченном смысле представляется тунгусам, очевидно, чем-то значительным, какова бы ни была численность одного из 31 рода в крае; величина охотничьих участков, отводимых роду, приблизительно равна. Впрочем, хотя количество родов остается почти без изменения (авторы начала XIX века также отмечают 31-34 рода), но переходы из рода в род существуют. На собрании в Улье,

куда я выезжал, было принято из одного рода в другой два семейства. Существующие теперь старосты (они называются председателями) далеко не пользуются правами старост царского времени. В частности у них отняты судебные функции. Но и те наказания, что применялись раньше, не были страшны: выговоры, штрафы и очень редко краткосрочное лишение свободы.

Тунгусы — не сутяги. В охотском суде по 1 июня 1928 г. от туземцев было одно дело, в производстве — четыре; к туземцам — десять, удовлетворено — восемь, в производстве — одно.

Охотские тунгусы более передовые; у тунгусов енисейских, лено-киренгских и как-будто приамурских существовали более существенные наказания. «Приговоренного за кражу привязывают к дереву и высмеивают его, плюют в него.

Палача выбирает суглан (с'езд) — это обычно бывали старшины. Изгнанники из рода кончают иногда самоубийством или уходят в работники к русским».

И в Охотском крае не обходится без преступлений более серьезного характера. Путешественник встречает рисунок человеческой головы в натуральную величину, вырезанной на толстой лесине... Это «портрет» убитого тунгуса. Чтобы избавиться от беспокойства и преследования духа убитого, убийца вырезал на стволе его лицо, чем как бы прикреплял мертвеца к дереву и лишал его, таким образом, возможности преследовать убийцу и причинять ему всяческий вред.

В. Харузина уверяет, что у тунгусов каждый пасет своих оленей где хочет и что каждая тунгусская семья может выбирать себе на реке любое рыболовное место. Мне никогда не приходилось об этом слышать, напротив, одной из главных тем на туземном собрании было распределение охотничьих и рыбных угодий. Правда, тунгусские кочевки часто

пересекают территорию другой семьи или даже рода, но все это носит характер транзита.

Статья тов. Сулова «Социальная культура у тунгусов бассейна Подкаменной Тунгуски и верховьев р. Таймуры» подтверждает мои выводы.

«Право же на такое угодье за отдельной семьей или группой семей определяется годичной или двухгодичной

Белуха — естественный враг лосося, съедает в год до 10 миллионов рыбин в водах нашего дальневосточного Севера.

давностью фактического пользования данной семьею, и оно может быть продано с разрешения родового собрания».

Правовое сознание северного туземца своеобразно. Туземец дал оленя — выкуп за похищенную им жену другого, но так как обиженный в свое время заплатил в калым за жену двух оленей, то он требовал еще одного оленя от похитителя жены. Суд, считая калым противозаконной сделкой, постановил отобрать и первого оленя, но приговор не осуществился, так как оба тяжущихся решили, что суд ничего не понимает, и так все дело и осталось: у мужа —

олень, у похитителя — жена. Но тем не менее родовой суд неуклонно укрепляет свое положение на ряду с родовым советом.

Красочно описаны туземные советы в тайге и тундрах у Н. И. Леонова. «Сквозь кустарник, обивая рогами густую кухту, показываются рога оленей. На спине одного из них виден всадник. Это тунгус Чукчанча. Чукчанча спешит. Чукчанча едет с важным поручением в чум своего сородича Пампуни. Оба они одного почтенного рода Панкагырь. Да и не к одному Пампуне спешит Чукчанча. Ему надо оповестить всех своих сородичей о том, что в день первого полнолуния после весеннего ледохода в истоках Чуни соберется тунгусский суглан (с'езд). Чтобы не сбиться со счета, Чукчанча возит с собой палку. На одной стороне этой палки можно насчитать ровно пятьдесят две зарубки — по числу оставшихся до суглана дней. Каждое утро Чукчанча срезает ножом по одной зарубке, днем меньше остается в его распоряжении, — надо спешить ему с важной вестью. На другой стороне палки оповещенные Чукчанчой сородичи делают ножом свои отметки. Смысл такой отметки понятен: «Извещение о суглане получил. Такой-то». Каждый вырезает свой особый условный знак. Взглянув на палку, Чукчанча может сообразить, сколько осталось дней до суглана и сколько сородичей осталось ему оповестить. Их имена он держит в памяти».

В Туруханском крае с'езд постановил ежегодно созывать собрание всех родов — большой суглан, когда станут расцветать хорин-чуко (жарки). Здесь нет ничего романтического, скажет скептик, просто еще с календарем дело не налажилось.

Прошли те времена, когда неокрепшая еще советская власть на охотском Севере после незначительных волнений, вызванных провокационными слухами, всячески ублажала

тунгусских князьков. Для них были открыты двери снабженческого магазина с правом выбора любых вещей. Председатель ревкома, по традиции царских исправников, целовался с князьком и пр., и пр.

Отношения нынче деловые и дружественные. В Охотск приехал при мне председатель одного родового совета и в служебное время обсуждал в рике какие-то дела. Для помощи тунгусам при сношениях с риком в Охотске живет уполномоченный по туземным делам комитета Севера, сокращенно «уполтуз». Уполтуз — ответственное лицо в сношениях тунгусов с властью, и на подбор уполтузов должно быть обращено самое тщательное внимание: от его знания обстановки и отчасти языка, от его такта зависит многое.

Один из серьезнейших видов помощи, оказанных советской властью туземному населению, — помощь медицинская. Я видел сам, как тунгусы, ждавшие товаров, не были разочарованы, когда пароход высадил только женщину-врача с двумя базарными корзинками медикаментов.

Экспедиции (в частности РОКК, под начальством доктора Оптовцева), несмотря на усиленную работу участников, все же нерациональны, так как маршруты экспедиций не могут приноровиться к неведомым в каждом отдельном случае кочевым маршрутам тунгусов. Бесспорно, выгоднее иметь один, хотя бы фельдшерский, пункт, куда сам тунгус мог бы притти за помощью. Популярный, а кстати и единственный в Охотске врач Покровская говорила мне, что тунгусы болеют главным образом на почве питания суррогатами, недоедания и полного отсутствия зелени (катарры, отсутствие желудочного сока). Распространены чесотка и глазные болезни (иногда тунгус целыми сутками сидит в своей уресе, где дыра вверху плохо вытягивает дым. Также распространены мигрени и нервные болезни: часто тунгусы ходят с головой, обмотанной платком, — помогает.

ГЛАВА VI

УРАСА, бедный покров из старого заплатанного брезента на конусообразно поставленных кольях, — зимой и летом единственная резиденция тунгусских бедняков. Летом тунгус ставит ее в горах или у моря, зимой — только в горах.

Я не мог предположить такой потрясающей бедности у охотника, бьющего по 300 белок за сезон, да иногда и выдру, лисицу. В урасу трудно пролезть крупному человеку, до того она мала. Там буквально нет никакого имущества, кроме кремневки и жалких маленьких мешочков с припасами да двух-трех обтертых спальных мешков. Иногда тунгусы сидят на пустом чае по несколько дней.

Нас, вернее меня, они как-будто захотели угостить. Девочка с маленькой эмалированной кружкой пошла подоить оленюху; я выполз вслед из урасы, задевая за костерик, разложенный внутри для варки чая. Девочка присела на корточки перед оленюхой, ударила ее кулачком по вымени и начала доить. У одной она надоила меньше полчашки, потом подоила другую, и у этой добыла не больше. Каждый раз, кончив, она обмакивала пальчик в кружку и проводила по шерсти оленюхи.

Олени линяют. Они сбились у дымокура. Они наполовину облезли, комары жестоко донимают их. Тунгус — хозлин, Василий вырвал клоч шерсти у передового ветвисторогого оленя и сокрушенно покачал головой. Олень ударил передней ногой олененка, занявшего выгодную позицию у дымокура, и важно встал на его место.

Эпизоотии среди оленей ужасны, с ними не умеют бороться. У оленей возникают гнойные поражения в местах, откуда растут рога, или на ногах, от копыт до колен. Если сграшная эпизоотия пришла, она погубит у тунгуса оленей.

Ветеринарных пунктов нет. Тогда тунгус переходит на оседлость.

Так начинается стадия упадка.

По мнению компетентных товарищей, участвовавших в комиссии по районированию, непосредственное будущее тунгуса—оленоводство, а стало быть и естественно связанный с ним кочевой образ жизни. Охотский край не повсеместно богат оленями. Большинство хозяйств малооленно. Очередные и неотложные задачи кооперации в Охотском крае—развитие широкого оленного кредита. Пока удалось добиться снижения цен на оленей с 45-50 рублей до 24 р. 45 к.

Кредит дается на три года. Привыкшего закабаляться тунгуса тянет к кредиту. Тунгусы вечно были в долгу правительству и частным фирмам. Первое время по советизации края система ссуд еще применялась, теперь от нее отказались, заменив оленным кредитом. Однако тот олений кредит, который сейчас практикуется, едва ли достигает цели. Кредитуются тунгусы двумя-тремя оленями, но с таким количеством еще нельзя кочевать. Эти олени могут пригодиться только как транспортное средство при больших охотах.

В Охотско-Камчатском крае начатки индустриализации идут по линии создания товарного оленеводства, создания оленеводческих совхозов с показательно-промышленными стадами. У Акционерного камчатского общества есть уже свыше двух тысяч оленей на трех оленеводческих станциях: Анадырской, Пенжинской и Карагинской. Там устраиваются кожевенные и замшевые заводы, ветеринарные пункты и бактериологические лаборатории, там создается новый, более выносливый тип оленя, крупного, с высокими мясными и ездовыми качествами. Этот олень, метис, создается из чукотского и колымского производителей, на по-

мощь которым добывается издалека во многих отношениях совершенный олень саянский.

Не легко добиться нужных качеств у оленя, хотя в XV—XVI вв. на Руси думали, что олени достаются туземцам просто: «Как спадет туча на землю, так из нее разбегаются по земле молодые белки и олени».

Едва ли к охотским тунгусам приложима схема последовательного перехода хозяйств, которую Копылов наблюдал в северо-восточной части Качуга. Он нашел, что полуседлое оленно-охотничье скотоводство переходит в безолненное и далее в оседлое охотничье скотоводческое хозяйство. Развитие этой схемы заканчивалось, по наблюдениям Копылова, первыми опытами земледелия в оседлом охотничье-скотоводческом хозяйстве. При солидном обеспечении лошадьми оседлый тунгус уже мало интересуется оленеводством. Он сам, как уверяет Копылов, не кочует, а отдает оленей на выпас. Зимой оленей уже не запрягают. Грузовой вьючный олень еще полезен на охоте, а в остальном от него хотя и нельзя сказать, что «ни шерсти, ни молока», но шерсти он дает мало, молока еще меньше, жилы и шкуры малоценны,—остается только мясо и жир. Конечно, все это к охотским тунгусам неприменимо. В Охотско-Камчатском крае можно наладить и производство мясных оленьих консервов—потребитель не так далек, японские рефрижераторы вместе с рыбой могут забирать и мясо, высоко ценящееся в Японии. На Анадыре у чукчей колоссальные многотысячные стада оленей. У каждого оленя тавро—из уха вырезана маленькая лунка. Эти затвердевшие кусочки нанизываются на жильную нитку, и чукча-оленеvod считает свои стада длиной этих ниток—один, два, три, десять махов, т. е. ниток во всю длину развернутых рук, от пальцев левой до пальцев правой. Если тавро сходится, оленям делают еще какие-нибудь надрезы, иначе трудно будет отли-

чить своего от чужого, особенно трудно различать белых оленей.

В Охотском крае, по материалам общества краеведения, всего 100 тысяч оленей. На 1 марта 1928 года на 4 туземных участках приходилось из всего числа хозяйств:

	Крупные хозяйства		Средние хозяйства		Мелкие хозяйства		Безоленные хозяйства
	Хозяйств	Оленей	Хозяйств	Оленей	Хозяйств	Оленей	
Иня	25,4 ⁰ / ₀	67,6 ⁰ / ₀	35,6 ⁰ / ₀	20,0 ⁰ / ₀	37,4 ⁰ / ₀	12,4 ⁰ / ₀	1,7 ⁰ / ₀

Однако участок Иня сравнительно богат; на более бедном участке, Аян-Улья, на общее количество хозяйств и оленей в процентах приходится:

	Крупные хозяйства		Средние хозяйства		Мелкие хозяйства		Безоленные хозяйства
	Хозяйств	Оленей	Хозяйств	Оленей	Хозяйств	Оленей	
Аян-Улья	0,8 ⁰ / ₀	6,7 ⁰ / ₀	11,5 ⁰ / ₀	34,2 ⁰ / ₀	73 ⁰ / ₀	59,1 ⁰ / ₀	14,7 ⁰ / ₀

Существование крупных стад в две-три тысячи оленей на более отдаленных участках (частично по Колымскому хребту) дает возможность организации оленных хозяйств на товарной основе, так как для собственно кочевки тунгусу нужно максимум 100-200 оленей.

Местное же краеведческое общество¹ полагает, что радиус кочевки устанавливается «самим оленем», приблизительно 150 км. Весь годовой путь тунгуса около 1000 км. На старые же стоянки они иногда возвращаются только через 2-3 года.

Стада сопровождают пастухи, а хозяева с вьючными оленями могут быть за несколько сот километров. Иногда олень отказывается уходить с тех мест, где он родился, и убегает с новой кочевки. Летом вообще табуны наполовину разбегаются. Тучи комаров преследуют животных. Осенью одичавшие стада собирают. Наблюдатель может заметить, что тунгус забирает вообще всех оленей, какие попадутся, и лишь на стойбище выделяет своих по тавру. Оленя ловят, окружают, идут на него со всех сторон, держась руками за длинный тонкий ремень. Круг суживается, и на оленя это производит такое психическое воздействие, что он уже не пытается перескочить через ремень. Иногда просто набрасывают лассо. Кочуют тунгусы по всему Охотскому краю. Границы для оленя нет—Становой хребет проходим везде. Единственная естественная преграда—море или места, где нет корма для оленей. Весной в теплых долинах важенки телятся. мех молодого оленя—пыжик, очень нежен и довольно прочен.

Тунгус (малооленный) за бесценку, или в знак дружбы, или отдариваясь убивает своих оленей для прибрежного жителя (камчадала или русского.— А. М.), который не забывает в знак дружбы спаивать его спиртом или самогонном.

Входя во вкус, тунгус прилагает все усилия, чтобы самому купить этого спирта; редкий из тунгусов имеет достаточно силы воли, чтобы больше или меньше из своих оле-

¹ Секретарь его т. Реснянский ведет кстати интересные ренологические наблюдения, которыми я к сожалению не смог воспользоваться.

ней не променять на спирт. Вследствие этого же спирта он начинает меньше заботиться о своих стадах. Тунгусы Охотского края редко бьют на мясо оленей, разве старых или захромавших. Но в пище сказываются различные формы хозяйства едока: все, что земледелец говорит о земле, производит из продуктов земли, у тунгуса-оленевода переносится на оленя.

Н. Попов подметил у тунгусов (правда, не охотских) очень характерную черту: они не умеют использовать оленье молоко иначе, как приправу к чаю, а из этого можно вывести положение, что и самый взгляд на оленя как на молочный скот у тунгуса отсутствует.

Разборка оленьей туши везде одинакова, хотя убивают оленя по-разному: охотские тунгусы удавливают или, так же как енисейские, убивают ударом узкого тонкого ножа в лев, иногда бьют в сердце, оставляя в нем воткнутый нож. На ощупь определяется, где сердце, и с размаху ударяют ножом. Если нож запрыгает, догадываются, что попал в сердце.

Пищу оленеводов русский летописец описывал не без содрогания:

«А ядь их мясо оленье да рыба да межы собою друг друга ядять».

В оленьей туше лакомством считается язык, свежая сырая печень, мясо из-под жил и спинного хребта, кишки, свежий роговой хрящ, грудинка и окорок. Легкие, глаза и половые органы домашнего оленя не едят. Свежий роговой хрящ—снятая с живого оленя роговая оболочка, считается вкуснее и нежнее

Мясо любят недожареное. Едят, держа кусок мяса в руке и в зубах, и ножом отрезают кусочки у самых губ, но так ловко и быстро, что этот способ начинает казаться естественным,

В августе, сентябре, к спариванию оленей, «волнение в крови гонит вольных диких оленей в стада домашних». Если их удастся задержать в роли производителей—потомство крепче и крупнее, мясистее. Даже на Аляске дорожат таким гостем, хотя аляскинский дикий олень—карибу, мал и неказист. Впрочем, дикий олень все равно уйдет из табуна. Об этом пишет Е. П. Орлова, у которой есть занятные наблюдения над оленями у камчатских ламутов. Она сообщает, что молодая первороженица-важенка пугается своего первенца, не знает, что ей делать, и даже часто убегает совсем от него. Здесь вмешиваются «в оленью семейную драму» люди, и все успокаивается. Е. П. Орлова пишет о том, как у оленей и взаправду «ласковый теленок двух маток сосет», и о том, как орлы и лисицы стерегут отел и уносят маленьких, только что родившихся телят. Ламуты говорят: «Орла стрелять нельзя, надо же орлу чего-нибудь кушать».

Примитивность и варварские приемы оленеводства стоят на пути к созданию высоких форм оленьего хозяйства, к товарному выходу продуктов оленеводства. Много предстоит работы там, где возможны такие вещи, как у чукчей, где «если нужно охолостить оленя, один из молодых людей, по указанию инпинаскина (старика), у поваленного на землю ногами вверх оленя отгрызает своими зубами одно яйцо». Много предстоит работы и по уходу за скотом.

«Олень—животное чрезвычайно нервное. Взлеты чаато (лассо), крики, свистки, загородки действуют на оленей возбуждающе». Нужно научить туземца правильной разбивке стада, контролю над спариванием и многому другому. Столетия оленеводческого быта доказали только мертвую силу традиции. Все делается так, как в давние, дикарские времена.

ГЛАВА VII

УЖЕ не однажды высказывались предположения, что шаманство есть не что иное, как обрядовый театр. Этнографы энергично протестовали против этого. Однако теперь это положение становится бесспорным. Шаманство перешло у тунгусов из культового обряда в зрелище, игру. Едва ли где тунгусы верят в шамана. Самодеятельный театр тунгусов — танец, пляска шамана — может быть устроен в любое время по заказу главным образом более зажиточного тунгуса. Часто камланье происходит в особой, отдельной урасе, специально убранной для действия. Шаман появляется увешанный жестяными фигурками живущего в воде и на суше мира. Тишина, но шаману — мало, он усугубляет ее вздохами, тихими всхлипываниями и со страшным рыданием вдруг падает на пол и встает, и падает, и встает, и несется по урасе, не щадя вытянутых ног зрителя-профана. Он кричит и просит у земли, моря и неба даров, грозит враждебным шаманам и подвластным им духам.

Зритель реагирует на отдельные наиболее удачно проведенные моменты. Корона, бубен и колотушки обыгрываются шаманом в совершенстве. Выкриков и песен шамана тунгусы не понимают. Предположительно он говорит на языке духов-патронов. У бурятского шамана, виденного мною 7 лет тому назад, зрачок растекался во весь глаз и не было видно белка.

Даже духовенство обращается иногда к помощи шамана. Мэнерик¹ бывает у шаманов и у бывших шаманов помимо воли. Никакого священнодействия в обряде камланья, очевидно, и не предполагается, — не ясно ли это по такому отрывку из записок очевидца-ученого: «В урасе, как видно, все привыкли к обрядам гадания. Когда старик

¹ Мэнерик — форма истерии на дальнем северо-востоке.

шаманил, все смотрели на это, как на дело совершенно обыкновенное, каждый занимался своим делом: старуха укачивала ребенка, дети пересмеивались. Якут, что привел нас, комфортабельно растянулся на земле и спокойно наблюдал. Только мальчик лет двенадцати, якут, пришедший в гости, подпер щеку грязным кулаком и, широко раскрыв глаза, внимательно наблюдал все». Вот такие впечатлительные дети, да вдобавок со склонностью к эпилепсии, и пополняют кадры северных шаманов.

Шаманы «шайтанщики» приглашались русской администрацией «кудесы бить». В царствование Анны Иоановны иркутский вице-губернатор Жолобов обращался к вещи шаманке, которая, говорят, «предсказала ему казнь».

Сначала будущий шаман страдает психическим расстройством, иногда с семи-девятилетнего возраста.

Пути к великому шаманству ведут через мистический обряд рассекания тела и связаны с искупительными жертвами. У великого шамана за каждую кость его тела в качестве выкупа должны умереть по одному человеку из его кровных родственников. За девять главных костей умирают девять человек. Мало понятно, почему североведы-историки не говорят о длительной антирелигиозной борьбе на два фронта, которую вели и ведут многие туземцы севера, в том числе и тунгусы. Борьба с официальной религией—православием, никогда не затемняла, не вытесняла внутриплеменной борьбы с шаманством и местными культурами.

«Чудеса» северных колдунов не всегда только фокусы. Иногда шаманы просто используют некоторые сведения в естествознании, неизвестные их сородичам. Один из известных мне шаманов обещал одноплеменникам, в награду за всяческие добродетели, рыбу в одном озере, считавшемся безжизненным. Он наложил на три года запрет на озеро и за это время развел в нем карасей.

На Коченге, притоке реки Илима, в деревне Ясачной оседлые тунгусы, бывшие ясачные, заметно обрусели. Кроме всех обычных черт земледельческо-охотничьего быта, у них утратилась связь с культом медведя. Ходукин говорит о них: «Охотно идут бить медведя, без всякой опаски перед хозяином тайги. Повидимому, у ясачных не осталось ни малейшего страха перед этим культовым зверем их предков. Столетия оторванности от них, постоянное общение с русскими вытравили, должно быть, следы национальных верований. Даже старики и старухи говорили о медведе как о звере умном, хитром, сильном, но ничуть и никак о звере божественного порядка». Кстати, тот же Ходукин считает, что переход тунгусов к оседлому образу жизни возможен и без промежуточной скотоводческой формы хозяйства.

Я набрел случайно на подобие русского шамана. В качестве лекаря, он принимал по любым, в том числе и по любовным, болезням со взносом назначенной платы за весь курс вперед. Он из казаков, потомков завоевателей края, и стар, очень стар на вид, но не всегда—временами он выглядит еще бодро и даже мочит усы в сахаре, чтобы стояли. Живет одиноко и диковато. Ничего в нем нет от сектанта, еще меньше от знахаря, и тем не менее он самый доподлинный белый шаман для белых с темным разумом.

Два наговора—охотничий и любовный—подслушал я по уговору с ним поздним вечером на выселках «города».

Господи благослови! Господи благослови!

Господи благослови!

Ты же птичий царь орел,

Ты же воин,

Соединяй и сомущай,

В кучу и в место

Всех глухарей и рябушек

И гони их под мой шатер.

В обстановке, жалкой и мерзкой, выслушал я старинную любовную присушку. Многих усилий стоит мне, сохраняя манеру очерка, не обернуть, не уснастить сюжетом и вымыслом эту увлекательную старинную шарлатанщину.

Пущу я тоску-тоскущую,
 Сухоту-сухотущую,
 Денную, ночную,
 Плач неутимую
 По дыму-дымовичу,
 По ветру-ветровичу,
 По матушке-сырой-земле
 Прямо в сердце рабе божией...
 И чтобы она
 Меня раба..
 Как эту тоску-тоскущую,
 Сухоту-сухотущую,
 Денную, ночную, плач неутимую,
 Сном не засыпала,
 Едой не заедала,
 Питьем не запиала.

Печально сидела, дожидалась старика девушка. Голосом и ладом, не похожим на частушечный строй, выводила она частушки:

Ты пошто ко мне не ходишь?
 Я пошто к тебе хожу?
 Ты пошто меня не любишь?
 Я пошто тебя люблю?

★ ★ ★

ГЛАВА VIII

НЕМНОГО отдохнув с дороги, тунгус вытащил из сумки бутылку спирта и стал нетерпеливо, но чинно ждать, чтобы хозяин раскупорил и налил, — таков обычай.

Чаще всего спирт разводят, но пьют иногда и так, для скорости. Много было споров, самых ожесточенных, по спиртному вопросу, но все-таки разрешили спирт на Охотском побережье. Правда, потребление его всемерно ограничено, введено даже подобие нормы.

Те, кто боролся против спирта, говорили: «Тунгуса надо ставить на ноги, привлекать к участию в местной рыбной промышленности, кооперации (Охотсоюз), поднимать оленное хозяйство, а вы вводите спирт и разрушаете левой рукой то, что создаете правой». Правда, времена уже не те, когда тунгус пропивал за спирт все свое хозяйство скупщику пушнины, «дружку», «тунгуснику» и обрекал себя на голод и нищету, но если и миновала опасность экономического закабаления, то спирт еще надолго останется передовым редутом бескультурия на Севере.

Если в центральных районах Советского союза спирт, водка появились как уступка, чтобы не дать крестьянину одурманиваться жесточайшими самогонками и хищнически губить хлеб, то в Охотском крае тунгусы, очевидно, смогли бы прожить и без спирта. Они не выработали, так сказать, стихийным порядком никакого спиртного суррогата в те времена, когда у них не было спирта. И это, когда по берегам Охотского и Берингова морей туземцы деятельно опьянялись суррогатами. Даже на Командорских островах, как отчитывается Л. И. Кулагина, зюйдоваренье из сахара, корешков папортника, сока ягод и хмеля — настоящее и первейшее зло для туземцев-алеутов. «С 12 лет пьют зюйду и жуют лемешину, а девочки с восьми лет становятся женами».

Только соседнее тунгусам корякское население и может быть в малой мере горные тунгусы пьют иногда настойку из невинного с виду красного с белыми крапинками гриба.

Страшно и мерзко о такой картине подумать, вспомнить, представить. В берестяном своем шалаше трое людей тупо и напряженно глядят друг на друга и главным образом двое на одного. Тот пьян. Мухоморовая настойка отравляет его сознание. Вначале он пел о том, что видел кругом, потом и петь перестал: пьяная одурь завладела им, а те двое, напротив, сидели молча и, не отрываясь, глядели на него. Вот он встает словно по делу. Хитрость задумана, но сознания нехватает ее выполнить; он подхватывает свою кружку и идет вон из урасы. Те двое за ним. Раскочерчив ноги, он пьяно пытается мочиться в свою кружку, а те двое перебивают друг друга, подсовывают сзади свои чашки.

Красный с белыми крапинками гриб передает свой яд через мочу. Они напьются, и такая же блаженная тупость охватит их. Для мухоморного пьяницы не нужно собеседника, потому что он сам по себе, сам с собой и со своими мухоморами разговаривает, передразнивает и пр.

Я пишу об этой мерзости потому, что это самая открытая, самая крайняя форма пьянства, когда образ и подобие человеческие потеряны, но которая вовсе не так уж далека от лихой ухарской мерки «в дым, в маму и в компот».

Шестые сутки не просыхает, лезет ко мне и прочим «старый кронштадтец» — рыбак с наших русских промыслов. Мы на пароходе, он бузит, мешает работать, нет от него прохода.

— Твое которое дело? — вскидывается он на мое замечание.

— Мое, — отвечаю я, не игнорируя безграмотность его вопроса. — Мое? Первое, первое мое это дело, первейшее дело твое и мое, чтобы ты мне бездельем работу не подрывал.

Удивительно, как фразы целиком застревают в сознании пьяных. Он просыхает, наконец, и на утро справляется у меня, какое такое у меня с ним первое дело.

С каждым годом, говорят, все уменьшается процент пьяного прооя перед отправкой на камчатские промыслы.

ГЛАВА IX

У ТИМУРА, наиболее популярного среди советских писателей монарха, было министерство путешествий. При досужей или работающей профессионально фантазии не трудно представить себе и прочим деятельность этого учреждения.

В прохладных залах Ак-сарая мог Тимур слушать доклады о странствиях.

Романтический-пропагандистские бредни европейцев: у славной Венеции кораблей, что песку морского.

Сжатые путевки паломников: здесь отшельник, тут святой, здесь помолился, там забыл.

Но у Тимура не было якута министра путешествий, и в этом он оплошал, ибо якута и в XIV веке можно было достать. А он, он создал бы Тимурю потрясающий стиль путевого дневника. Не болтливый, — «в дороге надо беречь не только необходимые вещи, но и самые названия их»¹, — изысканный (Тимурю можно было) и специальный. «У якутов известно не менее двух совершенно различных дорожных языков»: каждое слово подставное, каждое — на худой конец метафора. У якутов же есть и еще одна пре-

¹ Зеленин П. К., Табу слов у народов восточной Европы. Сб. МАЭ. VII. Л-д. 1929.

лесть — путешествующий бес, вернее дорожный дух. Имя его по-русски неблагозвучно: «суол иччитэ». Вероятно, это он расправляется с завравшимися корреспондентами.

Якутский язык выполняет в Охотском крае функцию французского языка в дворянском обществе прошлого века в России¹. Знать якутский язык не только шикарно, но и полезно. Я его не знаю.

Мы сидим в Охотском доме туземца. На стенах кооперативные лозунги по-тунгусски.

Кооперация в Охотском крае в основном определяется постепенным переходом от функций потребительской кооперации, через кооперативное товарищество охотников, к интегралу. Снабжает кооперация через торговые отделения в оседлых пунктах, через раз'ездные торговые экспедиции (невыгодно для туземцев) и на ярмарках. На 1 января 1928 г. Охотский административный район дал 920 членов.

Мы сидим под самодельными тунгусскими лозунгами и плакатами о фабрично-заводской безопасности издания Иваново-Вознесенского соцстраха. Петр Громов, молодой сказитель, рассказывает сказку. Для меня переводит ее иногда сам сказитель, сначала на якутский язык амурскому тунгусу, не понимающему местного диалекта, а потом тот, инструктор Охотсоюза Лукьянов, переводит на русский. Иногда в дело перевода стихийно вмешиваются окружающие.

¹ Уже после того, как наблюдение было высказано, я встретил в литературе почти буквально то же: «В бытность Врангеля в Якутске в светском обществе господствовал якутский язык, игравший (XIX в.) здесь ту роль, какую играла французская речь в тогдашних салонах Москвы и Петербурга». Мое же замечание относится к тунгусской бедноте, так как в «светском обществе» на Севере мне бывать не доводилось.

Мелколинейная лампа со сломанным стеклом едва позволяет мне записывать. В комнату нашло множество тунгусов, пожилых и молодежи. (Их много; с открытием Охотского дома туземца тунгусы покончили с неоплатными долгами местным жителям за ночлег.)

Временами собравшиеся шикают друг на друга. На меня смотрят с одобрением. Огоньки закуриваемых трубок освещают разнообразие обликов манчжуро-тунгусского типа. Рассказчик временами резко и страшно меняет голос. Оригинал сказки чудесен, я думаю. Но якутского я не знаю. В переводе, да еще в двойном, да еще подозрительно сокращаемом иногда моими любезными толмачами — остается ли что-нибудь от оригинала?

СКАЗКА О ТРЕХ ЛЮДЯХ

Жили три человека, которые всегда, все время охотничали, каждый по каждому¹ зверю. Первый — на сохатого, другой — на горного козла, третий — на «согжой»² — братья были. Однажды пошли на охоту, средний возвратился вечером и возвратился младший, а старшего потеряли и ждали до самого утра.

Самого старшего имя было — Ирканмыл (дерево с ободранной корой), среднего — Хельникан (железо), младшего — Хенианы (тень).

Старший брат как потерялся — три месяца прошло. Опять собрались³. Пришли⁴, не поели даже, легли спать. Утром младший проснулся, смотрит — на постели нет среднего брата. Куда ушел, неизвестно. И вот он один

¹ Разному.

² Дикий олень.

³ На охоту.

⁴ Вернулись.

когда остался, никуда не идет. (Голос страшно меняется, рассказчик поет.)

Одно время сильно опечален был, окружен разными мечтами и вдруг слышит голос человека с небес.

— Ты, говорит, дружище, сидишь и мечтаешь, что братья твои, куда потерялись, и не ходишь на охоту.

Вот он остался один. Вот младший брат как песню услышал, на одеяло лежался¹ и три дня на одеяле ночевал. Потом встал, потом взял стал стрелку делать, сутки делал, потом ночевал, потом на большую речку вниз речки ушел. Так далеко ехал. Такое большое чистое место нашел — тундра. Как в городе, все равно, смотрит домов двадцать. (Голос опять меняется на пение, на этот раз безвыразительное; этот абзац переводит сам певец-сказитель.)

Когда дошел, тут разводится пляска. Из большой юрты выходит местный человек — хозяин.

— Что, говорит, вы плясаете цельную ночь? — А пришедшего спрашивает. — Откуда идешь? — Когда спросил, этот отвечает:

— Из далеких местностей иду, проголодался, хочу покушать.

— Почему к нам не заходишь, если желаешь переселиться к нам в земли? — После этого поел он всего угощения достаточно. Взад-вперед походил вокруг их шалашей и: «Давай-те, говорит, со мной поиграем в кое-что, в какие движенья».

После этого, когда на стрельбу вышли, стрелять стали луком. На вершине рек есть там сопка, гора.

— Кто, говорит, будет лучше стрелять, а? Гору кто развалит?

Первый стрелял местный хозяин, в верхушку попал — пыль только пошла.

¹ Ложился

А кто спрашивал¹, то начал стрелять; так в середину попал — гора развалилась, как тундра стала ровной.

Вот местный хозяин и говорит: «Такой вы надежный человек». (Дальше переводят другие, главным образом Лукьянов.)

Вот они жили долгое время. Сколько дней жили². Потом житель-хозяин говорит: «В другую местность хотим итти, на самый низ реки уехать хотим».

Потом около устья, слышат, борьба идет. Доехали, смотрят — три человека. После этого был один из них Ирканмыл и борется с двумя людьми. Как потерялся, все бьется.

Вот как брата различил, так говорит: «Обессилел я, помоги». Наводит на них брат стрелу, начинает стрелять. После этой, значит, стрельбы — не попал, начали бороться. Старший брат ушел, а в рукопашку как стали местный житель-хозяин и младший брат³. Когда этот младший выстрелил, ранил в бедро и вторично стрелил и в лучевую руку стрелил. Захватывает шею, а сердце и печенку из желудка вырвал и привязал себе к поясу⁴. На второго человека смотрит — подавил тот жителя-хозяина.

Хенианы подходит и за глотку берет, и несколько дней боролись и победил, и к поясу.

Теперь идут к себе домой.

Когда идут, встречаются тоже дом, где тоже дерутся. Там средний брат Хельникан и три там с ним человека

¹ Пришелец.

² Тунгусы счетом дней не занимаются: «Когда солнце восходит, говорю — день, когда солнце заходит, говорю — ночь».

³ Борются.

⁴ Я, боясь, что здесь большой пропуск в переводе, решаюсь прервать сказителя. «Как же он печенку из желудка вырвал, еще что-нибудь делал? — Живот изорвал, печенку вырвал».

дрались, после чего начал говорить¹: «Я не в силах, состоянии драться с тремя богатырями, спаси ты меня».

Пришел на помощь, как брата узнал.

Средний пошел домой. Начали с этими людьми. Когда победителями стали, прогулку сделали. (Голос поет высоко, одичало и вместе с тем на редкость привлекательно.)

Женский голос слышат. Она поет так, сидя на олене верхом:

— Вы, говорит, стали победителями, теперь давайте, догоняйте меня.

Сказка длится без конца. Тунгусы ночами и ночами изукрашивают и говорят сказки. Веки мои слипаются; потом я запишу ее до конца. Свет, скудный свет сквозь треснутое стекло гаснет.

В темноте мы бредем из Дома туземца.

В брошюре о тунгусах Харузина упорно пишет: тунгус одет так-то и так-то, тунгуска так-то и так-то, а какой это тунгус, она не обращает внимания. На бедняке-тунгусе никаких этих вышитых и расшитых одежд и мехов нет; одет он в старую ровдугу, рваную и заплатанную. Красующихся в музеях «тунгусских одежд», затканых бисером и тщательно изукрашенных, у рядового середняка-тунгуса не встретишь, да я их и вовсе не видал.

За Становым хребтом тунгусами, ламутами и юкагирами установлены приблизительно одинаковые типы построек. Русские камчадалы и якуты не переходят на кочевой образ жизни, а наоборот, тунгусы к оседлости переходят. То, что называется русскими «ураса», — типичное жилище кочевника, представляет собою, если приглядеться ближе, не один, а несколько типов жилья, материал кото-

¹ Увидов младшего брата (А. М.).

рого разнообразится в зависимости от сезона. Способность тунгуса к легкой ассимиляции, смешению с окружающим народом, сказывается и проявляется в жилище. Все без исключения лено-киренгские тунгусы имеют избы, построенные по русскому типу. Это главным образом зимники. Тут же во дворе может быть и летник — типично тунгусская ураса — юрта, крытая берестой или брезентом.

В Охотском крае в летний сезон я повсеместно встречал только урасу побогаче или победнее, покрытую брезентом или заплатанную ровдугой и дрелью.

Диаметр урасы от $2\frac{1}{2}$ до 5 метров. В узкую, до двух третей метра, верхушку этого конуса уносится дым из очага, обложенного кирпичами в форме буквы П; над очагом всегда висит котелок или чайник на шесте, на нем же просушивается одежда и вялится рыба. Матерчатая дверь — маленькая, с поперечными палками, чтобы захлопывалась. Зимой жильем часто служит палатка с железной крохотной печью; если это зимовье бревенчатое с бревенчатым полом, то в нем есть даже окна, зимой ледяные, реже из промасленной рыбьей шкуры или бумаги. В таком зимовье устраивается камин — желобообразно согнутый железный лист и на него другой, трубкой, или же он делается из коры и обмазывается глиной. Все это ставится на квадратный засыпанный землей сруб... из хвойного леса.

Смолу хвойных деревьев камчадалы и тунгусы жуют, как американцы свои ароматические резинки, в помощь пищеварению, для очистки рта, для укрепления зубов.

Отдельные этнографы уверяют, что тунгусы не любят овощей, и однако наши частые гости кочевники всегда с удовольствием угощались разной зеленью, которую мы им предлагали. Не едят охотские тунгусы вполне съедобных грибов, зато тунгусский олень пожирает их во множестве. У бедняков на побережье Аян-Охотск оленье мясо — ред-

кость. Основной пищей остается все-таки юкола — сушеные бочки рыбы, без костей, с поперечными надрезами до кожи для лучшей просушки. Юколу едят как она есть или поджаривают на палке над костром; бывает, что обмакивают ее в нерпичий жир. У зажиточного тунгуса всегда есть ульта (уттля) — порошок из сушеной, сырой или вареной рыбы, а зимой строганина — замороженная, нарезанная без костей рыба, строганная тонкими длинными пластинками (стружками).

Сутрап — мука, поджаренная на нерпичьем или медвежьем жире, редко попадает к столу бедняка; зажиточные едят ее вместо молока, подсыпая в чай. В чай подсыпают и толкушу, ягоду, смешанную с нерпичьим жиром и ультой (порсой).

Хотя бань у тунгусов нет, но умываются они нередко; утром любят мыться с туалетным мылом, запуская его в глаза, что считают полезным лекарством. Руки моют, набрав в рот воды и выпуская тоненькой струйкой. Волосы на лице многие выдергивают специальными щипчиками, но татуировки я уже не встречал и только слышал, что раньше кожу на лице прошивали свежеекрашенными нитками, так что краска сходила с нитки на кожу.

Чай — едва ли не главный продукт потребления тунгусов. Иногда они целые дни сидят на одном голом чае и во вкусе чаев разбираются весьма тонко.

Ханькоуский чайный плантатор, иркутский первой гильдии купец Молчанов, терпел, терпел на своих плантациях англичанина-дегустатора с жалованьем в 2 тысячи фунтов в год, и наконец купеческое, хозяйское прорвалось — сам буду! Действительно, двадцать лет подряд пробовал он все чайные пробы, а англичане выдерживают не больше 3-5 лет подряд и уезжают с капиталом и навеки испорченной теином печенью. Печень первой гильдии выдержала 20 лет.

Аркинские тувгуски (достаточное середняцкое хозяйство).

Тунгусы — прирожденные, наследственные дегустаторы; если средства позволяют, тунгус будет всегда пить крепчайший исчерна-бурый чай. Местные администраторы уверяют, что за таким одурманивающим чаепитием тунгус забывает обо всем другом, но вся эта чайная метафизика представляется явно сомнительной. Товарный набор тунгуса состоит и в чае, и в табаке, и в муке, и в сахаре, и в мануфактуре — это основное (кроме огнеприпасов, разумеется). Но пристрастие к чаю все же явное. От Аяна до Охотска предпочитают кирпичный чай (марки «Олень»), от Охотска на Олу — байховый. На ярмарках в старое время тунгусы до покупки внимательно пили «пробные» чаи у купцов. Про бродяжных любителей зайти выпить чайку тунгусы говорят: «Плохой человек — сам чай не варит, а ходит разный палатка пьет чай».

Табак тунгусы курят смешанный — листовой, махорочный, а если случится, что где-нибудь в тайге, в горах на белкованьи выйдет табак вовсе, то искрошит ножом свою трубку, насквозь пропитавшуюся табачным соком, разотрет и курит из новой трубки остатки старой. Хорошие трубки делают тунгусы из березовых наплывов. Я привез трубку из мамонтовой кости, с оловянным орнаментом по резьбе. Трут, кремь и огниво почти вовсе вывелись. На кресале, приобретенном мною у зажиточного тунгуса Василия Ильича Громова, насечкой (его работы) по двум серебряным пластинам изображены, якут верхом на лошади и зверь, похожий на абиссинского льва или какое-то животное, стилизованное духовным художником. Его же работы видел я насечку с цветочным орнаментом по серебру. В Охотске множество «шаблонов» звериного (оленьи рога) и растительного орнамента видел я потом у дочери С. И. Расторгуева, отлично работающей вышивки и всякие украшения на тунгусские ярмарки. Мне осталось неизвестным,

пользуются ли сами тунгуски «шаблонами» и названия их. Женщины выдѣлывают шкуры кислым молоком и наносят орнамент вытравливанием шерсти. Бересту женщины вываривают до крепости, близкой к коже. Широкие квадраты бересты сшивают ровдужными¹ прокладками — такие ширмочки обвиваются вокруг урасы, одна перед другой с заходом, и вода не проникает внутрь жилья. Кисеты, перчатки, суконные верха торбазов вышиваются шелком и шерстью тем же тунгусским орнаментальным узором.

Несложен женский рукодельный инструментарий, но так же смешан, как и многое в туземно-русском быту: жильные нитки и обычные металлические иглы и пупырчатый наперсток.

Наперсток — разгадка, а загадка — «живот старушки шереховат». Игла с ниткой — разгадка, а загадка — мышь тащит свою кишку.

ГЛАВА IX

ЭТИ полгода мне суждено жить на задворках двух языков. Мои японские клиенты — рыбаки, говорят на северном цугарском диалекте японского языка, на языке, исполненном шипящих и свистящих, летящих и сипящих и нивесьть каких еще. Чистоговорными японцами этот язык презрительно именуется «дзадзубэн».

А как у охотских камчадалов язык назвать, это и придумать трудно. В общем японцы и камчадалы говорят на северных отбросах своих языков. От гнусавого камчадалского цоканья и сюсюканья слова тяжело переносятся по воздуху, как раздобревшие ручные пташки певуньи в прош-

¹ Из самодельной замши.

лом. Действительно, был когда-то на Камчатке старинный русский язык, но все же давно это было, а теперь охотские камчадалы, потомки казаков-завоевателей, смешавшиеся с туземцами, считают себя каким-то особым племенем, а русских дикими, «полоумными».

Камчадалы наполовину кулаки, комиссионеры между туземцами и русскими или иностранцами. Особенно укрепились они в этой роли во времена интервенции. Ленивые и беспечные, предпочитающие не работать физически, а так заниматься чем-нибудь: компрадорством¹, комиссионерством, — камчадалы дни за днями проводят в разговорах на вечную тему — о своих собаках.

Весьма серьезным занятием считают камчадалы выклянчивание подарков у тунгусов. Камчадал едет навстречу тунгусу, собравшемуся на Инскую, скажем, ярмарку, камчадал снимает с себя образ и клянется страшными клятвами, что у него нечем кормить детей. В результате тунгус раздает в подарок половину своих оленей. Почтенное это занятие закреплено у камчадалов даже в особых терминах: «сердцевание», «выгашивание».

Прибрежное население, т. е. эти так называемые камчадалы, комиссионерствуют между кочевниками и торговцами. Функция эта до известной степени сохранилась. «Пионеры сельского хозяйства вырождаются в беззаботных охотников и рыбаков», докладывает комиссия по районированию тунгусов Охотского побережья. Причина — отдельные случаи обогащения рыбной ловлей или приисковым делом и гастролерство: живущие во Владивостоке приписываются к местным сельским обществам, обзаводятся для видимости даже небольшим домишком за 100-200 руб.

¹ Компрадорство — поставка провианта и прочего потребного материала европейским судам в Азии, главным образом в Китае, гильдией компрадоров-посредников.

и начинают каждое лето приезжать на рыбный сезон, уменьшая этим заработок местных жителей.

Головин писал о камчатских камчадалах очень занимательно. Он путешествовал среди них с комфортом. Но приходилось подлаживаться и льстить, чтобы не остаться без обеда и ужина: «Узнав от проводника об имени-отчестве здешнего тайона и жены его, я приветствовал их при самом входе моем в избу, а с тайоншей поцеловался, несмотря на то, что лицо у нее было очень замарано, или, лучше сказать, грязно; притом и пахло от нее несносно — сырою рыбою и тюленьим жиром. Учтивство мое очень понравилось всему семейству». В честь Головина было устроено празднество.

«Камчадалы, сев на кровать, все в кучу, поджали ноги и начали петь самые печальные или, так сказать, заунывные песни, которые все заключались в трех-четырех словах, коих значение они не хотели или не умели нам перевести; но странно нам показалось то, что в одной из сих песен есть припев: «Ай, вот тебе хрену, ай, вот тебе хрену». После песни началась пляска, которая состоит в подражании птицам и зверям; например, камчадал представляет охотника, а камчадалка куропатку. Он под песни к ней крадется, чтобы ее застрелить, а она кругом озирается и прыгает, как птица, стараясь от охотника скрыться. Напоследок, после многих покушений, он к ней подкрадывается и стреляет, а она падает и трепещется. Тогда он, подошед к ней, начинает ее ворочать и представлять, что щиплет с нее перья, а ошипав, делает вид, будто вынимает внутренность и пр., тем и пляска кончается». Или же: «Мужчина представляет медведя, а женщина медведицу, которые, увидев друг друга, сходятся, режут, кувыркаются, расходятся, опять сходятся, во всем подражая, сколько возможно близко, сим животным».

ГЛАВА XI

ЕСЛИ бы я попал на Улью не в 1929, а в 1939 г., — такая встреча была бы вполне естественной: через десять лет будет скромный трехсотлетний юбилей появления русских на берегах Тихого океана, и со всего побережья Тихого океана для юбилейных торжеств должно бы выбрать как раз эту самую Улью. У тунгусов календарная система поставлена отвратительно, их главным образом интересуют, интересовали вернее, праздники, а в остальное время день бесконтрольно сменялся днем; если не так накоплялась разница между старым и новым стилем, то именно так в русско-тунгусском стиле накопился излишек в 10 лет. Юбилей празднуется. Торжественно встречают прибывающую юбилейную комиссию на Улье. Я несомненно приехал на торжества или на подготовку к ним. Юбилей будет через 10 лет, к тому времени, возможно, будет проведена железная дорога Канск — Аян к Охотскому морю, а Волховстрой будет дедушкой советской электрификации.

Но все равно и на 10 лет раньше, в 1929 году, меня торжественно встречали на Улье. В прошлом столетии отмечена еще одна торжественная встреча в Охотско-Камчатском крае при чрезвычайно схожих и по началу несколько хлестаковских обстоятельствах. Американец Буш торжественно заявлял, что он не помнит, чтобы когда-нибудь на нем так сосредоточивалось общественное внимание, и приписывал это благоразумию и дальновзоркости камчатского общества.

Он утверждал, что быстрое, инстинктивное признание гения составляет характеристическую черту этого народа; при этом он выражал глубокое сожаление, что то же самое не встречается у других известных ему народов.

Меня принимают за председателя рика, не меньше, а быть может и ВЦИК'а. Стремглав бегут от своих островерхих шалашей «тунгусской готики», чтобы поздороваться, подать щепотью руку. А один даже подал две, лучше бы он совсем не давал — как зеленым мылом обляпала его

Внутри фактории — учитель Леонтьев и заведующий Юдин с семьей. трахома, но две руки нельзя не пожать — это знак особого внимания.

Скоро недоразумение выясняется.

За четыре следующих дня я напрасно искал любителя поздороваться со мной. Даже трахоматозный старик неведомо куда скрылся. Тунгусы однако с'езжаются на ярмарку.

Вокруг фактории, как на сцене без занавеса при потушенном свете растут декорации, ночью устанавливаются урасы бесшумно прикочевавших горных тунгусов.

Стаи непривязанных собак, без лая, без шума пробегут мимо фактории к вновь пришедшим, бесшумно станут стенкой друг против друга с поднятыми хвостами, но по взаимном обнюхивании разбегаются по отдельным кускам ночи.

В большом амбаре фактории, где мы спим, — товары и принятая пушнина. Бунты беличьих шкурок, снятых «чулком», с торчащим веселым пушистым хвостом, запыленные лисы, как напереченная яичница, и узкие длинные, до 8-10 четвертей, речные выдры. (Когда жесткие торчащие волосы выдерут, выщиплют и останется один «пух», — щипаная выдра на редкость красивый темно-шоколадный мех).

Время ночное. Ветер растаскивает обрывки тучи, как дерущихся собак. Они иногда возвращаются и клубятся опять вместе, но постепенно с моря на небо, с неба на землю нагоняет такую ясность, что деваться некуда, и, принужденный выйти на минуту из амбара, крадешься, как лунатик, вдоль стены. А кому на тебя смотреть? Высокий, песчано-травянистый мыс над морем, где фактория, и легкие жилища ярмарочных гостей с трех сторон окружены морем.

Оказывается, Охотское море не лишено юмора. Оно прикидывается лунным, галантным, любовническим морем (итальянским подданным) и, куда там, охотско-адриатическим Сорренто, как приблизительно схоже выразился некий устойчиво молодой поэт, вернувшийся из заграничной поездки.

Совершенно неожиданно начинается пляска. Два круга. Маленький — женский, девушки, друг дружку под руки, локти торчат назад, пальцы в пальцы, медленно отодвигают левую ногу и приставляют правую.

«Харэ, харэ, харэ;
хаурнгай, хаурнгай, хаурнгай;
хаддэ, хаддэ, хаддэ;
харадо, харадо, харадо»¹.

В большом круге те же выкрики громче, те же движения быстрее сменяются быстрыми высокими прыжками вверх, сразу в две ноги. Скорей, скорей. Скорей, скорей,

Школу-интернат сами создали, срубили, наладили, и дело идет.

скорей; хууа, хууа, хууа — несусь угорело вместе. Из-за высокого своего роста подбрасываю подмышки тех, кто рядом.

Хурья, хандэ, хайдо.

¹ Смысл этих выкриков танцующим непонятен. Лингвисты найдут в них искаженные якутские слова (?).

Просыпаются, выходят старики, скачут немного вместе. Но не выдерживают. Круг уже один — мужской и женский. Но истощились силы. Такая усталость. Я иду спать.

Утром красноармеец-пограничник Марченко умывается. С намыленным лицом он бренчит билом рукомойника.

— Ну их, до света хадэкали. Сна на них нет/ леших скачущих.

ГЛАВА XIII

Дорогой Коля, учитель Леонтьев Николай Леонидович. Пороху можете ли нам прислать пятнадцать фунтов, а может быть меньше.

Из письма тунгуса ульинскому учителю¹.

ДЕТСКИЕ рисунки изображают нарту, запряженную одиннадцатью собаками, отца, мать и всех близких на охоте. Фигуры лишь приблизительно похожи друг на друга, но ребенок различает. Рисовально-графический примитив тунгусов и ламутов очень интересен и близок новейшим постэкспрессионистским течениям в Европе. Красками не пишут. Скульптуры, т. е. резьбы по дереву и кости, почти вовсе не знают. Она появляется дальше к се-

¹ Можно проследить, что откуда взято. Дорогой Коля — обычно зовет товарища заведующий факторией. Улья, учителю Леонтьеву — так пишется адрес на конверте; называть себя меж русских по имени и отчеству любят даже подростки. При одной на участок (или род) фамилии — это единственное отличие друг от друга. На Улье почти все Громы. Во время оно авторы имен и фамилий, миссионеры, за фамилии ничего не получали, за имя же издавна и по сию пору — 10 белок, за мужское или женское безразлично.

веру, у коряков. Думается, не последняя причина то, что у тунгусов нет материала, нет моржевых бивней и мамонтовой кости.

Тунгусские дети способны к рисованию и грамоте. Счет дается им труднее. Учитель Леонтьев появился там среди зимы. Он сам вместе с заведующим факторией Юдиным срубил и поставил школу. Назначили и за месяц оповестили — на 20 января везти детей. Отозвалось около 20 тунгусских семейств. (Часть родителей оказывала этим любезность и одолжение государству и властям.) Прочие тунгусы говорили: «Ну, будет «нерикан» учиться, ну, кто будет, однако, улики марам, хуличан, дюкон марам (мадим)»¹.

Ребят от 9 до 15 лет, мальчиков и девочек приблизительно пополам, привезли в мороз и страшный ветер в одних рваных ровдужных курточках и штанишках, в рваных торбазах. Учитель был в отчаянии, уверенный, что детей привезли на смерть, что они не выживут и недели. За зиму никто и ничем не хворал. Из тех скудных средств, что удалось добыть для маленького интерната (с января по июль, без зарплаты учителя, весь бюджет школы — 2759 рублей) ребят одели (материал приобрели тут же, в фактории), учитель остриг их и приступил к мытью. Приступил, так как это действительно сложное дело, психологическая и даже идейная подкладка которого горным тунгусам чужда. Они никогда не моются², а мытье и об-

¹ Если мальчик будет учиться, кто будет бить белку, лисицу, выдру.

² На ульинской ярмарке я видел, как тунгусы покупали простое мыло, очевидно для стирки. Мыться с туалетным мылом некоторые тунгусы очень любят, долго моются, набрав полный рот воды и выпуская ее струйками.

ливание горячей водой тем более кажется им каким-то добровольным ошпариванием и если не издевательством, то во всяком случае вредными причудами русских. Но так или иначе учитель справился. Труднее было с девочками, которых мыла сторожиха-камчадалка, сама неповинная в тигиснических навыках. Справился учитель и с паразитами, которых, вопреки сообщению доктора Оптовцева, уйма у тунгусов. О вшах тунгусы говорят: «Из тела выходят, когда потеешь и от разных причин».

Можно было заниматься и работать, но как? Молодой учитель, приехавший с Амура, не знал тунгусского языка; дети не знали русского. Расспросив кое-что у Юдина и доброжелательных тунгусов, учитель собрал детей в единственную комнату школы. Они сидели немного испуганные, но внимательные, тихие.

— Гырба (имя)? — спрашивал он по очереди. Это ребята знали. Они крещены. По 10 белок за имя — фамилия же у них общая. Учитель ходил, проделывал разные движения, брал вещи и все называл по-русски. Дети начинали привыкать и заинтересовались этой игрой. В букваре он показывал им картинки и тоже называл: «Птица сидит на дереве». Дети хором кричали по-тунгусски: «Тыфкочан та-уйтэн моду», и потом старались запомнить по-русски. Им нравилась эта игра — сказать одно и то же по-равному.

Быстро появилась школьная дисциплина.

— Хи илли (ты встань), — говорил учитель, и мальчик отвечал стоя.

— Хи тегли, — и он садился, удовлетворенный — ответил.

Тунгусские дети сидят на уроках тише русских крестьянских детей Амурского округа, говорит учитель. Он занимался с ними по 45 минут подряд, и ребята не уставали. В перерыв он устраивал пляски, русские хороводы,

неизменно переходившие в «хадэканье», а в праздники — состязания по стрельбе. У меня лежат тетрадки тунгусских школьников. После 5-6 месяцев обучения они знают все буквы, подписываются, некоторые сами немножко пишут. С цифрами сложнее: «Труд и счет» не постигаются так легко, как букварь «Первинка». Числовой круг горного тунгуса невелик. Он легко считает до 10: умын, дюре, илан, дыган, тенган, натан, тянкан, уюн, чжан (10), 11 — чжан дук умын, 20 — дюр мэр или чжан дюр и т. д., 100 — яма. Но здесь и кончаются тунгусские числительные, и для тысячи они уже употребляют — тышша, т. е. собственно тысяча.

Очевидно, эти цифры понадобились и выработались при сношениях с русскими.

Однако Клапрот в «Asia poliglota» давал и 1000 в числительных у охотских тунгусов. Сто, по Клапроту, — «nja-mal», тысяча — «men djamal». Возможно, что сто лет назад, во времена расцвета Охотска — единственного порта на Восточном океане, тунгусы и выработали искусственно название для тысячи, но оно не укрепилось, так как в оборот его приходилось пускать редко.

Очень интересно, что фамилия Владимира Ильича далеким народам Севера мнемонически становится дорогой и близкой по букварю, недавно выпущенному для малых народностей Севера. Букварь связывает на двух смежных страницах чукотские и эскимосские рисунки оленей и надписи крупным шрифтом: «Олени... все олени в лесу», «Олени и лоси» и большой портрет (головной) Владимира Ильича с подписью еще более крупным шрифтом, чем олени — Ленин. Букварь толкует ребятам о понятных вещах. На букву: Ъ: «Если ЪЪ не ЪЪло рЪЪЪ, у нас не ЪЪло ЪЪ едЪЪ». В букварь введены некоторые оригинальные приемы, развитие способа фонетического воздействия —

аллитерации: «Зайка на заимке» Э-з-з-з. Очень уместен в букваре отрывок из песни о Гайавате.

Ульинская школа-интернат еще молода, на ней еще не отчетливо виден рост самосознания у туземных ребят под влиянием учебы, но вот Леонов пишет, что «на Югае завхоз интерната (уроженец Москвы) разорил как-то гнездо лебедя.

Ребята возбудили целое дело. В стенгазете появилась заметка о нем под заголовком: «Дикарь из Москвы». На общем собрании постановили: «Лишить завхоза права пользоваться казенными ружьями и обласком (челноком)».

Завхоз просил прощения. Перед затмением в июне 1927 г. ребята разослали из школы в свои юрты пояснительные листки, предупреждавшие о затмении.

Совершенно ясна необходимость практического ремесленного уклона в школе — научить вязать сети, показать метод обработки стандартной пушнины, сырья, продуктов оленеводства и пр.

Нужны клубы или кружки воспитанников интерната по выращиванию овощей, по травосеянию, выращиванию сельскохозяйственных животных, рациональному уходу и кормлению животных, по культуре северных ягод, лекарственных растений и т. д. Специалисты-североведы обычно указывают еще на возможность северного пчеловодства, промышленного маслоделия и сыроварения. Но это дело будущего.

За последние два-три года стало заметным появление молодой тунгусской интеллигенции. На Ленинградский рабфак северных народностей и в Хабаровский педагогический техникум посланы в 1926 г. 10 человек, 1927 — еще четыре и в 1928 — еще четыре на туземный рабфак во Владивостоке. Посылают на учение по выбору и по ре-

комендации туземного собрания. Обыкновенно лет 19-20. До сих пор посылали чаще мужчин. Те, кто плохо читает и пишет, поступают на Ленинградском севфаке на подготовительные два курса, хорошо грамотные — на основной, 4-годичный. Самое характерное и практически нужное — подготовка производится на основании материалов, поступающих с мест. Специализируются с третьего курса, главным образом по кооперации и школьному делу. Контракция существует покамест только по линии кооперации, но спрос на своих туземных работников на местах настолько значителен, что далеко не покрывается подготовляемыми кадрами.

Конечно, на местах не обходится без сопротивления, особенно со стороны стариков, но победа чаще остается за молодежью, так как тунгусы не глухи к силе ораторского красноречия и логики.

Я и сам заметил летом 1929 г. на одном туземном родовом собрании необыкновенную склонность тунгусов к некоторым формам общественной жизни, например к выступлениям на собраниях и многоречивости. То же подтвердил мне И. Г. Соболев, работавший с тунгусами и в Охотском крае и на севфаке. Пожалуй, еще больше говорит за значительность общественных наклонностей у тунгусов то, что в Охотском крае издавна существует коллективная эксплуатация частной собственности. Все охотники крупного стойбища пользуются, например, автоматическими магазинными ружьями одного или двух тунгусов. Пользуются общинно водными транспортными средствами — долбленными батами, неводами, у оленеводов зачастую пастбищами.

Не у всех тунгусов есть отдельное жилье — бедняки и нетрудоспособные живут в чужих. Есть и специальные жилищные сообщества. Часто тунгус принимает такого сожи-

теля в одно время года, а в другое время года сам вынужден идти жить к другому тунгусу. Несомненно, что среди тунгусов сохранился взгляд на жилище как на общественную собственность: «Если хозяин найдет остов своей урасы занятым другими, то уступает его пришельцу, а себе устраивает новый».

Эта склонность и глубокая расположенность к коллективистическому началу у тунгусов прочны и бывали не раз причиной насмешки со стороны солидных ученых. Так, в прошлом веке Миддендорф писал:

«Привычка ветреников — в течение последней трети года странствовать сообща от одного торгового пункта до другого, расходясь кое-где на пути, чтобы мимоходом заняться ловом. Затем вскоре опять сходятся. Такое странствование сообща представляет непрерывные легкомысленные кутежи, на которые всякий, у кого есть что-нибудь, должен вносить свою долю до тех пор, пока у него ничего больше не останется: никто не оставляет компании до тех пор, пока весь запас не истощится. При таком коммунистическом хлебосольстве горше всех приходится солидному европейскому путешественнику, экономно рассчитавшему все для себя и для спутников своих».

Так, за скуповатым и растерянным Миддендорфом следовал все увеличивавшийся караван, обстоятельно, но и не без ужаса им описанный.

Тунгусы, студенты севфака, на ряду с передовыми его учащимися принимают участие в общественной работе и вне стен севфака: в секциях райсовета, работают в районотделе, есть делегатки. Тов. Соболев рассказывал, что сам видел на севере тунгуса, не знавшего ни мыла, ни белья, грязного, как все те, кто носит ровдужную одежду, покуда не сноится. Через год учения и жизни в Ленинграде — перемена разительная, чудесная.

Культурные навыки сделались чем-то священным.

— Одного дня не могу без зубной щетки,— говорит Соболеву тот же туземец, впадая даже, по мнению товарища, в некоторый педантизм.

Еще одна интересная особенность поражает советских просвещенцев, работающих с тунгусами, учащимися севфака: способность разбираться, легко ориентироваться в таком, в сущности, громадном городе, как Ленинград, несколько не чувствовать себя «деревенщиной» и ни в коем случае не теряться. Эта способность — врожденное тунгусу-охотнику голубиное чувство, одно из новых (не то седьмое, не то восьмое), чувство ориентации, которое позволяет ему держаться в дичайшей тайге и на горах, как в четко распланированном городе. Тунгус-охотник оказался чрезвычайно склонен к военным занятиям, и та же любовь к оружию приводит его к живейшему интересу, к технике и механике современного производства. Тунгусы едва ли не самые любопытные курсанты и легко усваивают объяснения. Жажда к учению ненасытна. Вместо одного обязательного политкружка — большинство в двух-трех, и учебная часть севфака даже озабочена разгрузкой их. Состав партийный — процентов 10, но более 40% активных комсомольцев, усердно посещающих кабинет партработы и консультацию по партлинии. Особенно характерно в жизни тунгусов, оторванных учением от родины, их деятельное участие, издали, в судьбах своего края. Их Северное объединение обсуждает также и вопросы, касающиеся управления туземными областями. Так, именно рабфаковцами был поднят вопрос о выделении туземного суда из функций туземных советов.

Комитет Севера счел возможным согласиться с мнением компетентных товарищей и вынес на пленуме соответствующее решение.

Тот же северный кружок требовал перемены официального названия туземных племен, например самоедов¹. Эти названия даны туземцам их враждебными соседями и остаются совершенно чуждыми туземцам. Эти чуждые имена должны быть заменены собственными самоназваниями каждого туземного племени. Для тунгусов такое самоназвание — эвенки.

Как далеко все это от тех сравнительно недавних времен 1913 года, когда Пекарский писал:

«Из описанных тунгусов грамотных было только два, да и для них грамотность при невозможности применить ее была совершенно бесполезна».

Вот единственный сохранившийся памятник просветительной деятельности царской администрации среди тунгусов:

«Редакция «Якутских Областных Ведомостей». 26 августа 1892 года. № 526. Макагырскому родовому управлению, Господин и. д. губернатора циркуляром от 28 декабря 1891 г. за № 3509, сообщая всем присутственным местам, учреждениям и должностным лицам об издании с разрешения начальника края в 1897 г. «Якутских Областных Ведомостей», просит их следуемые за высылаемое издание «Ведомостей» 6 р. 50 к. в непродолжительном времени внести в Якутское казначейство для зачисления в специальные средства областной типографии»... Не только макагырцы, но и бродячие кюрбюгдинцы должны были приобщиться к европейской культуре при помощи «Областных Ведомостей», внося «узаконенные» 6 р. 50 к. в год.

И это при отсутствии не только грамотности, но и знакомства с русским языком. До сих пор сохранилось влия-

¹ Самоеды происходят как будто от сходного финского слова, но в данном случае я привел самоедов просто как общий пример «не самоназвания».

Тунгусская девочка наблюдает за нашими переговорами.

ние всего этого на подавленную долгим пренебрежением психику пожилого тунгуса. Уполномоченный по туземным делам сообщил, что бывают тунгусские родовые собрания, единственные за год, где все-таки почтенный председатель не знает, о чем ему говорить с своими родичами.

Много потрудились и трудятся для создания новых кадров энтузиасты-просвещенцы, работающие в этой дикой глуши по несколько лет. На ряду с огромной практической работой они собирают и ценные материалы по духовной культуре туземцев и даже отчасти обрабатывают их (в 1927/28 г. составлялся словарь на двух наречиях). Учитель на стойбище Арка (100 с лишним км вглубь от Охотска), Ткачик рассказывал мне, что в прошлом году хотел уехать окончательно.

— Так почему же вернулись?

— Не могу, как стали прощаться — тунгусы говорят: «Приедешь. Обещание сделай». Я обещал и не мог их обмануть.

В мягком плетеном кресле на спардеке океанского парохода сидит девушка-тунгуска с р. Ульи, едущая в центр Советского союза на учебу. Дело происходит в порту Отару, в северной Японии. Молодой человек неопределенной профессии приехал на борт нашего парохода с фотоаппаратом и щелкает направо и налево. В частности он интересуется автором очерка. Я соглашаюсь подвергнуться сниманию на условиях, что если и будет моя карточка в завтрашних газетах, то я согласен на любые к ней комментарии, кроме «Задержание главаря большевистских банд в Японии» или чего-нибудь в этом роде. Молодой человек всячески отрекается — он не журналист, не полицейский, но... позвольте снять.

Тунгусская девочка наблюдает за нашими переговорами.

★ ★ ★

ГЛАВА XIII

КАМЧАТКА — «собачье царство». Это, как говорится, каждая собака знает; там и законы собачьего житья-бытья вполне царские. Прежде всего и перед всем голубая кровь и белая кость — это понятие, впрочем, обслуживается термином попроще. Закон таков: на Камчатку запрещается ввоз собак, чтобы (или, как пишут в ленинградских трамвайных грамотах, «дабы эти лица»), не перемешались меж собой и не испортили породы. Камчатский пес — обычно черный с белой грудью, а иногда и с белыми отметинами на ушах и лапах («носочки» — по терминологии собаче-выставочных дам). Пес остроух и несколько ниже, шире немецких, эльзасских и прочих овчарок, столь ценимых европейскими кинологами. По совету путешественника Толя северо-восточные собаки-производители доставлялись на Белое море. Мохнатые колонизаторы отбыли с запасом «кисленькой» рыбки, т. е. аргыза, рыбы, сваленной во время большого хода в землю и там «сопревшей», — излюбленным песьим блюдом. Они дошли до Архангельска в большом порядке. Путь был долог, и они с естественным жаром и пылом принялись за разрешение порученных им проблем, в которых, кстати, жар и пыл — не последнее дело.

В одиннадцать часов вечера часовладельцы Охотско-Камчатского кр я проверяют свои хронометры по началу собачьего концерта. Каждая страна — так начал бы резонирующий юморист — имеет свои особенности: непременно привел бы в пример утилизацию мешанами города Кенигсберга своей знаменитости — философа и девственника Канта, по прогулкам которого ставили часы. Но если вдуматься в этот вопрос, право же все петухи, колокольни, пушки и пожарные вышки сдают перед собачьим времяис-

числением в Охотско-Камчатском крае. Камчадалы устраивают и экстраконцерты своих собак и доходят до крайней ажитации в покровительстве отдельным солистам и ансамблям — упряжкам. Они различают и голосовые тембры, воевые нюансы, безмерно кичатся премьерами и могут всю жизнь «вообще» проговорить на собачьи темы¹. Но собачий транспорт весьма мучителен, не даром так ценятся в Охотском крае хорошие каюры — проводники. Каюр то сидит на нарте, то бежит рядом, умирняя на ходу рвущих упряжь и друг дружку собак, удерживая их от соблазна свернуть по свежему звериному следу с почтового пути.

На Аляске ездовых собак нельзя бить, и вызывается это не только гуманностью. У нас это не узаконено, но признается, что битая собака уже не то. В Охотске к делу создания типа охотской собаки примешались разные другие породы — камчатские законы здесь не в ходу, да и режим собачий не таков: за лишней вой вздуют пса, и он уже не будет это проделывать. Собаки чрезвычайно нервны, доморощенное об'яснение их воя таково: как только завоюет одна, все заляются, именно нервячки. Но, очевидно, есть в этом какие-нибудь воспоминания о часе кормежки, о том, другом, третьем, да и надо знать, что собак нарочито никогда не кормят досыта.

Зимой во время работы одна рыбина, сухая горбуша или кета, вполне поддерживает упряжную собаку в день; летом их частенько вообще распускают бродить и кормиться самостоятельно. Летом они смирны и даже робки; летом бродячая собака не подумает вас тяпнуть. Но когда собак собирают, когда они уже привязаны к розвязи це-

¹ Собачья упряжка в 7-13 собак, включая передовую, может везти кладь до 300 кг со скоростью 15 км в час.

лым потягом или, еще того более, запряжены, — тогда, извините, могут и разорвать. За лето собаки откладывают все же толстый подкожный слой жира, особенно если живут близ нерестовых рек. Они питаются головками, не пустоголовыми селедочными, а мозговыми головками лососей. Зимой же случается, что в дальнем пути и сама собака идет в корм своим товарищам или даже всех поочередно с'едает припертый к стенке голодом хозяин. Мне приходилось слышать и читать о других случаях, когда собаки раздирали неповоротливого и неопытного хозяина, хотя, как вариант, я помню, добавляли, что это была волчья упряжка из выкормленных в неволе волчат. Настойчивое желание выгородить, обелить «собацек» придавало этому варианту трогательный оттенок. Далеко не всякая упряжная собака в Охотско-Камчатском крае годна для охоты; еще большая редкость (мне видеть не приходилось) — собаки-оленегонки, так сказать овчарки.

Но у тунгусов есть отличные белковщицы, помогающие охотнику-одиночке, даже в годы орехового недорода, промышлять по 200-300 белок в сезон.

У упряжных собак Охотского побережья случаются странные болезни: собака печальна, не ест, глаза гноятся, из носа гнойные выделения, 2-3 дня судороги, и собаке конец. Это подобие собачьей чумы удивительным образом не затрагивает слабых собак — гибнут лучшие и крепкие экземпляры. В 1925 г. в отдельных районах погибло до 100%. Собак лечат — отрубают хвост или уши, поят медвежьей желчью, настоенной на воде, но помогает это мало и бороться с этой болезнью не умеют, так же как и с другой, когда шерсть на груди и брюхе начинает мокнуть и наконец совсем вылезает. Мокнущая шерсть примерзает на ночлеге ко льду, и собак приходится вырубать из него топором. Эту болезнь лечат такими же знахарскими спо-

собаками — горячей золой растирают больное место. Но не из-за болезни предрешена участь собачьего транспорта на Камчатке. 10 с половиной миллионов лососей с'едают собаки в год. По местным рассказам-привирушкам, зимой тунгусы на лыжах ходят пить чай в Якутск — двухнедельный путь остервенелого бега собачьей почтой. Летят узкие нарты с прикрученными кожаными сумами, летят по хребтам, по увалам, по тундрам, по тайге, по узким заледеневшим ключам с крутыми загибами, поворотами. Днями летят — никого, ночью стоят — тоже. А наутро каюры раздают собакам кислый вонючий аргыз и... поть, поть, поть, пошел; хук, хук — влево; тах, тах — направо. А тунгус идет стороной, и путь у него короче, и знает он отлично, где кто в тайге и тундре едет, а сам придет раньше. В пути он только время от времени накрошит в жестянку чаю узким, самодельным из напильника ножом, на крохотном костерике вскипятит, выпьет его, густой, как колесная мазь, и ловко опрокинув чайные выварки в рот, зажует их уже на ходу. След и ступ у тунгусов легчайший — лыжницы по снегу не найти. Ни один русский не может так стоять на лыжах, признавались мне опытные лыжники-охотники.

ГЛАВА XIV

ОХОТСКУ ведомо все, что выпадало за долю приискательских центров Сибири: Бодайбо, Якутска и т. д. Золото, что находится близ города на прииске «Рассвет», высокопробно.

Диковинный картеж расшвыривал добытое во все стороны. В домах, где играли, хозяева посыпали крыльцо и

белый пол песком. Золото отмеривалось эмалированными кружками и хозяйскими чашками. Иногда хозяева надкалывали донышки, золото рассыпалось. Где его соберешь! Приискатели пили, кулачищи, не поддающиеся метрическим измерениям, гремели по столам. Как его разберешь? Золотые крупицы или блохи подпрыгивают, скатываются в песок.

Наутро бабы с дракой промывали песок, и... находка в полсотни золотников — обычное дело.

Приискательская награда за любовную встречу — мерка золотого песку, что может вместиться в ямочку пупка. Это был спорт. Золото отвешивалось с лихвой, песок выравнивался на животе, и после об'ятий женщина уносила с собой только оставшийся. То, что разбрасывалось по постели, обычай запрещал женщине собирать. Это не была жадность — так было заведено. Женщины любовного дела постоянно носили с собой круглые палочки, наивно веря, что можно растянуть, увеличить объем своего пупка.

Золото в Охотском крае впервые найдено путешественником Эрманом в 1829 г. Ему попались следы золота в наносах реки Охоты. Не утратилось в памяти и название «Немкин Ключ», по имени немца, безрезультатно шурфовавшего в местах теперешней добычи близ города Охотска.

Инженер Пюрингтон основал английское акционерное общество «Аянская корпорация». К этому времени в крае уже около шестисот заявок. Аянская компания, однако, отступила, за ней и японцы. Теперь иностранцев-приискателей, кроме китайцев и корейцев, нет. Приехал как-то один американец с паровым котлом величиной с самоварчик. Хозорганизации откупили у него самоварчик и сами греют почву. Основной недостаток работы на приисках — слабая механизированность и отсутствие воды. В засушливое лето, как нынче, прииски стоят без работы. Теперь

государственный концессионный фонд закрыт правительством на правах первого открывателя.

Охотские россыпи — аллювиального характера, встречаются кварцево-колчеданистые жилы — знак месторождения коренного золота. Россыпь долинная и увальная. Американский инженер Пюрингтон наблюдал три золотых горизонта: 35 футов, 60 футов и 135 футов от поверхности террасы.

Подстилающая порода — метаморфизованные сланцы с малоомощными жилами.

Север полнится золотым делом и словом. О Поамурье много рассказывал мне встреченный на одной из путей дорог старейший золотоискатель.

— Едете вы летом лесом — чудно вокруг, целыми рядами идут вдоль растоптанных в дорогу троп высокие пышные деревья: кедр, сосна. Вот едешь и дивишься: вниз, посредине и выше растут деревья со всеми ветвями и сучьями, а верхушки самые облуплены, начисто обглоданы все веточки, одни комли сухие да голые торчат, и так вдоль дороги, да не одну, не две версты. А дело-то просто.

Нет нигде таких снежных зим, как на Ананге. Наметает снегу на несколько сажен, идет он сразу, хлопьями большими, чуть не с ладонь. Едешь на соседний рудник, выехал — еще ладно, и вдруг помело, да так, что уж скоро лошади нельзя итти; а между рудниками телефон проложен, зимой никто, не сказавшись, не ездит. Снег такой пшел, сейчас говорят по телефону соседям на рудник: «Выехал один вершник», и если опасно, то с другого рудника навстречу трое верховых едут, специально тропу топчут, снег уминают; чуть проедут и назад, и по бокам и дальше так — и все кричат, иногда под'едут, а тот уже мало-мало не пропал.

Так вот наметет за зиму снегу видимо-невидимо — дорога и поднимается в уровень с верхушками деревьев, умнется, и ездят по ней, а по дороге на костерок, на нужды всякие ветки и обрубают. Вот и растут кедры, снизу как писанные, а вершинки голы.

Он не устает говорить, как золото любит землю, глубокую землю. Золотничник с 30-летним опытом, он говорит о глубокой земле, как моряки о глубоких водах. Золото тянет вниз, иногда оно опускается и чуть не на глазах пропадает — вот сейчас было, а теперь ушло вглубь. Так до почвы доходит. Ну, тут работы пропасть. Разве же одиночке-золотничнику взять шурфа на несколько метров, чтобы до золота добраться — его водой зальет, трудом убьет. Золото по всей Сибири есть: и в Северном районе и в Уссурийско-Амурском крае, но нужны машины.

Он убежденный, практикой убежденный сторонник коллективного, обобщественного производства. Последние годы он работал в низовьях Енисея на платице. Там ее не мало — на Удинке, но грунт очень плох, нужны драги электрические, а там что — бегуны стоят, разве они так раскрошат, выделяют? Но и так при хорошей постановке дела за весь летний сезон можно бы по фунту в день добывать. Трудно, конечно, завести по тундрам такие машины, даже продовольствие; припасы кое-какие и то трудно привезти, а платина там есть.

— У нас сейчас разведкой ходят с Енисея до Лены поперечником, и все хорошие показания дают места. Но на золоте работать приятнее. Платиновые крупницы грязные, серые, мутненькие. Золото с двух соседних ручьев уже разное. На ладонь иногда возьмешь три-четыре пробы и сразу узнаешь, с какого места.

Я сравниваю его слова с тем, что приходилось слышать раньше, несколько лет назад, в Восточной Сибири.

Посчастливилось, нашли богатые места, но провиант вышел. Расплачиваются вольные приискатели за инструмент и припасы в Якутске — отвешивают золото, и расчет готов. Возвращаются на свои места. Идут, хотя и не без осторожности, но не слишком и оберегаясь. Пришли, взялись за работу. С новым, хотя и одиночным оборудованием дело идет легче. Работают изо дня в день. Золотая жадность изнуряет непосильной работой; но вот и тайники готовы и на вьюках довольно, а то и просто на себе. Месгождение ли истощилось, или силы упали — пора выбирать. Маленький караван готов к пути. Он трогается. Выступает. В пути.

Вдруг быстрая, но не беспорядочная, а точная стрельба, и... людской состав при караване меняется.

Плоды тяжчайшей работы достаются тем, кто по оттенку золота, полученного в Якутске, понял, что это с новых мест, а редко где новые места не несут с собой золотого изобилия.

Слежка за ушедшими, быть может недели в пути за ними. Слежка за работающими, быть может месяцы (следить легче, чем работать), и разом получено все — результат счастливой находки, веселых надежд и горького конца.

Однако, бывает, доносят и до конца; привезут свое золото в город, иногда до Иркутска добираются и только там сдают. Правда, теперь, с введением широкой сети приемочных пунктов Союззолота, многие сибирские приискательские традиции отошли в глубь времен. Однако не все удовлетворены казенной ценой и тащат в город к частнику или даже за границу, китайцам несут желтую потайную «смолку». Идут по тайге, сгорбившись от золотого груза, в лосином мешочке на спине (оттого их и зовут «горбачами»), и всего боятся. Большие села обходят кругом, а больше всего им опасны одинокие встречные, охот-

ники за горбачами. Когда голод прижмет, рваный, босый горбач работает где-нибудь в деревне батраком, прикинется неудачником, иногда для отвода глаз подолгу работает, потом исчезает. Вши гнездятся вокруг ремней от мешков и изъязвляют тело до крайности; бывает, потом отлеживается в больнице и все заживает — народ крепкий, воздух в Сибири легкий, уверенность в жизни твердая, не сбиваемая никаким суеверием, мнительностью и фатализмом. Жить надо! «Ни для того жил, чтобы помирать!»

Один приискатель рассказывал мне, что существует в Северном золотоносном районе Центральная шахта № 1, откуда каждый раз при недовыработке нормы золота по плану добывается немедленно недостающая часть.

Золото вкраплено «тараканами» в стену, в породе, в руду.

Эта сказочная золотоносная шахта входит резервным номером, на случай, про запас.

Инженер Пюрингтон говорит, что на «азиатском берегу Тихого океана между 58° и 60° северной широты расположена почти нетронутая богатая золотоносная страна, которая благодаря росту торгового мореплавания на океане, лучшему картированию отдаленных морей и т. д. в течение немногих лет сделается экономически важной». Далее он говорит: «Необходимым условием для экономического завоевания этого пояса является постройка дорог от морского берега через горные цепи в глубь страны, так как Сибирская ж. д. имеет к этой местности такое же слабое отношение, как Тихоокеанская ж. д. в Соединенных Штатах к заливу Гудсон и Большому Невольничьему озеру в Канаде»¹.

¹ Великий северный путь включит эти пространства, и они зацветут невиданным в истории Севера размахом материальной и духовной культуры.

Еще в середине прошлого века писалось:

«По горам, окружающим Охотский порт, находится много примет к отысканию минералов; но опытов на сей конец не делано, а потому неизвестно, будет ли стоить трудов, чтоб их начать». Есть аметисты на Уракском плотбище, графит, серебро-свинцовые руды.

Тунгусы, учащиеся Хабаровского педтехникума, работавшие на летней практике в долине р. Ульбеи, говорили мне о множестве случаев находки золота по этой реке.

Неведомо, что еще принесут нам результаты геологических экспедиций в Охотско-Колымско-Камчатский край, но наполненность его недр ценными ископаемыми сомнению уже не подлежит.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
КВАН-ФО

ГЛАВА I

«По морю шум и вал великой, что никакими мерами невозможно доуг от друга голосу слышать».

«Сибирь в XVII в.» Сборник старинных русских статей о Сибири. М. 1980.

Путешественник середины прошлого столетия Ал. Марков пишет, отплывая из Охотска: «В грозном величии растялаось передо мною Охотское море; я с грустью смотрел на эту обширную влажную могилу».

«Прысну море полунощи, идут смерчи мьглами». (В полночь море взволновалось, смерчи идут наподобие туманов.)

Слово о полку Игореве.

МЫ ЧЕТВЕРО суток в пути. Путь этот обратный. Великолепным смотром проходим вдоль Сахалина. Вот Уркт, залив, куда выходит нефтепровод с Охи, там в шахматном порядке советские и японские нефтяные концессии. Видны нефтяные цистерны и ожидающие нефть пароходы.

Трюмы гудят весельем, оживлены наши палубы, палатки стоят на квиндеке. Пароход набит японскими моряками, славными нашими ребятами, едущими домой. Ок-

тябрь — кончился лов лососевых, начинается ход иваси, универсально обрабатываемой рыбки. Рыбаки раз'едутся на иваси. Кончится иваси — поедут на селедку весной. Отдохнут с месяц, и на лососей. Так. часть едет теперь на отдых, часть едет на труд, и все довольны. Пьют непривычно крепкие коньяк и виски, а на перевернутых боченках, на корзинах и фтонах¹ — карты, японские игральные карты с цветами, деревьями и прочей карточной эмблематикой.

— Так азалия, значит, три?

— Тройка, а хризантема — восемь.

— Ишь ты, стало быть я туз?

— Трефовый-с, а превосходительство — дама-с!

Японцы играют на расчет, который через два-три дня получают. Однако, по обычаю, уже зимой японские рыбаки забирают вперед на год больше половины будущего сезонного заработка, так что на руки им всегда приходится немного (приблизительно иен около ста на рыбака). Мы с Язгуром занимаемся делами подготовки личных счетов японцев. У нас темно и тихо в каюте; вдруг входят люди, кладут на койку тело, и в каюте совсем все затихает. Доктор и японский фельдшер перевязывают рану. Японцы по всему пароходу разом затихают. Суперкарго белкой носится по их трюму и рвет японские карты, да, те самые, с цветами, деревьями...

За картами опьяневший матрос нашего катера ударил ножом в живот чудесного парня, судового плотника с промыслов Суваути. Перед от'ездом бедняга мне показывал свой омаора — молитвенный амулет из храма Хатимана. Покамест другие занимаются рассуждениями о том, что бы было, если бы не японец зарезал японца, а европеец зарезал японца, или если бы японец зарезал европейца, я под-

¹ Ватные одеяла-матрацы.

хожу к раненому. Японцы боятся полиции — дело усиленно заминают.

Пускай. Мне безразлично. Но жаль Суваути. Доктор опасается смертельного исхода. Неизвестно, глубоко ли бедняга ранен. По японским законам разрешается хранение и ношение ножей с лезвием не длиннее трех с половиной сун.

У берегов Хоккайдо.

Китайское судно, на котором идем, стояло полтора месяца под арестом в Николаевске-на-Амуре. Теперь арест снят, и «Кван-фо» везет нас в Хакодате. Неожиданный приказ по радио, — курс изменен, мы идем в порт Отару, через Соя-Кайке — Лаперузов пролив. Но о проливе еще рановато, извольте еще заслужить пролив, еще добраться до него.

Каюта радиста на «Кван-фо». Синьор Валетти сидит в своих наушниках. Треск идет по всей каюте; направо от входа две карты; на одной цветным мелом нанесен наш

маршрут. Помощник капитана у карты. Радист читает вслух:

«Станция Килун, северная Формоза сообщает: «В пространстве между Филиппинскими, западными Каролинскими и Марианскими островами, вследствие появления области пониженного барометрического давления, по причине неравномерного распределения температуры в атмосфере, возник тайфун, скорость 49—51 км в час¹, кружностью 500 км».

Помощник отмечает на карте линии тайфуна. В каюту входит старший механик:

— Тяжелая зыбь от разных румбов, толчеобразное неправильное волнение, дело плохо.

Мистер Валетти начинает снова быстро записывать и читать:

«Станция Аомори. В Китайском море формируются штормы большого напряжения, возможен новый тайфун, центральная зона по направлению NS — Японское море, Лаперузов пролив и северо-западная часть Охотского моря, между Сахалином и Курильскими островами».

Вторая черта, наискось пересекая первую, ложится на карту. Линии продолжают, пересечение — на нашем пути.

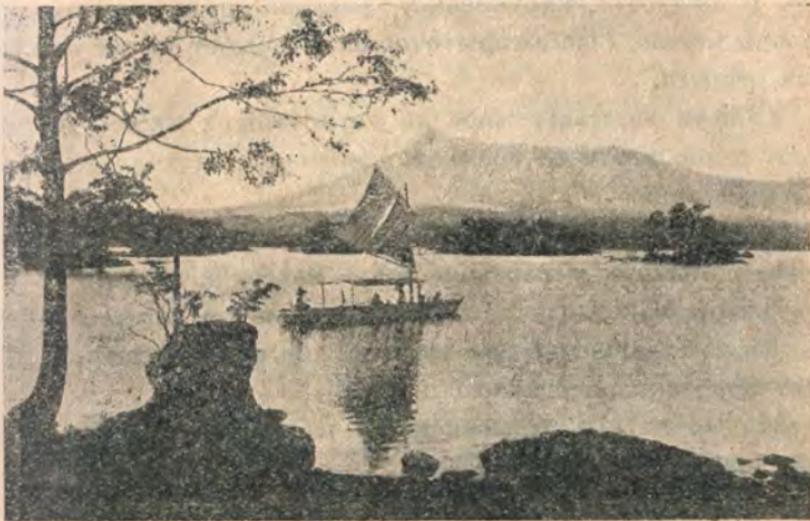
— Барометр упорно падает, — тихо говорит старший механик.

Некоторое время не слышно ничего, кроме треска радио. Станция за станцией: японские, малайские, китайские и советские. Все уже встревожены, встревожены и мы.

¹ Смотря по обстоятельствам, такая депрессия может или заполняться или углубиться, становясь наконец центром вращательного шторма. Вокруг этого центрального минимума, составляющего, так сказать, сердце шторма, частицы воздуха вращаются против часовой стрелки, но не по кругам, а по спиральям, постепенно приближающимся к центру.

Час — не время за таким занятием. Новые данные: противоположный тайфун, возможно, разовьется по линии через остров Хонсю под направлением к Чукотке. Резкая полоса и крест на месте предполагаемого стыка тайфунов.

Южно-сахалинская станция Тоюхара сообщает: «Скорость тайфуна увеличилась до 40 км, направление меняется на...»

У берегов Хоккайдо.

Мы сидим вокруг радиста и не отрываемся от каргы. Бой то-и-дело бегает с записками к капитану. Капитан ведет наш корабль. Капитан, мистер Дэвис, извещает письменно старшего помощника, что судно вынуждено изменить временно курс. На карте видно, где мы идем, видно, как грозными чертами, зигзагами и кривыми ломается море, сдавливая границы нашего пути.

И уже на станциях знают: в Охотском море пароход «Кван-фо», курс на Отару, и все средства и силы стан-

ций — помочь нам, помочь разобраться в неистовствующих ветрах, а мы еще и ветров-то не знаем этих, не видели, не ощущаем. Но они идут и сжимают наш путь.

Радио все слышит, все знает.

И мы теперь тоже знаем, что в Охотском море есть еще три корабля; их курс иной, но им тоже надо уйти от тайфуна.

На палубе прикручивают, наскоро привязывают что только можно. Пассажиры оторопело делают то же со своими вещами.

Тайфун взрывает море до глубочайших низин, и бывает, судно вертится волчком, вздымаясь на водяные горы и падая вниз.

А в каюте радиста то же напряжение, те же серьезные лица, помощник у карты и бой — вверх и назад.

Входит капитан с распушенным свитком карты в руке: он беглым взглядом сравнивает записи помощника и отдает короткий энергичный приказ.

Ночью летали отрывающиеся чемоданы; как цепной пес, бросался чей-то боченок с рыбой на борта нижних коек, и крепко держались за поручни непривязавшиеся пассажиры. К утру всем это надоело.

★ ★ ★

Г Л А В А II

МЫ В ПОРТУ Отару. Все триста наших японцев с'езжают с борта и весело прощаются с нами. Сдаем груз. Сегодня суббота, во вторник мы должны отойти.

Впрочем, уйти во вторник нам не удалось.

Китайская команда на «Кван-фо» — контрабандисты. Они скупили на спирт несколько тысяч белки по Охот-

скому побережью и спрятали на пароходе. Appetit приходит с едой.

Они покушались на почтовую пушнину и чуть не обокрали нашего славного почтаря.

Едва мы подошли к порту, — часть пушнины уже ушла на берег.

Но приехал наш консул, но налетела японская морская полиция в крылатках, и все открылось. Тогда на пароходе, не спеша, вспыхнул бунт.

Китайцы требуют немедленной отправки судна в Шанхай. Мы тоже за отправку.. во Владивосток. Судно принадлежит знаменитому брокеру Совторгфлота Моллеру; он англичанин, но живет в Шанхае, и шесть его собственных судов ходят под гоминдановским флагом. Его пароходы названы по именам семьи: «Дэзи Моллер», «Нонни Моллер» и т. д. Капитан едет на берег совещаться с английским консулом. Выясняется, что телеграфно можно перевести судно в британское подданство. Выясняется также, что владельцу как раз потребовалось еще одно женское имя. На Дальнем Востоке живут, очевидно, патриархальные, многосемейные англичане.

— Ну что ж, ура! Мы теперь будем «Ханна Моллер».

Однако проходит два дня, судно под парами, но китайцы не работают — работаем мы: моем палубу, таскаем шлак из кочегарки и прочее и прочее.

Мы стоим в искусственно закрытой гавани порта Ота-ру. Метрах в ста — город в долине и на холмах. Веселый маленький городок, под ровным, под голубым, под легким небом. На сопке над городом доминирует храм бога Сумиеси. Доминировать-то он доминирует, однако здание консервной жестянобаночной фабрики разводит на этот счет успешную конкуренцию с патроном литераторов — Сумиеси-сан.

А ночью парфюмерная реклама на соседних с городом горах «кроет» и Симуеси и консервные банки многометровыми электрическими буквами с вершины до подножья.

Восходы солнца в Японии официальные и зафиксированы в государственном гербе. Закаты каноном классической поэзии не допускаются. Природе остается ночь и день. Ночью в Японии очень темно, днем — очень светло. В Японии то полночь, то полдень.

В такой-то прекрасный полдень прибыл на борт великобританский консул с лицом из обглоданных берцовых костей. Длиннуший, удачно подражая семафору, он поднял руку к шляпе. Многолучевое солнце Гоминдана юркнуло вниз, а «унион джек»¹ флегматично залез на его место. Консул выпил в командирской каюте бутылку коньяка и уехал, а капитан послал в Управление морской полиции порта Отару официальное извещение о мятеже китайской команды на английском пароходе.

Положение изменилось. Китайцы просят у приехавшего комиссара полиции разрешения вернуться сухим путем через Японию до Иокогамы, а там немного морем до Шанхая. Комиссар отказывает:

— У вас нет иностранных паспортов, чтоб путешествовать по Японии.

Пароходный ресторатор, главный контрабандист, зачинщик и плут, переносит дело на политическую почву. Он бешено жестикулирует:

— Китай и Россия — война.

Он становится на колени, кричит: «Владивосток» и ударяет себя ребром ладони по шее — значит, приедем во Владивосток и нас казнят. Полиции это нравится, —

¹ Флаг трех соединенных королевств: Англии, Шотландии, Ирландии.

она не возражает против казни. Полицейский катер отходит.

Надоедает ждать. С еден японский виноград со вкусом земляники, сломались японские гребешки о камчатские шевелюры, за сутки износились купленные с лодок шляпы, и только день все длится, как полдень, и в небе голубизна прочности не японской.

Подул ветерок с моря, и почему-то вдруг замурашились китайцы.

Перекликаются. Бегают с узлами. Вот спускают большой пароходный баркас, сбрасывают шторм-трапы, и все восемьдесят — внизу, и бриз подгоняет их к берегу.

Около 700 лет назад, когда монголы свирепствовали из Руси, китайский император, монгол Хублай-хан, гигантским, неисчислимым флотом шел на Японию. Предвосхищая судьбы Армады Непобедимой, тайфуны разбили китайские корабли, развеяли и разнесли. Лишь немногие искалеченные суда поодиночке прибило ветром к берегам Японии, где... японский полицейский катер, молнией вылетев из ниоткуда, набросил буксир и мгновенно доставил китайцев к борту нашего парохода. Катер стал вдоль баркаса. Длиннен баркас, но катер-сигара еще длиннее и чуть выше. Выскочили и рассыпались по борту два десятка полицейских. Кортик, черные штаны и мундир, лакированные пояса и спущенные с черных фуражек лакированные ремешки на подбородках. Белые перчатки и бамбуковая трость.

Китайцы еще ничего не понимают, но недолго.

Русские пассажиры и сбродно-международные офицеры «Кван-фо» сгрудились на палубе и спардеке и смотрят вниз...

Первым не выдержал и полез на пароход по веревке с баркаса ресторатор с лицом, рассеченным бамбуком и

перекошенным от страха, злобы и боли. И еще через четверть часа все 80 были на пароходе.

Начальник полиции, улыбаясь, извещает капитана о ликвидации инцидента.

— Теперь, — добавляет он с улыбкой, почти нежной, — пароход может отправляться.

Нас человек тридцать, их восемьдесят. Угрюмые, озлобленные, они уверены, что избиение подстроено нами (это, конечно, не так). Но так или иначе, наступает ночь; неожиданный ночной смотр, и мы отходим в море.

— Шипи улолки, чоп, чоп¹, — распоряжается штурман. Ворота порта Отару — два маяка с зеленым и красным перемещающимися огнями. Пролив. Японское море.

Черников, управляющий нашими промыслами, становится командующим обороной корабля. Пароход разбит на районы. Распределены и назначены дежурства. Оружие сконцентрировано в штабе на спардеке, откуда штаб охватывает: наверху — отделение рулевое с капитанским мостиком и внизу — машинное. По железному решетчатому пролету над дизелем, между двумя запертыми дверями, часовым ходит англичанин, старший механик, с тяжелой дубиной в руках. Китайцы насторожены — они опытные контрабандисты и у них есть оружие. Они действительно опытны и потому соображают, что захват корабля немислим.

Пункты, где еще возможно изменение курса на Шанхай, пройдены. Видна Ольга².

Путь Отару — Владивосток покрыт менее чем в двое суток. «И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно, Одиссей возвратился пространством и временем полный».

¹ Пароход отправляется, живей, живей! (На англо-китайском жаргоне.)

² Залив Ольга.

ГЛАВА III

ЧЕГО ж еще; блеснув цитатой, как золотой plombой, можно бы и закрыть рот на последнем слове. Но еще длинен путь до Ленинграда, и это на Владивостокский вокзал трусит рысцой ходя-рогульщик с моим багажом.

Ультрамариновый зонт — знак и прерогатива китайского буржуа во Владивостоке. Китайский буржуа плавает в арендованной им шампуньке — юли-юли; шампунька на пятерых, он сидит один. В городе он ездит в просторной извозчицкй пролетке (тоже всегда один). Кроме этих занятий, он еще «покровительствует» молодежи владивостокских китайских театров и влияет на курс шанхайского, гонконгского и харбинского доллара и советских профсоюзных книжек. У него есть и другие дела. Предположим, китайского лавочника обложили как следует в финотделе — лавочник оставляет советские пределы и бежит в прихарбинскую клоаку Фу Дзя-дянь. В Фу Дзя-дяне, однако, находится некто согласный заплатить налог и таким образом продолжать торговлю, а может быть и еще что-нибудь.

Трудно фининспектору разбираться в китайских лицах. Торговля продолжается — лавочка работает. Сегодня горнякам выдают мануфактуру — курс книжек союза горнорабочих поднимается. Трудно кооператору разобратся в китайских лицах, если даже на книжке есть фотография.

Меня и двух знакомых бродячий фотограф-китаец уговаривал сняться.

— Ваша не беспокойся — все лица разные будут.

Постоянные фотографии во Владивостоке носят имена великих художников Возрождения. Рембрандт сманивает клиентов у Рубенса, а на базаре, говорят, был Рафаэль, но закрылся, не выдержав конкуренции северян, легче переносит

сящих владивостокский климат. Все владивостокцы на лето едут на Камчатку, на север. За юг борется только бюро путешествий, где вся витрина занята испанскими плакатами: «Поезжайте в Испанию», «Были ли вы в Испании?», «Вас ждет Испания!»

Владивосток настолько же холмист, насколько плосок Ленинград, не считая бывшего Троицкого моста. Улицы, как американские горы, и по ним ходят владивостокские слушательницы курсов иностранных языков и говорят о Лаперузовом проливе, как у нас о Фонтанке (впрочем, курсы называются академией). На китайских вывесках парикмахер и зубной техник в одной персоне рекламируются исполинской челюстью травоядных. Прочие китайские вывески поражают своей логикой: «Дамская парикмахера». Действительно, раз дамская, так и пиши в женском роде. Теперь во Владивостоке все реально. Продукты приморья: рыба, крабы, разнообразные моллюски, трепанги, иодистая морская капуста. Город живет и гигантским транзитом бобов на Эгершельде, пропускающим десятки огромных океанских пароходов с грузом, и своими транспортными делами на море, где свой и зафрахтованный тоннаж соперничает с транзитным. Без перебоя и перерыва идут в страны Тихого океана пароходы с советским экспортом, главным образом лесом. Теперь во Владивостоке все реально. Блеф перешел на Харбин и отодвинулся еще дальше, но едва ли кому в центре Советской России известно, что еще в августе 1922 г. во Владивостоке бесплатный проезд в трамвае предоставлялся... членам боярской думы. Существовала боярская дума, ратное ополчение, и ратным сполчением командовал владивостокский воевода. Но и при основании своем Владивосток скомпрометирован историком-энтузиастом. Момент возникновения города приписывается подвигу прапорщика Комарова, который с командой в

40 нижних чинов «русскою воинскою силою» 20 июня 1860 г. занял территорию современного Владивостока.

Как справедливо указывает автор очерка о Владивостоке, занятие какого-либо пункта военной силою предполагает существование неприятеля. Между тем достоверно известно, что в действительности никакого неприятеля не было и русскими был занят совершенно безлюдный край. С этой знаменитой даты, 20 июня 1860 г., когда военный транспорт «Манчжур» вошел в бухту Золотого Рога, и начинается официальное «владение востоком» — постройка «поста Владивостока и становление ногою твердой на Восточном море-океане».

Октябрь для Владивостока наступил в октябре 1922 г. К десятилетию советского Владивостока будет подходить к концу пятилетка города. Новые доки и расширенные портовые учреждения, широчайший пояс набережных вокруг прекрасного города будут наградой тем, кто связан с делом советизации края и социалистического строительства на Дальнем Востоке.

Денег на курьерский поезд у меня нет, и, угнетаемый предстоящей двухнедельной тряской, я издеваюсь над собой перлами сибирской частушки: «Ты машина-чертов-

«Кван-фо» грузится.

шина, ты куда торопишься. На тебя народ насыдет, ты не поворишься». Нет, он поворотился, но, действительно, вымотал мне душу за 13 суток пути. Но я отдыхаю. Я еду с работы. Мне будто не нужно так спешить. Спасаясь от дорожной праздности, я часть пути трачу на дискуссию с Баратынским. Он писал из Лейпцига в 1843 г.: «Железные дороги — чудная вещь. Это апофеоз рассеяния. Когда они обогнут всю землю, на свете не станет меланхолии».

Не раньше ст. Волховстрой соглашаюсь я с Баратынским.

На Октябрьском вокзале носильщик, увидев дубину из позвоночника акулы и шаманский бубен, сразу запросил с меня трешницу, и, оставя прочих пассажиров, шла за мной до площади Восстания куча возбужденных шоферов, совладельцев самого паршивого в Ленинграде автомобиля!

★ ★ ★

ГЛАВА IV ПРЕДПОСЛЕДНЯЯ

Аме га фури де мо,
Казе га фуи де мо,
Маиримас.

ЭТО японское присловье в особенно вольном переводе звучит:

Пусть льют дожди,
Пусть веют ветры,
Я все равно к тебе приду.

★ ★ ★

ГЛАВА V ПОСЛЕДНЯЯ

ПРИШЕЛ.

КОЛДОГОВОР АКО С ЯПОНСКИМИ РЫБАКАМИ

Я ПРИВОЖУ здесь на русском языке единственный в своем роде документ—договор, заключенный с тысячами японских рабочих на основе советского Кодекса Законов о труде. На промыслах колдоговор в японском тексте был роздан японским рыбакам и разъяснен.

Наем японских рабочих производится путем индивидуальной вербовки или через сендо, против которого (сендо) нет отвода со стороны профсоюзов, при чем в первую очередь нанимаются те японские рабочие, которые в прошлые сезоны работали на предприятиях АКО. Задатки японским рабочим выдаются или на руки каждому нанимаемому или через сендо. АКО обязано предъявить соответствующему фабзавпромкому по месту работы список рабочих, коим выдан задаток. На этом списке должна быть роспись каждого нанявшегося в том, какую сумму задатка он получил.

Днем увольнения сезонных рабочих и служащих считается: для занятых в Японии—день высадки в г. Хакодате.

АКО обязано:

своими средствами или за свой счет перевезти сезонных рабочих и служащих с места найма до места работы (промысел или завод), а также после окончания сезонных работ перевезти их с места работы обратно до места найма, т. е. до г. Хакодате.

Японским рабочим и служащим, нанятым вне Хакодате, АКО обязано за свой счет предоставить питание и общежитие (банья) в течение времени со дня прибытия в Хакодате до посадки на пароход. Продукты питания для японских рабочих и служащих должны быть предоставляемы в соответствии с их бытовыми особенностями.

Во время пути и во всяком случае не позднее пяти дней со дня прибытия на место работы АКО обязано выдать всем сезонным рабочим и служащим расчетные книжки по форме НКТ.

Расчетные книжки для японских рабочих и служащих должны быть выданы на двух языках — японском и русском.

При сокращении штата или производства в первую очередь, при равной квалификации, увольняются нечлены профсоюзов, при чем рабочие, члены японских союзов, приравниваются к членам союзов СССР. Японским рабочим и служащим выдается задаток при найме на работу в зависимости от продолжительности периода времени с момента найма до момента посадки на пароход в два или три срока и в размере по желанию рабочих, но не свыше двух третей основной ставки за сезон.

Не позднее 10 дней после окончания морского лова АКО обязано на месте работы подсчитать заработок японских рабочих за время со дня найма по день производства подсчета (за вычетом задатков и прочих выдач) и перед отъездом, взамен расчетной книжки, выдать каждому рабочему расчетный лист, по которому каждый из них получит зарплату в торгпредстве СССР в Хакодате.

Через четыре дня после начала промыслово-заводских работ должно быть ежедневно заносимо в соответствующие таблицы количество фактически отработанных часов каждым рабочим, а также ежедневно заносимо в наряды количество уловленной и обработанной рыбы по каждому процессу обработки в отдельности за день. Табелы и наряды должны быть вывешиваемы на видном месте на двух языках — русском и японском.

АКО обязано освобождать японских рабочих от всех работ в установленные их бытом праздники, в количестве трех дней в течение сезона, а именно: один день постановки невода—«Ами-Ороси», один день снятия невода—«Ами-Аги», и один день в середине августа—«Бон», взамен трех дней отдыха, установленных краевым отделом труда, а именно: 24 июня (Духов день), 29 июня (Петров день) и 20 июля (Ильин день).

Сезонные рабочие и служащие, нанятые в Японии

§ 1. Во время хода лова рыбы, обработки и уборки ее, при подготовке к постановке неводов, во время самой постановки, уборки и снятия неводов, при погрузке и выгрузке судов допускается на этот период времени удлинение рабочего дня в пределах не свыше шести

часов в день как в будние дни, так и в предпраздничные, праздничные и еженедельные дни отдыха.

§ 2. Месячные ставки сезонным рабочим и служащим, нанятым в Японии, устанавливаются в иенах, кроме готового стола, со дня найма по день увольнения и банья (питания и общежития в течение времени со дня прибытия в Хакодате до дня посадки на пароход) в следующем размере:

- а) Старшие рабочие пристани, по обработке рыбы, по лову рыбы; старшие кунгасные и старшие каракурибан (старш. приемщики, причальщики кунгасов на берег) 45 иен
- б) Каракурибан (приемщики, причальщики кунгасов на берег) 40 "
- в) Промысловые рабочие-ловцы и по обработке крабов . . 35 "
- г) Повара 35 "
- д) Сторожа, уборщики и рабочие на кухне 32 "
- е) Машинисты лебедек, мотористы и рулевые катеров и судовые плотники 90 "
- ж) Мотористы и рулевые на моторных кунгасах и старосты по обработке трески 70 "

Праздничные и сверхурочные оплачиваются из следующего расчета:

№№ по порядку	Наименование должности	Ставки			
		Полут.	Час.	Полут.	2 час.
		В сенах			
1	Старшие рабочие пристани, по обработке рыбы, по лову рыбы, ст. кунгасные и ст. каракурибан	15	30	45	60
2	Каракурибан	14	27,5	41,5	55
3	Промысловые рабочие, ловцы и рабочие по обработке крабов и повара	12,5	25	37,5	50
4	Сторожа, уборщики и рабочие на кухне	12	23,5	35,5	47
5	Машинисты лебедек, мотористы и рулевые катеров и судовые плотники	22,5	45	65,5	90
6	Мотористы и рулевые на моторных кунгасах и старосты по обработке трески	17,5	35	52,5	70
7	Кочегары лебедек	12,5	25	37,6	50

§ 3. Кроме указанных выше твердых месячных ставок, японские рабочие получают за каждые сто (100) коку уловленной и обработанной рыбы премиальные в нижеуказанном размере:

1. Горбуши японским посолом „кайро“ или „арамаки“ . . .	50 сен ¹
2. То же русским посолом в чаны, бочки или ящики . . .	60 „
3. То же соленой, полумытой, россыпью	45 „
4. То же невытой	40 „
5. То же свежей со сдачей на заводы и рефрижераторы . .	35 „
6. Кеты японским посолом „кайро“ или „арамаки“	80 „
7. То же русским посолом в чаны, бочки или ящики . . .	90 „
8. То же соленой, полумытой	55 „
9. То же свежей со сдачей на заводы и рефрижераторы . .	40 „
10. За обработку икры японским посолом с 16,38 кг (пуд готовой обработанной икры)	05 „
11. За улов, обработку и уборку трески со штуки	02 „
12. За улов, обработку и уборку сельди с 16,38 кг (пуд) . .	02 „
13. За выработку жира технического, с ящика	20 „
14. За выработку жира медицинского; с ящика	50 „
15. За лов крабов, с ящика:	
фанси	1 иена 25 „
чойс	„ 85 „
пассед.	„ 45 „
16. За изготовление консервов из крабов, с ящика:	
фанси	1 иена 05 „
чойс	„ 85 „
пассед.	„ 45 „

§ 4. Премиальными компенсируются рабочие в удлиненные рабочие дни, установленные § 1 настоящего раздела, лишь на нижеперечисленных работах: а) подготовка к постановке неводов, б) заготовка якорей и других технических приспособлений, обслуживающих промысловые работы, в) лов, обработка, уборка рыбы и крабов, г) починка сетей и других орудий лова и д) снятие, сушка и уборка неводов.

Под ящиком жира подразумеваются следующие операции: приготовление завода к эксплуатации. Отделение ног от туловища, доставка с пристани вагонетками на завод крабов к месту варки; варка, охлаждение и все прочие операции включительно до лакировки, укладки в ящики, контрольной проверки и укладки в пакгаузы на

¹ Сен — копейка, чуть меньше.

хранение, а также уборка отбросов до тукового завода, уборка завода и т. д.

Примечание. За работу сверх восьми часов на погрузочно-разгрузочных работах, которые оплачиваются сдельно по расценкам, согласно приложения 4, а также за работу сверх восьми часов на работах, указанных в § 26 первого раздела, рабочие получают доплату в соответствии с таблицей § 2 настоящего раздела.

§ 5. Премияльные распределяются между рабочими, перечисленными в § 2 настоящего раздела, в соответствии с количеством фактически отработанных часов, в том числе и сверхурочных, и количеством выработанной продукции каждым рабочим. Проект распределения премияльных в сумме на каждого составляется администрацией и утверждается РКК.

§ 6. За работу в праздничные дни и дни отдыха японские рабочие получают:

а) на работах, оплачиваемых премияльными,— одну часовую ставку за каждый час фактической работы;

б) на работах, которые премияльными не оплачиваются,— двойную часовую ставку за каждый час.

Номенклатура питания японских рабочих на
одного человека в месяц

№.№ по порядку	Наименование продукта	Количество в мес. на одного чело- века
1	Риса	21
2	Риса (мочи-гоме)	4
3	Бобов красных	2
4	Сои	5
5	Мяса	600 момме
6	Редьки соленой	15 штук
7	Овощей сушеных	150 момме
8	Редьки сушеной	300 "
9	Капусты морской (вакаме)	50 "
10	Лука свежего	300 "
11	Картофеля свежего	500 "
12	Чеснока соленого	100 "
13	Японской лапши (сомен)	100 "
14	" " (удон)	100 "
15	Овощей сушеных (кампио)	100 "
16	" " (вараби)	100 "
17	Бобов (даязу)	500 "
18	Сахара черного	50 "
19	Сахара-песку	50 "
20	Факусинзукэ (готовые овощи)	50 "
21	Эссенции уксусной	05 фл.
22	Масла растительного	30 момме
23	Выжимок от саке	100 "
24	Японского чая (мугича)	50 "
25	Черного гоме (сезам)	10 "
26	Муки	100 "
27	Сока соли и соляного раствора (нигари)	5 "
28	Свежей рыбы во время ее хода	8 штук
29	Соленой рыбы до и после ее хода	8 "

Подписи:

*Буриин, Заседателей, Охрамец,
Гавельев, Коленков и Белый.*

ЛИТЕРАТУРА

Андреевич В. К., Исторический очерк Сибири, основанный на данных, представляемых Полным Собранием Законов и Сенатским Архивом. СПб. 1887.

Его же, Сибирь в XIX столетии. СПб. 1889.

Артамонов Д. С., Транспорт и торговля по восточной границе СССР. М. 1928.

Арсеньев В. К. и Титов Е. И., Быт и характер народностей ДВК, 1928.

Архипов Н. Б., Дальневосточный край. ГИЗ. 1929.

Андреианов, Рыбное хозяйство Д. В. (бюллетени рыбного хозяйства, 1924, № 6-7; 1925, № 1-2).

Анучин Д., Материалы по антропологии Восточной Азии. Племя айну. «Изв. о-ва любит. ест.», т. XX, 1876.

Акклиматизация тихоокеанского лосося в Великих озерах. «Вестник Рыбной промышленности». 1900, № 2.

Булычев И., Путешествие по Восточной Сибири, ч. 1 — Охотский край. СПб, 1857.

Борисов П. Г., Белуха. «Изв. Иван.-Возн. политехн. инст.», т. IX. 1926.

Борисов В. Д., Туземцы Якутского края. «Хозяйство Якутии», 1927, № 2-3.

Бабаскин А. В., Рост амурской кеты. Казань, 1926.

Берг Л. С., О нахождении представителя рода *Oncomhynchus* в реке Лене. Л. 1927.

Богораз-Тан В. Г. и Стедницкий С. Н., Букварь для северных народностей. М. 1927.

Библиография Востока. Под общ. ред. Д. Н. Егорова. Вып. I. История. М. 1928.

Вольский, Камчатка (полит.-экон. очерк). Северная Азия. 1925, кн 4.

Врангель Ф., Путешествие по Сибири и по Ледовитому морю. Т. II. (Замечания о езде на собаках).

Гурлянд Л. И., Степное законодательство с древнейших времен. «Изв. Общ. арх этн. при Каз. ун.», т. X, вып. 4—5. Тунгусы, стр. 152.

Грюнер С. А., К вопросу о статистике оленеводства. Сев. Азия. 1926, кн. 4.

Гапанович И. И., Камчатка. Вл. 1926.

Галкин, В земле полуночного солнца. М. 1929.

Грачев В. А., Обзор источников по истории Приамурья и Охотско-Камчатского края. Вып. I. С древнейших времен до половины XIX в. Вл. 1928. (В трудах ГДУ, серия III, № 5).

Добровольский И. Д., Проблема развития производительных сил Охотско-Камчатского и Анадырско-Чукотского края. Сев. Азия. № 4. 1927.

Дмитриев С. Н. (перев.), На далекой Камчатке. ГИЗ. 1929. Дальневосточный край в цифрах. Хаб. 1929.

Давыдов, Лоция побережий РСФСР Охотского моря. Вл. 1923. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова. СПб. 1810. 2 части. Енисейские тунгусы. «Землеведение». 1917.

Егерман Э., Путь до Японии. (Зап. по гидрографии), т. XXXVIII, Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара, соч. моск. купцом Ф. Шемелиным. СПб. 1816—1818.

Жигало И. Е., Классовое расслоение дальневосточной деревни. Хаб. 1929.

Знаменский С., В поисках Японии. Благовещенск. 1929.

Забайкальские тунгусы, «Сибирский Вестник», 1823.

Ионов В. М., Поездка к майским тунгусам.

Иохельсон-Бродская Д. Л., К антропологии женщины племен крайнего востока Сибири. «Руск. Антроп. журн.». 1907, № 1—2.

Иоффе А. А., О концессионной политике. Сев. Азия. 1926. № 5—6. «Известия Тихоокеанской научно-промысловой станции».

Кривошапкин М., О тунгусах. Зап.-Сиб. отд. ИРГО, кн. 6, Иркутск. 1863.

Костров, Там же, кн. 4.

Копылов И. П., Тунгусское хозяйство Лено-Кирейского края. Новосибирск, 1928.

Кларк П., Очульские и тутурские тунгусы в Верхоленском округе. Иркутск, 1869.

- Ковьмин Н.*, Какие права имеют якуты на Охотском побережье. Северная Азия. 1926, кн. 2.
- Ксенофонтов Г. В.*, Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов, ч. I, Иркутск, 1928.
- Корн М.*, В советских даялах. Вл. 1926.
- Кавальцев А. И.*, Два тунгусских черепа. «Изв. ВСОРГО». т. IV.
- Кувнецов И.*, К вопросу постановки массового рыболовства лососевых рыб на Амуре. «Рыб. Хозяйство», т. IV, М. 1923.
- Его же*, Лососевые рыбы. «Естеств.-производ. силы России», т. VI, Пгд. 1920.
- Его же*, Некоторые наблюдения над размножением амурских и камчатских лососей. Вл. 1929.
- Кюнер*, География Японии. М. 1927.
- Леонов Н. Н.*, Туземные советы в тайге и тундрах. М. 1928.
- Линский*, О тунгусах приамурского бассейна. Хаб. 1929 г.
- Майнов И. И.*, О приросте инородческого населения Сибири (стат. мат. для осн. вопроса о вымирании первобытных племен). «Жив. Стар.». 1911.
- Майдель Г.*, Путешествие по северо-восточной части Якутской области, ч. I, 1894; ч. II, 1899.
- Майнов И. Н.*, Население Якутии — тунгусы. Из. сб. статей «Якутия», изд. Ак. наук. 1926.
- Его же*, Два типа тунгусов. «Русск. ант. журн.». 1901. № 2.
- Мицкевич С. И.*, Менерик и эмиряченье — формы истории в Колымском крае. Мат. по изуч. ЯССР. Вып. XV.
- Мордвинов А.*, Орочены или олени тунгусы. «Современник». 1851 г. XXVII.
- Миддендорф*, Путешествия на северо-восток Азии.
- Маак*, Вилюйский округ Якутской области. 3 тома, СПб. 1883. Стр. 86, 1887.
- Марком А.*, Русские на Восточном океане. СПб. 1856.
- Малэс Рене*, В стране охоты и вулканов. Вл. 1928.
- Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. Прил. к Морск. сб. № 1—2, 1861.
- Материалы по туземному вопросу на Дальнем Востоке. Чита. 1924.
- Назаров М. В.*, Оленеводство и болезни северных оленей. М. 1926.
- «Наш Север», 2-я книга для туземных школ северной зоны РСФСР (авторы—Леосов Н. И. и Островский И. Е.), М. 1927.

Орловский П. Н. Год анадырско-чувашиского оленевода. «Сев. Азия», 1928. № 2.

Его же, Анадырско-чукотское оленеводство. «Сев. Азия», 1928. № 1.

Орлова Е. П., Хозяйственный быт ламутов на Камчатке. «Сев. Азия», 1928. № 5-6.

Огородников В. И., Очерки истории Сибири до начала XIX ст., ч. II. вып. I. Завоевание русскими Сибири. Вл. 1924.

Обручев С. А., В неведомых горах Якутии. ГИЗ, 1929.

Его же, 2. I гл. Иркутск. 1920.

Опись Охотского острожку пятидесятника Семена Сорокоумова от 27/II—1682 г.

Попов В. Л., Проблема Охотского моря. «Сев. Азия», 1929. № 3.

Патканов С., О приросте инородческого населения Сибири. 1911.

Его же, Статистические данные, показывающие племенной состав Сибири. Язык и род инородцев. «Зап. ИРГО», 1912, т. XI, вып. III.

Его же, Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. «Зап. ИРГО по отд. этногр.», т. XXXI, ч. I, вып. I и II, ч. 2, СПб. 1906.

Пекарский Эд. и Цветков В. Л., Приаянские тунгусы. СПб, 1911.

Пекарский Эд., О происхождении слова «тунгус».

Пекарский Эд. и Цветков В. Л., Очерки быта приаянских тунгусов. Сб. МАЭ. Ак. наук, т. II, вып. I, СПб, 1913.

Попов, Пища тунгусов. Изд. ВСОРГО. Ирк. 1926.

Плотников М.; О приросте некоторых сев.-сибирских туземных племен. «Сев. Азия», 1925, кн. IV. Тунгусы, стр. 15—22. (Здесь же—Полемика о вымирании туземных племен Сибири).

Петрухин С., Кустарные промыслы Камчатки. «Сев. Азия», 1926, кн. I.

Полтораднев, Программа обследования оленеводства у малых народностей Севера. Ирк. 1926.

Решетников С., Крестьянское хозяйство Камчатки. «Сев. Азия», 1928. № 3.

Суслов И. М., Социальная культура у тунгусов бассейна Подкаменной Тунгуски. «Сев. Азия», 1928.

Словцов, Историческое обозрение Сибири.

Соколов Ф. В., Аян-Нельканский район. СПб, 1913.

Список населенных мест Д В К. X. 1926.

Стеллер Г. В., Из Камчатки в Америку. Л. 1926. (Извлечения и перевод).

«Советский Север», первый сборник статей. Изд. Ком. сод. нар. сев. окраин при Президиуме ВЦИК. М. 1929.

Слободской М. А., Литература по этнографии Сибири. «Ист. журн.» с 1901 по 1913. Ирк. ВСОРГО, 1928.

Сытина В. А., В тунгусской тайге. Л. 1929.

Сибнев, Исторический очерк главнейших событий на Камчатке с 1650 по 1856 гг. СПб. 1869.

Его же, Охотский порт. Морск. сб., т. 105, № 11.

Его же, О тунгусах приморской обл. Восточной Сибири. «Мор. Сб.» 1859. № 5.

Ск. Ал. (Соколов), Начало Охотского моря Сб. 1881. № 6:

Стефанович, От Якутска до Аяна. Изв. ВСОРГО, 1894.

Солдатов В., Дальневосточный лосось. «Ест.-произв. силы России», т. VI.

Его же, Исследования биологии лососевых Амура. «Рыб. пром. Д. В.», т. VII, ч. 1.

Его же, Разведение лососевых пород в Японии. Мат. к позн. русск. рыболов., т. I, вып. III.

Слюнин, д-р, Охотско-Камчатский край. 2 тома. СПб. 1900—1901 гг.

«Тайга и тундра», 1928, № 1.

Талько-Грынчевич Ю. Д., К антропологии Забайкалья и Монголии, «Русск. антр. журнал» № 2.

Толмачев И. П., Вести из хатангской экспедиции. Изв. РГО. т. 42, вып. III. 1906.

Титов Е. И., Тунгусско-русский словарь с приложением книги М. А. Кастенна, «Основы изучения тунгусского языка», Ирк. 1926.

Тихменев, Историческое обозрение образования Российско-американской компании. СПб., 1863—1867. 2 части.

«Тихий океан». Русск. научн.-иссл. изд. Ак: наук: Ленинград: 1926.

Урсынович С. Л., Руссификация и христианизация камчадалов. «Сев. Азия», 1925, кн. 3.

Ходукин Я., Тунгусы реки Коченги. Сб. трудов Ирк. гос. ун-та. т. XIII.

Харузина, Тунгусы. ГИЗ. 1927.

Хлебников С. Т., Первоначальное поселение русских в Америке. Журн. «Радуга», Ревель. 1833.

Его же, Материалы по истории российских поселений в Америке.
Цинзерлинг Ю. Д., Северные пределы земледелия. Труды по
прикл. ботан. и селекции, т. XV, вып. III. Л. 1928.

Черкасов, Записки охотника. М. 1891.

Шренк Л., Об инородцах Амурского края. 3 тома, СПб, 1883—
1903 гг.

Штейнберг Л., Камчадалки. М. 1928.

Шлезингер Б., Англо-японское соглашение и тихоокеанская про-
блема. «Сев. Азия», 1929, № 3.

Шелехов Г., Путешествие Г. Шелехова, 2 ч. с картинкою. СПб,
1812.

Широкогоров С. М., Опыт исследования основ шаманства у тун-
гусов. Ученые записки. Ист.-фил. фак. Владивост. ун-та. 1919. Вл.

Шипихин В., К созданию национальных туземных округов, «Се-
верная Азия», 1922. № 5—6.

Щеглов И. В., Хронологический перечень важнейших данных по
истории Сибири, Ирк. 1883.

Эратов-Слуцкий Л. С., Д.-в. морская капуста. М. 1928.

Эггенберг А. Я., О северном олене. М. 1928.

«Якутия», сборник статей под ред. И. В. Виттенберга. Л. 1926.

Яковлев С. И., На севере Д. В. Вл. 1926.

Японская рыбная промышленность. СПб. 1911.

Яснопольский Б. В., Сев.-азиатск. часть СССР. Акад. наук¹.

¹ Литература на иностранных языках, хотя бы и издававшаяся в
России, не указана.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая — По СССР через Японию	5
Часть вторая — Люди, дела и дни Охотского моря	22
Часть третья — Туземный край	101
Часть четвертая — Кван-фо	197
П р и л о ж е н и я	
Колдоговор АКО с японскими рыбаками	211
Литература	217

Адрес издательства (правления):
МОСКВА, Центр, ул. 5 Октября (б. Никольская), 10.

Склад издания:
КНИГОЦЕНТР, Москва, Богоявленский, 4.